И 255/150

И 255/150 ч

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

155-го ПѢХОТНАГО КУБИНСКАГО ПОЛКА ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ

1877—1878-го ГОДОВЪ.

Составилъ того же полка штабсъ-капитанъ *Поземковскій.*

ТИФЛИСЪ.

Печатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, въ типографіи Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1881.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

2007231730

Ф 65834-41

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

ГЛАВА I.

Краткій очеркъ состоянія полка передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій.—Сосредоточеніе войскъ дѣйствующаго корпуса въ крѣп. Александрополѣ.—Мобилизація.—Зимняя стоянка полка на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ крѣп. Александрополя.—Возвращеніе полка въ свою штабъ-квартиру—урочище Джелалъ-Оглы.—Экстренное выступленіе полка снова въ крѣп. Александрополь.—12-е апрѣля 1877-го года и переходъ чрезъ р. Арпачай.—Вступленіе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ въ предѣлы Турціи.

Сформированный въ 1863-мъ году изъ 6-го резервнаго баталіона севастопольскаго пѣхотнаго полка и названный въ 1864-мъ году 155-мъ пѣхотнымъ кубинскимъ, полкъ, послѣ долгихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто по кубанской области, въ маѣ мѣсяцѣ 1867-го года прибылъ на отведенную для него постоянную штабъ-квартиру, урочище Джелалъ-Оглы, лорійскаго приставства, тифлисскаго уѣзда. Устроившись и основавшись постепенно на новыхъ привольныхъ мѣстахъ, полкъ зажилъ, изъ года въ годъ, тою дѣятельною, въ отношеніи мирной служебной подготовки, жизнью, болѣе или менѣе успѣшные результаты которой обнаруживали себя ежегодно во время лѣтнихъ лагерныхъ сборовъ, назначавшихся или близъ г. Тифлиса, или же въ самой штабъ-квартирѣ, куда собирались и остальныя части дивизіи, въ ожиданіи посѣщенія джелалъ-оглинскаго учебнаго лагеря Его Императорскимъ Высочествомъ, Главнокомандующимъ кавказскою арміею. Будучи полкомъ молодымъ, лишеннымъ славныхъ боевыхъ традицій, и не имѣя въ средѣ личнаго состава офицеровъ боеваго элемента въ преобладающей степени, кубинцы, въ недолгій сравнительно періодъ своего существованія, постоянно и сознательно стремились путемъ мирнаго усовершенствованія—какъ теоретическаго, такъ и практи-

ческаго, подготовить себя въ военномъ дѣлѣ настолько, чтобы въ нужную минуту, въ трудную годину испытаній походно-боевой жизни, съ честью поддержать славу русскаго оружія и доброе имя русскаго солдата. Это послѣднее стремленіе, несмотря на присутствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій, зависящихъ отъ несовсѣмъ удобнаго расквартированія полка, а также сопряженныхъ съ отбываніемъ частями (побаталіонно) караульной службы въ г. Тифлисѣ замѣтно проходитъ чрезъ всю, предшествующую кампаніи, жизнь полка и не безплодно отражается на результатахъ, смотровыхъ его оцѣнокъ, за разные годы, по всѣмъ отраслямъ военнаго образованія и благоустройства (*). Кромѣ того, при разсмотрѣніи задатковъ, которыми могъ располагать полкъ для проявленія своихъ боевыхъ качествъ въ предстоящей войнѣ, и возможности по достоинству пріобрѣсти почетное имя храброй части, безукоризненно заслужившей свои георгіевскія знамена и серебряныя трубы, нужно принять во вниманіе еще и то весьма важное обстоятельство, что начало формированія полка относится къ тому времени, когда прежняя долгосрочная служба солдата стала исподоволь замѣняться новою кратковременною. Вѣкъ прежнихъ героевъ, закаленныхъ въ трудахъ и опасностяхъ походно-боевой жизни, миновалъ, и на смѣну посѣдѣвшему ветерану явился, едва развившійся и только-что достигшій совершеннолѣтія, юноша—нашъ солдатъ настоящей эпохи. Минувшая война наглядно доказала намъ, что и молодой неопытный солдатъ настоящаго времени умѣетъ терпѣливо переносить всѣ невзгоды боевой жизни, мужественно преодолѣвать всѣ опасности войны и безропотно умирать на полѣ брани... Относительно личнаго состава офицеровъ полка можно сказать слѣдующее: изъ имѣющихся въ полковомъ архивѣ данныхъ видно, что способъ первоначальнаго комплектованія офицерами полковъ 39-й пѣхотной дивизіи, въ томъ числѣ и кубинскаго, былъ тотъ, что изъ разныхъ частей кавказской арміи переведены во вновь формируемую дивизію старшіе въ чинахъ офицеры, образовавшіе кадръ, изъ котораго впослѣдствіи составился

(*) См. Отчеты о состояніи 155-го пѣхотнаго кубинскаго полка, съ 1868-го по 1876-й годъ.

комплектъ офицеровъ вновь формировавшейся дивизіи. Способъ этотъ былъ въ высшей степени цѣлесообразенъ, потому что устранялъ всякую возможность начальникамъ отдѣльныхъ частей, откуда переводились офицеры, дѣлать выборъ и, пользуясь удобнымъ случаемъ, удалять изъ ввѣренныхъ имъ частей тѣхъ лицъ, существованіе которыхъ въ части было, почему-бы то ни было, не желательнымъ. А это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, обезпечивало за вновь нарождающимся обществомъ офицеровъ кубинскаго полка, на первыхъ же порахъ, доброкачественные элементы, вліяніе которыхъ на духъ полковыхъ офицеровъ послѣдующихъ временъ, такъ сказать закваска ихъ среды, было вполнѣ благонадежное. Закваска же эта заключалась въ сформировавшемся долгими годами духѣ кавказскаго боеваго товарищества, мужествѣ и привычкѣ къ трудамъ и опасностямъ военной службы, явившимися конечнымъ результатомъ обстановки, среди которой приходилось жить войскамъ славной кавказской арміи, въ долгій періодъ кавказскихъ войнъ. Въ послѣднее время къ этому, такъ сказать, боевому элементу, доживающему послѣдніе годы своей долговременной службы, сталъ исподоволь присоединяться контингентъ офицеровъ, получившихъ теоретическое образованіе въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ. Это молодое поколѣніе, начавшее свою службу подъ непосредственнымъ вліяніемъ своихъ старшихъ товарищей и, инстинктивно воспринявшее отъ нихъ боевую закваску, о которой мы говорили выше, съ своей стороны внесло въ сферу служебной дѣятельности новый элементъ—элементъ знанія. Это соединеніе боеваго опыта съ теоретическимъ знаніемъ безъ сомнѣнія и служило главнымъ основаніемъ того, что личный составъ офицеровъ полка, какъ это доказала только-что пережитая нами война, оказался вполнѣ на высотѣ своего почетнаго призванія.

Въ 1876-мъ году, т. е. наканунѣ открытія минувшей кампаніи, 155-й пѣхотный кубинскій полкъ находился въ слѣдующихъ условіяхъ, по отношенію къ расквартированію и служебнымъ занятіямъ: 2-й баталіонъ съ 1875-го года несъ караульную службу въ г. Тифлисѣ, остальные же баталіоны полка—1-й, 3-й и стрѣлковый (нынѣ 4-й баталіонъ) находились въ штабъ-квартирѣ пол-

ка, урочищѣ Джелалъ-Оглы и его окрестностяхъ. 13-го іюня 1876-го года 1-й и 3-й баталіоны, какъ видно изъ отчета о состояніи полка за 1876-й годъ, тоже выступили въ г. Тифлисъ, гдѣ ставъ лагеремъ, приступили къ отбыванію городской караульной службы. Сюда же 29-го августа прибылъ 4-й баталіонъ и штабъ полка вслѣдствіе того, что лагерный сборъ въ этомъ году предполагался близь г. Тифлиса. Между тѣмъ, событія сербско-турецкой войны и возстаніе славянъ на балканскомъ полуостровѣ, какъ извѣстно, поставили Россію въ натянутыя отношенія къ турецкому правительству вслѣдствіи чего, къ сентябрю мѣсяцу, къ нашей кавказско-турецкой границѣ стали стягиваться войска, а 9-го числа этого мѣсяца, согласно распоряженію начальства, какъ это значится въ вышецитированномъ отчетѣ о состояніи полка, кубинцы, въ полномъ составѣ, выступили изъ г. Тифлиса въ крѣп. Александрополь, для присоединенія къ войскамъ, расположеннымъ лагеремъ близь названной крѣпости. Придя въ крѣп. Александрополь 21-го сентября, полкъ расположился лагеремъ близь р. Арпачай.

Составъ полка, по срокамъ службы нижнихъ чиновъ, къ этому времени былъ слѣдующій: въ 1876-мъ году были выпущены въ запасъ люди, поступившіе на службу въ 1871-мъ году, въ рядахъ же полка оставались послѣдующіе сроки, до 1876-го года включительно.

При этомъ необходимо указать здѣсь еще и на слѣдующую особенность, которая должна имѣть свое значеніе при оцѣнкѣ всѣхъ данныхъ, какими располагалъ полкъ, готовясь къ трудному походно-боевому поприщу.

Мы говоримъ о составѣ полка, по мѣстностямъ служившимъ для набора рекрутовъ, образовавшихъ впослѣдствіи контингентъ нижнихъ чиновъ полка.

Съ 1874-го года, какъ это видно изъ отчетовъ о состояніи полка за то время, преобладающій контингентъ въ комплектованіи кубинскаго полка (почти $^3/_5$ всего числа молодыхъ солдатъ) составляли люди вятской губерніи; затѣмъ слѣдовали уроженцы западныхъ и, въ самомъ незначительномъ процентѣ, ставропольской губерній. Предполагаемымъ театромъ предстоящихъ полку военныхъ

дѣйствій были сѣверо-восточныя провинціи эрзерумскаго вилайета, представлявшія рѣзкіе контрасты въ климатическомъ отношеніи. Высокія, съ суровыми холодами равнины чалдырскаго округа—съ одной стороны, и низкія, съ невыносимо высокой во время лѣта температурою, долины р. Аракса, составляющія кагызманскій округъ и алашкертскую долину—съ другой, представляютъ такіе рѣзкіе переходы въ климатическомъ отношеніи, что конечно немогли не дѣйствовать разрушительнымъ образомъ на здоровье нашего солдата, привыкшаго къ совершенно иной обстановкѣ своей далекой родины. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что солдатъ нашъ, по своей молодости, представляетъ зачастую невполнѣ еще развитый и окрѣпшій организмъ, очень замѣтно давало себя чувствовать какъ въ походѣ, такъ и во все продолженіе минувшей кампаніи, т. е. въ трудныя минуты, какими вообще полна походно-боевая жизнь и обстановка военнаго человѣка.

Расположившись лагеремъ близь р. Арпачай, составлявшей нашу государственную границу, полкъ не покидалъ своихъ служебныхъ занятій и продолжалъ систематично продѣлывать все то, чѣмъ занято бываетъ обыкновенно лагерное время. Люди занимались ротнымъ, баталіоннымъ и полковымъ ученьями, разсыпнымъ строемъ и постепенно проходили курсъ практической стрѣльбы. Позднее время года, (конецъ сентября и октябрь мѣсяцъ) и высокое положеніе надъ уровнемъ моря плоской возвышенности, на которой расположенъ г. Александрополь, очень чувствительно давали себя знать нашимъ солдатамъ, жившимъ въ палаткахъ и не имѣвшимъ ничего теплаго, такъ какъ полушубки еще не были получены въ полку. Бывали ночи до того холодныя, что вода замерзала въ палаткахъ, и солдатъ, буквально цѣлую ночь, дрожалъ подъ своею единственною шинелью, не будучи въ состояніи ни на минуту сомкнуть глазъ.—21-го числа октября мѣсяца, въ г. Александрополь прибылъ вновь назначенный командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ, генералъ-адъютантъ, нынѣ графъ, Лорисъ-Меликовъ. Войска лагеря были вызваны по тревогѣ и, въ виду турецкаго кордона, находившагося на противоположномъ берегу Арпачая, молодецки прошли церемоніаль-

нымъ маршемъ передъ командующимъ корпусомъ, осчастливленный предварительно привѣтствіемъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою армією, переданнымъ черезъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. Не безъ любопытства глядѣли на этотъ церемоніалъ турки съ своего берега, который былъ совершено пустъ и представлялъ собою мертвое безмолвіе, въ противоположность нашему, кипѣвшему жизнью, многолюдствомъ и оживленнымъ движеніемъ. Маленькій городокъ Александрополь представлялъ въ это время шумный центръ, наполненный представителями всѣхъ нашихъ военныхъ управленій; по улицамъ его съ громомъ и трескомъ происходило движеніе, взадъ и впередъ, всевозможныхъ казенныхъ фуръ и повозокъ.

Къ 2-му ноября холода вообще, а утренники въ особенности, сдѣлались настолько чувствительными, что войскамъ дѣйствующаго корпуса, стоявшимъ до того времени лагеремъ, предписано было размѣститься на зимнихъ квартирахъ. Кубинскому полку для этой цѣли были отведены армянскія деревни, находящіяся отъ г. Александрополя вверхъ по теченію р. Арпачая. Дислокація кубинскаго полка въ это предшествующее войнѣ время была слѣдующая (*):

Штабъ-полка, штабъ 1-го баталіона и 1-я рота—сел. Чизыхъ-ларъ, 2-я рота—сел. Гурджіелъ, 3-я и 4-я роты—сел. Бендеванъ. Штабъ 2-го баталіона и 5-я, 6-я и 7-я роты—сел. Илли, 8-я рота—сел. Тагнали. Штабъ 3-го баталіона, 9-я и 10-я роты—сел. Джелабъ-Гичутъ. Учебная команда, 11-я и 12-я роты—сел. Кансъ. Штабъ 4-го баталіона и весь 4-й баталіонъ—въ б. Каланджа. Самымъ дальнимъ пунктомъ полковаго расположенія отъ г. Александрополя было сел. Чизыхъ-ларъ, отстоящее отъ него въ 22-хъ или 23-хъ верстахъ. Гигіеническія условія зимней стоянки полка въ это время, нельзя сказать, чтобы были удовлетворительны. Чувствительная скученность въ размѣщеніи людей по грязнымъ, сырымъ и дымнымъ буйволятникамъ, отсутствіе бань, а вмѣстѣ съ послѣднимъ обстоятельствомъ и трудность, съ какою была сопряжена для солдатъ стирка бѣлья—все это, вмѣстѣ взятое, не могло

(*) Приказъ по 155-му пѣхотному кубинскому полку отъ 1-го ноября 1876-го года за № 304.

не отразиться вреднымъ образомъ вообще на санитарномъ состояніи полка. Вскорѣ послѣ размѣщенія полка по отведеннымъ для него селеніямъ, а именно въ срединѣ декабря мѣсяца, въ 4-й ротѣ, расположенной въ сел. Бендеванъ, обнаружились случаи заболѣванія солдатъ тифомъ. Какъ только эта болѣзнь была констатирована, немедленно же были приняты мѣры для пресѣченія ея дальнѣйшаго развитія. Сел. Бендеванъ, въ которомъ появились больные тифомъ, было покинуто, и роты расположенныя въ немъ переведены въ другія селенія: въ малыя Кейты (4-я рота) и Чорли (3-я рота). Вообще въ это время было обращено особенное вниманіе на устраненіе, въ возможной мѣрѣ, скученности при размѣщеніи людей по саклямъ и на улучшеніе солдатской пищи. Вслѣдствіе этого, роты полка были размѣщены просторнѣе, такъ какъ было отведено для полка еще нѣсколько незанятыхъ селеній, почему и явилась возможность измѣнить первоначальную дислокацію. Что же касается до улучшенія пищи солдатъ въ это время, то, на основаніи приказа по дѣйствующему корпусу отъ 18-го ноября 1876-го года № 14, Главнокомандующій арміею, согласно ходатайства командующаго корпусомъ, изволилъ разрѣшить—съ 15-го числа ноября мѣсяца отпускать всѣмъ войскамъ дѣйствующаго корпуса по одному фунту мяса въ день на человѣка и, продолжать производство сего усиленнаго оклада впредь до особаго распоряженія.

Съ 4-го числа декабря мѣсяца 1876-го года, въ бывшую штабъ-квартиру полка, уроч. Джелалъ-Оглы, стали прибывать партіи нижнихъ чиновъ, призванныхъ вновь на службу, согласно Высочайшему повелѣнію о мобилизаціи нѣкоторыхъ частей арміи, состоявшемуся 2-го ноября 1876-го года. Партіи эти прибывали въ уроч. Джелалъ-Оглы разновременно, останавливаясь на нѣкоторое время въ урочищѣ для обмундированія и снабженія ихъ аммуничными вещами изъ неприкосновеннаго запаса полка, а также и вооруженія ихъ оружіемъ изъ оставшихся здѣсь полковыхъ складовъ. Согласно росписанію призывныхъ нижнихъ чиновъ изъ запаса, препровожденнаго въ полкъ при отзывѣ штаба 39-й пѣхотной дивизіи отъ 11-го сентября 1876-го года № 10, общее число

призывныхъ нижнихъ чиновъ всѣхъ званій, назначенныхъ въ кубинскій полкъ, было 1386-ть человѣкъ. Изъ нихъ воронежской губерніи было 881-нъ человѣкъ, ставропольской 505-ть. Изъ этого числа въ полкъ прибыло, какъ видно изъ отчета о состояніи полка за 1876-й годъ, только 1328-мъ человѣкъ; остальные же 58-мъ чел., недостающіе до цифры, назначенной вышеупомянутымъ росписаніемъ, были оставлены партіонными начальниками во время слѣдованія къ полку въ госпиталяхъ, лазаретахъ и больницахъ. Прибывшіе люди, на первыхъ порахъ, пока они еще не освоились со своимъ новымъ бытомъ, невольно вызывали особенное участіе къ ихъ дѣйствительно трудному положенію.

По мѣрѣ прибытія призывныхъ нижнихъ чиновъ изъ запаса въ полкъ, они распредѣлялись поротно и поступали въ строй, продѣлавъ предварительно въ строгой постепенности все то, что приходилось имъ проходить во время прежней ихъ службы. Главное же вниманіе при этомъ было обращено на ознакомленіе ихъ съ оружіемъ, только-что имъ выданнымъ, и съ которымъ они до того совершенно не были знакомы. Съ января же мѣсяца 1877-го года, полкъ приступилъ къ производству практической стрѣльбы.

Въ періодъ января и февраля мѣсяцевъ 1877-го года, полкъ занимался также военными прогулками, имѣющими цѣлью гигіеническую пользу съ одной стороны, и пріобрѣтеніе навыка къ совершенію переходовъ, которыми такъ богата походно-боевая жизнь нашего солдата—съ другой. Въ это же время было обращено особенное вниманіе на тщательное приведеніе въ исправность солдатской обуви, полковаго и ротнаго обозовъ.

Въ концѣ февраля мѣсяца, а именно 26-го числа, полкъ получилъ приказаніе выступить въ прежнюю свою штабъ-квартиру, уроч. Джелалъ-Оглы, куда и прибылъ въ началѣ марта.

Цѣль послѣдняго перемѣщенія, какъ надо полагать, заключалась въ томъ, чтобы дать полку, проведшему зимніе мѣсяцы при несовсѣмъ удобныхъ гигіеническихъ условіяхъ, въ столицѣ по берегу р. Арпачая, поправиться на свободѣ, среди привольной и здоровой обстановки лорійскаго приставства. Въ уроч. Джелалъ-Оглы полкъ пробылъ до 1-го апрѣля, когда снова, по

экстренному распоряженію, былъ вызванъ въ г. Александрополь. На пути въ Александрополь, 4-го апрѣля, въ сел. Амамлы, полкъ имѣлъ счастіе встрѣтить своего Главнокомандующаго, Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича, который изволилъ слѣдовать также въ названный выше городъ. Выйдя изъ коляски и поздоровавшись съ солдатами, выстроенными шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги, Августѣйшій Главнокомандующій изволилъ приказать собраться всѣмъ офицерамъ полка къ дому почтовой станціи. Поговоривъ милостиво съ командиромъ полка и обратившись съ нѣсколькими словами къ офицерамъ, Его Императорское Высочество изволилъ послѣдовать далѣе, провожаемый единодушнымъ крикомъ „ура".

Покинувъ совершенно неожиданно, по экстренному распоряженію начальства, свою штабъ-квартиру и встрѣтивъ Августѣйшаго Главнокомандующаго, направлявшагося къ нашей государственной границѣ, на которой уже давно собраны были войска дѣйствующаго корпуса—всѣмъ служащимъ въ полку стало ясно, что роковая минута приближается, и что кризисъ столь долгаго и томительнаго состоянія неизвѣстности и ожиданія въ какомъ, съ осени 1876-го года, находились собравшіяся подъ крѣп. Александрополемъ войска, уже наступилъ. Это сознаніе важности переживаемой минуты замѣтно оживило и подняло нравственный духъ полка: полкъ былъ молодой, ему предстояло заслужить себѣ славное имя, и перспектива этой славы, уже ясно рисовалась въ недалекомъ будущемъ... Подъ такими впечатлѣніями полкъ вступилъ въ г. Александрополь 6-го апрѣля и расположился лагеремъ близъ р. Арпачая.

11-го апрѣля, часовъ въ 7-мь вечера, въ лагерѣ получилось извѣстіе о томъ, что завтра, 12-го апрѣля 1877-го года, Высочайшимъ манифестомъ повелѣно войскамъ обѣихъ армій вступить въ предѣлы какъ европейской, такъ и азіятской Турціи.... Эта послѣдняя ночь на родной землѣ, конечно, прошла безъ сна. Преобладающею мыслью и господствующимъ чувствомъ въ это время было сознаніе, что наступила та торжественная въ жизни каждаго военнаго человѣка минута, когда онъ готовится принести

на алтарь своей любви къ Царю и отечеству, самыя дорогія дарованныя Богомъ блага—свое здоровье и жизнь... Среди суеты и начавшихся сборовъ къ предстоящему на завтра походу, весьма естественно, господствовавшихъ въ это время въ лагерѣ, наблюдатель могъ бы замѣтить то здѣсь, то тамъ отпечатокъ особенной сосредоточенности, какъ на отдѣльныхъ лицахъ, такъ и на цѣлыхъ группахъ солдатъ и офицеровъ: все прошлое, только что пережитое всѣми нами, какъ бы куда-то ушло безслѣдно, и только одно невѣдомое грозное будущее всецѣло приковывало къ себѣ и цѣликомъ поглощало всѣхъ и каждаго. Преобладающее чувство каждаго русскаго человѣка въ трудное время жизни—чувство религіозности, сказалось въ средѣ солдатъ и въ эту торжественную минуту. На турецкомъ берегу, попрежнему было тихо и безлюдно. Въ полночь съ 11-го на 12-е кавалерія паша безъ выстрѣла заняла турецкій башъ-кордонъ (главный кордонъ), находящійся какъ-разъ противъ нашего лагеря, а съ разсвѣтомъ и другія части главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, въ томъ числѣ и кубинскій полкъ, стали готовиться къ переходу, нашей государственной границы того времени, р. Арпачай.

Пока саперы устраивали мостъ черезъ названную рѣку, къ войскамъ, приготовившимся къ походу и выстроеннымъ для слушанія напутственнаго молебствія, прибылъ командующій дѣйствующимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, командующій корпусомъ вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ. Обращаясь къ нимъ, онъ сказалъ приблизительно слѣдующія слова: „вамъ, господа, предстоитъ честь создать лучшія страницы боевой исторіи вашихъ молодыхъ полковъ (*). Позвольте же разсчитывать, что вы окажетесь вполнѣ на высотѣ вашего почетнаго призванія и достойно поддержите славныя традиціи кавказской арміи. Желаю вамъ, господа, полнаго успѣха". Вслѣдъ за этимъ, войска перестроились въ походныя колонны и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, начали переправу

(*) Близъ г. Александрополя была расположена лагеремъ 2-я бригада 39-й пѣхотной дивизіи; гренадерская же дивизія стояла около сел. Дагарли и Баяндура.

на турецкій берегъ. День былъ пасмурный и дождливый; образовавшаяся отъ дождя грязь сильно затрудняла движеніе нашей артилеріи, которая съ трудомъ вытаскивала свои орудія на крутой турецкій берегъ, противъ бывшаго баш-кордона. Это послѣднее обстоятельство сильно замедляло переправу, такъ что только къ 8-ми часамъ вечера вся правая колонна, въ составъ которой вошелъ кубинскій полкъ, перешла границу у г. Александрополя, вытянулась на турецкомъ берегу и расположилась на ночлегъ бивуакомъ, близъ сел. Молла-Муса, отстоявшемъ верстахъ въ 7-ми отъ г. Александрополя (*).

Такъ началась военно-походная жизнь для полка, которому предстояло завоевать себѣ достойное мѣсто въ семьѣ старыхъ полковъ славной кавказской арміи, имѣвшихъ уже свою боевую исторію, бывшихъ вправѣ гордиться блестящими боевыми традиціями.

Способъ довольствія полка какъ провіантскаго, такъ и приварочнаго, въ описанный періодъ времени былъ совершенно такой же, какой существовалъ и въ обыкновенное мирное время; своевременность и правильность требованій хозяйственнаго управленія полка, по отношенію къ провіантскому довольствію, получали правильное и своевременное удовлетвореніе этихъ требованій со стороны интендантскаго вѣдомства. А это, въ свою очередь, давало возможность вести дѣло какъ полковой, такъ и ротной отчетности, не отступая отъ закономъ положенныхъ формъ и установленнаго порядка. Доставка же продуктовъ приварочнаго довольствія въ полку производилась подрядчикомъ способомъ, при посредствѣ полковаго маркитанта.

(*) Изъ мѣсячнаго отчета полка, за апрѣль мѣсяцъ 1877-го года, видно что полкъ перешелъ границу въ слѣдующемъ составѣ:

Штабъ-офицеровъ	6.
Оберъ-офицеровъ	43.
Унтеръ-офицеровъ	307.
Музыкантовъ	76.
Рядовыхъ	2479.
Всего боевыхъ штыковъ . . .	2786.

Санитарное состояніе полка, за описанный періодъ времени, было вообще удовлетворительно.

Общая цифра всѣхъ больныхъ въ полку съ 1-го января по 1-е апрѣля 1877-го года была равна 183-мъ человѣкамъ (*).

ГЛАВА II.

Бивуакъ при сел. Молла-Муса.—Движеніе полка въ составѣ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса въ сел. Кизилъ-чахчахъ и дневка въ этомъ селеніи.—Кюрюкъ-Дара.—Движеніе полка къ селенію Енгикевъ. Расположеніе лагеремъ.—Лагерь при сел. Меликъ-кей.

Какъ уже было замѣчено выше, полкъ, перейдя р. Арпачай у кр. Александрополя, вечеромъ 12-го апрѣля, расположился на ночлегъ бивуакомъ близъ с. Молла Муса. Это была первая ночь на непріятельской территоріи и первые шаги полка къ боевой славѣ. Въ продолженіи дня, вытягиваясь черезъ мостъ, построенный на р. Арпачаѣ, и помогая переправѣ нашей артилеріи и другихъ тяжестей на турецкій берегъ, полкъ имѣлъ возможность, воочію наблюдать первые результаты открывшихся военныхъ дѣйствій—захватъ въ плѣнъ нашею кавалеріею почти всего турецкаго кордона. Около сотни турецкихъ сувари (драгунъ) были доставлены подъ карауломъ въ г. Александрополь. Такимъ образомъ, первыя боевыя впечатлѣнія были намъ благопріятны. Располагаясь на ночлегъ, мы всѣ были глубоко убѣждены что не завтра, такъ послѣзавтра, нашему безвозбранному шествію по непріятельской землѣ наступитъ конецъ, и мы непремѣнно встрѣтимся съ непріятелемъ, который выйдетъ съ цѣлью преградить намъ путь. Въ ожиданіи этой скорой встрѣчи, съ самой первой минуты нашего пребыванія на чужой намъ территоріи, полкомъ принимались самымъ тщательнымъ образомъ всѣ предохранительныя мѣры, рекомендуемыя уставомъ для походныхъ движеній и аванпостною службою.

(*) См. мѣсячные отчеты полка за 1877-й годъ.

На слѣдующій день, т. е. 13-го апрѣля, полкъ двинулся далѣе въ селеніе Кизилъ-чахчахъ. Мѣстность, по которой двигались здѣсь войска, представляетъ собою обширную равнину, изрѣдка взволнованную небольшими холмами и замыкающуюся на горизонтѣ цѣпью отдаленныхъ горъ. Путь, такимъ образомъ, былъ бы для солдатъ не тяжелъ, а для движенія артилеріи и тяжестей вполнѣ удобенъ, еслибъ не грязь, образовавшаяся отъ дождей и бывшая здѣсь особенно чувствительною, благодаря тучному черноземy, которымъ такъ богатъ вообще шурагельскій округъ (каза) карскаго санджака, и по которому пролегалъ нашъ путь. Часовъ въ 5-ть вечера полкъ расположился бивуакомъ въ сел. Кизилъ-чахчахъ, у сліянія рр. Мекюзъ и Караханъ-чай, принявъ, также какъ и повсюду, охранительныя мѣры, предписанныя сторожевою службою(*). На другой день здѣсь предполагалась дневка.

Вскорѣ послѣ прихода полка на ночлегъ, командующимъ корпусомъ было получено извѣстіе о томъ, что нѣсколько баталіоновъ турецкой пѣхоты съ артилеріею выступили съ позиціи у сел. Хаджи-вали и направляются въ кр. Карсъ. Вслѣдствіе этого извѣстія, сдѣлано было распоряженіе приготовиться полку къ выступленію на утро слѣдующаго дня, на легкѣ, оставивъ ранцы на мѣстѣ ночлега, для встрѣчи непріятеля и, въ случаѣ удачи, отрѣзанія его отъ Карса. Возможность завтрашней встрѣчи съ непріятелемъ и, быть можетъ, перваго съ нимъ боя наэлектризовала солдатъ.

Но, вскорѣ, оказалось, что распоряженіе, вызвавшее сильное оживленіе на бивуакѣ, было отмѣнено, и наступившая ночь прошла совершенно спокойно.

14-го числа была дневка. Занявъ позицію и выставивъ надлежащее число аванпостовъ и кавалерійскихъ пикетовъ, отрядъ провелъ день и ночь безъ всякой тревоги. На утро, 15-го числа, полкъ выступилъ къ сел. Кюрюкъ-Дара, столь извѣстному въ боевыхъ лѣтописяхъ прошлой турецкой кампаніи. Переправившись у

(*) Здѣсь произошло соединеніе двухъ отрядовъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса: одного, перешедшаго государственную границу у сел. Баяндуръ (гренадерская дивизія), и другаго, перешедшаго р. Арпачай у г. Александрополя (2-я бригада, 39-й пѣхотной дивизіи).

сел. Джамусли по наведенному черезъ р. Карсъ-чай мосту системы Каппеля, отрядъ пришелъ на ночлегъ въ упомянутое селеніе, часовъ въ 5-ть пополудни. Здѣсь также была назначена дневка, которая, подобно предъидущей, прошла безъ всякихъ тревогъ. Непріятель, повидимому, сосредоточилъ всѣ свои силы въ кр. Карсѣ, очистивъ совершенно зарушадскій и шурагельскій округа (казы), для безпрепятственнаго движенія, по нимъ, русскихъ войскъ. Во все продолженіе этаго времени, погода была крайне неблагопріятная: постоянный всепроникающій дождь и невылазная грязь, по пути нашего движенія, сильно затрудняли послѣднее и тяжело отзывались на походной жизни какъ солдата, такъ и офицера. Что же касается до положенія въ которое были поставлены офицеры, то въ этомъ отношеніи не безъинтересно будетъ остановиться на слѣдующемъ фактѣ: еще до начала кампаніи, а именно Высочайше утвержденнымъ 11-го ноября 1876-го года положеніемъ о пособіяхъ въ военное время, офицерскіе чины строевыхъ войскъ, для перевозки ихъ багажа, должны были быть обезпечены конными повозками, содержимыми въ составѣ войсковыхъ обозовъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими повозками этихъ обозовъ. Вслѣдствіе только-что упомянутаго положенія, приказомъ по дѣйствующему корпусу на кавказско-турецкой границѣ, отъ 24-го марта 1877-го года за № 41-мъ, въ свою очередь, предлагалось, еще до выступленія войскъ за предѣлы имперіи, выдавать деньги, со дня мобилизаціи отпускаемыя на фуражъ для лошадей офицерскаго обоза, на руки офицерамъ съ тѣмъ, чтобы они постоянно содержали свой обозъ въ исправности. Но, не смотря на упомянутыя выше своевременныя распоряженія по военному вѣдомству вообще, и по войскамъ дѣйствующаго корпуса въ частности, полкъ не имѣлъ возможности обзавестись сколько нибудь правильно устроеннымъ офицерскимъ обозомъ и, въ моментъ перехода войскъ за нашу государственную границу, офицеры полка были поставлены въ крайне затруднительное и тяжелое положеніе, по отношенію къ возможности перевозить за собою, хотя самое необходимое изъ своихъ пожитковъ. Приходилось пользоваться разрѣшеніемъ, дающимъ право офицеру имѣть верховую лошадь, хотя-бы ему по штату таковая и

не полагалась, и на ней возить вьюкъ съ самымъ незначительнымъ количествомъ необходимѣйшихъ вещей. Вотъ это то послѣднее обстоятельство, въ связи съ сырой и дождливой погодой, которою отличались дни нашихъ первыхъ дѣйствій вслѣдъ за открытіемъ кампаніи, не могло остаться безъ вліянія на положеніе офицера, въ трудную и безъ того минуту походно-боевой жизни. Въ послѣдствіи, въ срединѣ іюня мѣсяца, этотъ важный недостатокъ былъ устраненъ тѣмъ, что командированный полкомъ, для закупки въ г. Елисаветополѣ фургоновъ молоканскаго образца, на пополненіе до штата военнаго времени полковаго обоза, офицеръ купилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько фургоновъ, для офицерскаго обоза, съ каковыми и прибылъ къ полку, уже во время перваго (лѣтняго) періода бомбардированія кр. Карса.

17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Императора, полкъ, въ составѣ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, прибылъ въ селеніе Енгикевъ, гдѣ и расположился лагеремъ, находясь на разстояніи какихъ нибудь 25-ти верстъ отъ грозной твердыни турецкаго могущества въ малой Азіи, кр. Карса. Отрядъ пріостановилъ здѣсь дальнѣйшее свое движеніе и приступилъ къ развѣдочнымъ операціямъ. Служба полка въ это время заключалась главнымъ образомъ въ отбываніи сторожевой службы и въ производствѣ фуражировокъ по окрестнымъ селеніямъ.

23-го апрѣля, полкъ перешелъ изъ сел. Енгикевъ въ сел. Визинкевъ, гдѣ и поступилъ въ составъ лѣвой колонны, генерала кн. Чавчавадзе (*). Здѣсь впервые передъ нами открылась грозная

(*) Цѣль этаго передвиженія была слѣдующая: въ колоннѣ генерала кн. Чавчавадзе находилась одна кавалерія безъ пѣхоты, необходимость которой была сознаваема въ виду близости непріятеля. Эта необходимость и была удовлетворена, присоединеніемъ къ выше названной колоннѣ пѣхотныхъ частей отъ 39-й дивизіи, подъ командою генерала Цытовича (1).

Авт.

(1) Изъ 39-й дивизіи, въ составъ лѣвой колонны былъ переведенъ только 155-й кубинскій полкъ и штабъ 1-й бригады этой дивизіи. Кромѣ того съ цѣлью усилить эту колонну, къ ней же присоединены 16-й гренадерскій мингрельскій полкъ, съ 2-й и 4-й батареями 39-й артилерійской бригады. (Офиціально).

Ред.

панорама карскихъ твердынь. Погода продолжала быть дождливою и сырою. Трудность сторожевой службы въ виду близкаго непріятеля увеличивалась еще, благодаря ненастью. Ночи были холодныя, и дѣйствіе ихъ стало обнаруживаться на заболѣваніи солдатъ простудою.

30-го числа апрѣля мѣсяца полкъ перешелъ въ сел. Заимъ, гдѣ снова присоединился къ главнымъ силамъ отряда. Здѣсь состоялось распоряженіе по отряду, коимъ предписывалось сформировать охотничьи команды, куда должны были записываться, по охотѣ какъ солдаты, такъ и офицеры. Изъ офицеровъ полка пожелали поступить въ эту команду штабсъ-капитанъ (нынѣ капитанъ) Бакрадзе и подпоручикъ кн. Аваловъ. Первый изъ нихъ былъ назначенъ начальникомъ охотничьей команды, числительность которой равнялась ста человѣкамъ нижнихъ чиновъ. Цѣль и назначеніе этихъ командъ, сформированныхъ при каждой отдѣльной пѣхотной части главныхъ силъ корпуса и поступившихъ подъ общую команду капитана 16-го мингрельскаго полка Чичѣнадзе, были слѣдующія: по мѣрѣ надобности, преимущественно ночью, команды эти должны были приближаться къ цѣпи непріятельскихъ аванпостовъ, захватывать часовыхъ и пикеты и вообще, черезъ приближеніе къ непріятелю, получать болѣе подробныя свѣдѣнія о его расположеніи и работахъ, и, въ то же самое время, держать его въ постоянно тревожномъ состояніи.

Съ переходомъ въ лагерь при сел. Заимъ, полкъ началъ принимать участіе въ рекогносцировкахъ, которыя производились въ это время войсками главныхъ силъ корпуса, по разнымъ направленіямъ къ кр. Карсу. Къ этому времени относятся рекогносцировки: 4-го мая—юговосточной и 8-го мая—сѣверной сторонъ этой крѣпости (*). Въ первой изъ нихъ, т. е. въ рекогносцировкѣ 4-го мая, въ которой былъ смертельно раненъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ кн. Челокаевъ, и которая имѣла болѣе характеръ кавалерійскаго дѣла, завязавшагося между нашею иррегулярною кавалеріею и турецкою конницею, выѣхавшею изъ

(*) 4-го мая была произведена рекогносцировка сѣверной и восточной сторонъ Карса. (Официально).

Ред.

кр. Карса—изъ частей кубинскаго полка, участвовала только одна охотничья команда; вторая же, подъ командою генералъ-маіора Комарова 3-го производилась цѣлымъ полкомъ. Рекогносцировка 4-го мая была первымъ днемъ, въ который молодому полку, не бывшему еще никогда въ дѣлѣ, пришлось увидѣть кровавые результаты столкновенія съ непріятелемъ. Вооруженные кремневыми ружьями, наши милиціонеры встрѣтили въ лицѣ непріятеля людей, вооруженныхъ превосходными магазинными ружьями системы Уинчестеръ. Бой при такихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, не могъ быть равнымъ. Беззавѣтное мужество, оказанное при этомъ нашими конно-иррегулярными частями, состоявшими по большей части изъ дагестанцевъ, не могло парализовать преимуществъ скорострѣльнаго и дальнобойнаго оружія турецкой кавалеріи—и въ результатѣ получилась довольно значительная цифра убитыхъ и раненыхъ. Подвижной лазаретъ, въ который поступали раненые милиціонеры былъ расположенъ возлѣ кубинскаго полка, а потому зрѣлище привоза раненыхъ, ихъ стоны и страданія, происходили на глазахъ всего полка. Съ чувствомъ соболѣзнованія и любопытства, смотрѣли кубинцы на эти жертвы вѣрно исполненнаго долга, и въ этой, впервые пролитой передъ ихъ глазами, крови, конечно, обрѣтали и новые порывы мужества и новыя побужденія, для того торжественнаго момента, когда настанетъ и ихъ очередь...

Вскорѣ, по лагерю распространилась радостная вѣсть, о взятіи нашими войсками кр. Ардагана. 7-го мая, по этому поводу былъ отслуженъ въ заимскомъ лагерѣ, благодарственный Господу Богу, молебенъ. Это была первая крупная побѣда русскаго оружія въ послѣднюю войну, и къ общему чувству радости, господствовавшему по этому поводу въ лагерѣ, невольно присоединялась надежда и на то, что этотъ счастливый починъ нашихъ боевыхъ дѣйствій, обѣщаетъ намъ удачи и въ будущемъ.

12-го мая, полкъ перешелъ на позицію у с. Шамчаумъ, гдѣ и встрѣтилъ на другой же день за товарищеской трапезою елисаветпольскій полкъ, присоединившійся къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса изъ ахалцихскаго отряда. Эта встрѣча боевыхъ товарищей, сыгравшихъ почетную роль въ первой крупной побѣ-

дѣ нашей надъ непріятелемъ, заслужившихъ уже себѣ славное имя взятіемъ гелявердинскихъ высотъ, составлявшихъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ кр. Ардагана, глубоко останется, конечно, въ памяти каждаго изъ насъ. Елисаветпольцы прибыли, имѣя во главѣ, бывшаго въ то время начальникомъ 39-й пѣхотной дивизіи и ахалцихскаго отряда, генерала Девеля.

Съ переходомъ на позицію Шамчаума жизнь и служба полка ничѣмъ ни отличались отъ вышеизложенныхъ.

22-го числа того же мѣсяца, полкъ перешелъ на позицію у сел. Меликъ-кей, находящагося верстахъ въ 10-ти противъ сѣверо-восточныхъ фортовъ кр. Карса, и расположился лагеремъ на берегу рѣки Бердыкъ-чай, впадающей тутъ-же въ р. Карсъ-чай (*).

Расположеніе частей главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ, вокругъ кр. Карса, къ этому времени было таково, что крѣпость эта могла считаться блокированною. Непріятель, по прежнему, продолжалъ сидѣть за стѣнами ея и упорно избѣгалъ встрѣчи съ нами въ полѣ, не смотря на то, что уже самыя ближайшія окрестности Карса были заняты нами и мы въ ожиданіи прибытія осаднаго парка, задержаннаго распутицею на дорогѣ, готовились приступить къ постройкѣ осадныхъ батарей. Къ этому-же времени относится и рекогносцировка полкомъ чалгаурскихъ высотъ, находящихся противъ сѣверо-восточныхъ фортовъ Карса.

26-го числа, этого же мѣсяца состоялся пріѣздъ, къ войскамъ главныхъ силъ корпуса, Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго кавказскою арміею. Съ пріѣздомъ Его Высочества, предполагалось начало болѣе рѣшительныхъ дѣйствій подъ Карсомъ, положеніе котораго въ это время, по слухамъ, было крайне печально: числительность гарнизона была невелика, а граждане города сильно претендовали на то, что войска упорно сидятъ за стѣнами крѣпости, не рѣшаются выйдти въ поле и тѣмъ подвергаютъ городъ всѣмъ ужасамъ блокады и готовящагося бомбардированія со стороны русскихъ.

(*) Начальникомъ этого лагеря былъ назначенъ, бывшій въ то время командующимъ 2-ю бригадою 39-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Ореусъ.

28-го мая, Его Императорское Высочество изволилъ, проѣздомъ въ лагерь генерала Геймана у селенія Аравартанъ, произвести лично рекогносцировку сѣверныхъ укрѣпленій Карса—Араба, Мухлиса и Чахмаха. Одновременно съ этимъ, изъ лагеря у сел. Кучукъ-кой, долженъ былъ выступить транспортъ съ артилерійскими снарядами, въ лагерь у сел. Аравартанъ, и слѣдовать по той же самой дорогѣ, по которой изволилъ ѣхать Августѣйшій Главнокомандующій. Для наблюденія за проѣздомъ Его Высочества и для охраненія вышеупомянутаго транспорта, во время слѣдованія его въ лагерь генерала Геймана, изъ послѣдняго а такъ-же и изъ лагеря генерала Ореуса, были заранѣе высланы колонны, состоящія изъ всѣхъ родовъ оружія. 4-му баталіону кубинскаго полка выпало на долю, въ этотъ день быть въ колоннѣ, высланной изъ лагеря генерала Ореуса. Колонна эта, къ 8-ми часамъ утра, пришла на назначенный ей пунктъ и, расположилась на отрогахъ чалгаурскихъ высотъ, у подошвы которыхъ пролегала дорога въ аравартанскій лагерь, прорѣзая находящееся здѣсь же селеніе Чахмауръ. Какъ разъ передъ дорогою, по которой долженъ былъ проѣзжать въ день 28-го мая Августѣйшій Главнокомандующій и слѣдовалъ артилерійскій транспортъ въ сел. Аравартанъ, находились грозные верки Мухлиса и Чахмаха (Лазъ Тепеси).

Замѣтивъ движеніе колонны и транспорта, турки вывезли изъ укрѣпленій Арабъ-табія и Мухлиса полевыя орудія, изъ которыхъ и открыли огонь по лагерю генерала Ореуса и транспорту двигавшемуся по дорогѣ въ сел. Аравартанъ. Какъ лагерь, такъ и путь слѣдованія нашего транспорта, оказались въ сферѣ выстрѣловъ полевыхъ турецкихъ батарей, выѣхавшихъ изъ укрѣпленій. Для того чтобы парализовать дѣйствіе непріятельскаго орудійнаго огня, изъ лагерей кучукъ-койскаго и меликъ-кейскаго была двинута на встрѣчу туркъ наша артилерія, завязавшая съ непріятелемъ оживленное артилерійское дѣло, продолжавшееся около четырехъ часовъ. Лагерь генерала Ореуса, въ раіонѣ котораго находился и кубинскій полкъ, очутился въ этотъ день въ сферѣ выстрѣловъ турецкой артилеріи, которая, повидимому, хотѣла во что бы то ни стало заставить этотъ лагерь сняться. Но не смо-

тря, на демонстрацію турокъ къ сторонѣ сел. Кучукъ-кой и, на энергическое дѣйствіе ихъ батарей по лагерю генерала Ореуса и нашему транспорту, лагерь нашъ остался на своемъ мѣстѣ, а транспортъ былъ благополучно доставленъ въ сел. Аравартанъ. Въ этотъ день, въ рядахъ кубинцевъ, остававшихся въ лагерѣ, былъ раненъ непріятельскимъ снарядомъ въ руку рядовой 1-й роты Яковъ Харламовъ, которому Его Императорское Высочество Главнокомандующій изволилъ пожаловать знакъ отличія военнаго ордена 4-й степени „за стойкость противъ непріятеля". Это былъ первый солдатъ кубинскаго полка, которому суждено было стать во главѣ того ряда георгіевскихъ кавалеровъ, которые впослѣдствіи украсили своими геройскими подвигами имя своего молодаго полка. Въ этотъ же памятный для кубинцевъ день, проявилъ особенное хладнокровіе и распорядительность бывшій тогда командиромъ полка, нынѣ умершій отъ раны, полковникъ Кабенинъ. Среди массы непріятельскихъ снарядовъ, съ шумомъ и трескомъ лопавшихся по всѣмъ направленіямъ нашего лагеря, покойный Кабенинъ относился совершенно равнодушно къ явной опасности. Его спокойствіе дѣйствовало ободряющимъ образомъ на подчиненныхъ и, конечно, было одною изъ причинъ того, что лагерь нашъ, въ эту грозную минуту перваго огненнаго крещенія, сохранилъ полнѣйшій порядокъ и спокойствіе.

Санитарное состояніе полка за это время было удовлетворительно. Общая цифра всѣхъ больныхъ въ полку, за время съ 12-го апрѣля по 30-е мая, какъ видно изъ мѣсячныхъ отчетовъ полка за это время, равнялась 104-мъ человѣкамъ.

Способъ провіантскаго довольствія солдатъ, въ описываемый періодъ времени, заключался въ слѣдующемъ: сухарная дача, положенная солдату въ походѣ, замѣнялась два-три раза въ мѣсяцъ выдачею свѣжаго хлѣба, испеченнаго въ г. Александрополѣ и, доставлямаго оттуда въ лагерь транспортнымъ порядкомъ. Хлѣбъ этотъ раздавался солдатамъ на одинъ или на два дня. Что же касается до своевременности удовлетворенія интендантскимъ вѣдомствомъ всѣхъ требованій полка въ этомъ отношеніи, то, судя по провіантской отчетности полка за описываемый періодъ времени,

своевременность эта не встрѣчала помѣхи и не терпѣла никакихъ затрудненій.

Приварочное довольствіе солдата, производившееся, какъ объ этомъ было уже говорено выше, черезъ посредство баталіонныхъ маркитантовъ, обязанныхъ доставлять мясо, свиное сало и другіе продукты, было также удовлетворительно, составляя предметъ первой и самой внимательной заботливости, ближайшихъ начальниковъ солдатъ, т. е. ротныхъ командировъ. Если что и тормозило успѣхъ этихъ заботъ, такъ это были особенности, порожденныя условіями спѣшнаго заключенія нѣкоторыми баталіонами контрактовъ съ такими лицами, которыя по своему, такъ сказать, нравственному цензу не были на высотѣ ихъ важной роли. Въ число баталіонныхъ маркитантовъ въ такое горячее время, когда найдти одного общаго подрядчика для цѣлаго полка было очень трудно, попадали иногда лица самой сомнительной профессіи. Съ копѣечнымъ капиталомъ, съ одной только ненасытной жаждой легчайшей наживы во что бы-то ни стало, господа эти превращались очень скоро въ тѣхъ алчныхъ и безсовѣстныхъ эксплуататоровъ, для которыхъ честное выполненіе, принятаго на себя обязательства, было дѣломъ второстепеннымъ. Поставленные же притомъ, условіями походно-боевой жизни, внѣ возможности быть систематично и строго контролируемыми, эти баталіонные маркитанты не упускали удобнаго случая отпускать въ роты продукты, которые не могли быть названы вполнѣ доброкачественными.

ГЛАВА III.

Приготовленіе къ осаднымъ работамъ.—Заложеніе осадныхъ батарей противъ сѣверо-восточныхъ фортовъ кр. Карса, въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня 1877-го года.—Бомбардированіе укрѣпленій Арабъ и Карадахъ.—Служба и жизнь полка въ траншеяхъ.—Переходъ на позицію у сел. Мезра.—Команда охотниковъ и ея дѣятельность.

Такъ какъ лагерь генерала Ореуса, расположенный близъ сел. Меликъ-кей, въ которомъ находился и кубинскій полкъ, былъ, начиная съ 28-го мая, почти ежедневно обстрѣливаемъ изъ полевыхъ турецкихъ орудій, выѣзжавшихъ изъ форта Мухлисъ и спускавшихся по скатамъ чахмахской возвышенности, гдѣ турки устроили полевую батарею—то для противодѣйствія ихъ артилерійскому огню, съ нашей стороны была выстроена въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня батарея, которая и была вооружена четырьмя 24-хъ фунтовыми орудіями, прибывшими въ лагерь наканунѣ съ осаднымъ паркомъ изъ г. Александрополя. Дѣйствіе нашихъ, только что упомянутыхъ, 24-хъ фунтовыхъ орудій, открывшееся 1-го числа наступившаго іюня мѣсяца, вскорѣ произвело замѣтное впечатлѣніе на непріятеля и, заставило его быть не такъ назойливымъ въ своей стрѣльбѣ по нашему лагерю. А это послѣднее обстоятельство было важно въ томъ отношеніи, что дѣлало совершенно свободною для движенія различныхъ транспортовъ и обозовъ дорогу, которая пролегала тутъ-же и соединяла сел. Кучукъ-кой, гдѣ была расположена главная квартира, съ лагеремъ генерала Геймана близъ сел. Аравартапъ. По этой дорогѣ, запруженной изо дня въ день обозомъ различнаго рода, турецкая артилерія и старалась стрѣлять съ особенной энергіей. Нашу осадную батарею день и ночь охраняли части полка по очередно, не очередныя же части были заняты или производствомъ фуражировокъ, или же сопровожденіемъ въ аравартанскій лагерь различныхъ транспортовъ, съ артилерійскимъ или продовольственнымъ имуществомъ.

Утромъ 1-го іюня, въ лагерѣ генерала Ореуса (кубинскій полкъ и 2-я батарея 39-й артилерійской бригады), было получено приказаніе перейти на утро слѣдующаго дня на правый берегъ

р. Карсъ-чай и, присоединившись къ войскамъ колонны генерала Девеля, расположиться лагеремъ у сел. Кучукъ-кой, куда перевести такъ же изъ сел. Меликъ-кей и осадныя орудія.

По диспозиціи для дѣйствій подъ кр. Карсомъ, отданной по главнымъ силамъ корпуса на 31-е мая, предполагалось, начиная съ ночи на 1-е число іюня мѣсяца, приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ названной выше крѣпости. Съ этою цѣлью предполагалось, въ ночь на 1-е іюня, построить на обоихъ берегахъ р. Карсъ-чая десять осадныхъ батарей, изъ которыхъ и открыть огонь по крѣпостнымъ веркамъ, съ разсвѣтомъ дня. Но это предположеніе было почему то отмѣнено и, взамѣнъ его, послѣдовало распоряженіе перейдти частямъ лагеря генерала Ореуса на правый берегъ Карсъ-чая, объ этомъ-то послѣднемъ распоряженіи и упомянуто выше.

Съ переходомъ въ лагерь на позицію у сел. Кучукъ-кой, полкъ, вмѣстѣ съ другими частями колонны генерала Девеля, сталъ дѣятельно готовиться къ производству осадныхъ работъ. Въ роты былъ розданъ шанцевый инструментъ, баталіонные командиры получили подробныя кроки Карса и его окрестностей, и къ 6-ти часамъ вечера 2-го числа, полкъ былъ уже выстроенъ въ полномъ своемъ составѣ передъ лагеремъ для слушанія напутственнаго молебствія, въ виду предстоящихъ ночныхъ работъ, по сооруженію осадныхъ батарей передъ грозною турецкою твердынею. Предполагалось разомъ построить батареи на всѣ, имѣющіяся на лицо, осадныя нарѣзныя орудія для того, чтобы съ утра 3-го іюня начать громить форты Арабъ, Карадахъ и Мухлисъ, возможно большимъ числомъ артилерійскихъ снарядовъ. Полкъ, получивъ самыя, повидимому, точныя и опредѣленныя указанія для предстоящихъ ночныхъ работъ, часовъ въ 8-мь вечера выступилъ изъ лагеря. Погода была въ высшей степени неблагопріятная; почти цѣлый день шелъ мелкій всепроникающій дождь, растворившій къ вечеру тучную почву карскихъ окрестностей въ невылазную грязь и промочившій до костей войска отряда. Вмѣстѣ съ наступившею ночью, на землю спустилась такая темень, что въ двухъ шагахъ съ трудомъ можно было различить не только одного человѣка, но и цѣ-

лую часть. Въ глубокой тишинѣ, увязая въ грязи по колѣно, съ трудомъ двигались войска къ мѣстамъ своего назначенія. Лошади, везшія осадныя орудія, выбивались изъ силъ, останавливались, а незнакомые съ дорогами возницы, преимущественно изъ духоборъ, поминутно сбивались съ пути и были лишены всякой возможности оріентироваться, благодаря окружающему мраку. Вслѣдствіе только что описанныхъ неблагопріятныхъ условій, въ частяхъ отряда, выступившаго изъ лагеря, произошла суета, которая не могла обѣщать ничего хорошаго: баталіоны слѣдовавшіе къ одному пункту попадали въ другой, части одной и той же колонны разрывались, блуждали и съ трудомъ отыскивали одна другую. Словомъ, подъ самыми стѣнами Карса произошла путаница, благодаря которой воспослѣдовало распоряженіе отложить предполагаемыя работы и возвратиться войскамъ обратно въ лагерь. И вотъ, проходивъ безцѣльно и безъ результата чуть ли не цѣлую ночь, войска только къ разсвѣту возвратились въ лагерь. Вслѣдъ за вышеописанной неудачной попыткой сразу соорудить всѣ осадныя батареи, предназначенныя для дѣйствія по карскимъ веркамъ, войскамъ лагеря былъ данъ отдыхъ, вплоть до слѣдующей ночи, когда снова было приступлено къ осаднымъ работамъ. Но только работы эти стали производится другимъ порядкомъ и по другой системѣ: линіи нашихъ осадныхъ батарей и траншей сооружались постепенно и, все болѣе и болѣе приближались къ бомбардируемымъ веркамъ. Такимъ образомъ, съ 5-го числа іюня мѣсяца 1877-го года начался первый періодъ бомбардированія нами крѣпости Карса.

Дѣятельность полка за это время заключалась въ слѣдующемъ: полкъ въ полномъ составѣ, черезъ три дня въ четвертый, а иногда (если только какой либо изъ другихъ полковъ 39-й пѣхотной дивизіи, осаждавшей Карсъ, былъ занятъ другимъ дѣломъ) черезъ два дня въ третій, выходилъ на ночь въ траншеи для прикрытія осадныхъ батарей, гдѣ и находился до вечера слѣдующаго дня, т. е. цѣлыя сутки. Ночью онъ производилъ траншейныя работы, строилъ новыя батареи и исправлялъ тѣ поврежденія, которыя были произведены непріятельскими снарядами въ нашихъ земляныхъ сооруженіяхъ. Днемъ сидѣлъ въ траншеяхъ, осыпаемый непрія-

тельскими снарядами, терпя зачастую уронъ въ людяхъ, и былъ постоянно на готовѣ отразить непріятеля, еслибъ только послѣдній рѣшился произвести вылазку. Такимъ образомъ физическій трудъ въ продолженіи цѣлой ночи, проведенной безъ спа, и высшая степень нравственнаго напряженія въ продолженіи цѣлаго слѣдующаго дня—вотъ что было удѣломъ какъ солдатъ, такъ и офицеровъ полка въ это трудное время. Но изнурительность работъ, отражающаяся на физическихъ силахъ человѣка, ничто въ сравненіи съ тѣмъ гнетущимъ психическимъ состояніемъ, какое невольно испытывалъ каждый изъ насъ, ожидая, въ продолженіи цѣлаго дня, ежеминутно смерти. Работа мускульная и напряженіе первовъ—двѣ вещи, конечно, неоднородныя и на столько же непохожія другъ на друга, на сколько болѣзненныя ощущенія тѣла не могутъ идти въ сравненіи, съ таковыми же ощущеніями духовной стороны человѣческаго существа. Отсюда особенная трудность тѣхъ минутъ, которыя пришлось пережить полку во время бомбардированія Карса. Можно смѣло утверждать, что совокупность только-что упомянутыхъ факторовъ нашей мускульной и нервной работы подъ Карсомъ, дѣлала это время однимъ изъ самыхъ трудныхъ, за все время участія полка въ послѣднюю войну съ турками. Въ самомъ дѣлѣ, если только принять въ соображеніе то невыразимо тяжелое психическое состояніе, на которое были обречены всѣ мы во время нашего сидѣнія безъ всякаго дѣла въ траншеяхъ, то сказанное нами выше станетъ вполнѣ понятнымъ. Артилерійская прислуга на батареяхъ въ это время была хотя чѣмъ либо да занята: она наводила орудія, заряжала ихъ, подносила снаряды и т. п.—словомъ имѣла развлеченіе. Пѣхотный же солдатъ, проработавшій цѣлую ночь и засѣвшій на утро въ траншею, лишенъ былъ буквально всякой дѣятельности и сидѣлъ цѣлый день сложа руки, невольно сосредоточивая все свое вниманіе на падающихъ возлѣ него, и съ шумомъ лопающихся, бомбахъ и гранатахъ, ежеминутно грозящихъ смертью. . . . И нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, если каждый изъ насъ, послѣ проведенныхъ такимъ образомъ сутокъ, чувствовалъ полный упадокъ силъ и какое то равнодушіе къ окружающимъ людямъ и явленіямъ, словомъ—

ощущалъ полнѣйшую помятость и изломанность всего существа своего.

Такъ какъ осадныя батареи, построенныя нами противъ карскихъ верковъ, находились слишкомъ далеко отъ лагеря, расположеннаго на позиціи у сел. Кучукъ-кой, что не мало затрудняло войска, изо дня въ день выходящія на траншейныя работы къ батареямъ, или же на постройку и прикрытіе этихъ послѣднихъ, то 9-го числа іюня мѣсяца, послѣдовало распоряженіе о перенесеніи лагеря главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса на позицію у сел. Мацра (Мезра), ближе къ нашимъ осаднымъ постройкамъ, что и было приведено въ исполненіе.

Общее командованіе войсками, находящимися въ прикрытіи осадныхъ батарей было возложено, согласно приказа по дѣйствующему корпусу отъ 7-го іюня 1877-го года за № 18, на полковника гр. Граббе.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ объ этой замѣчательной личности, имѣвшей способность вызывать въ каждомъ, кто только сталкивался съ нею, глубокую симпатію. Деликатная и мягкая натура, нынѣ убитаго, графа Граббе и его болѣзненная наружность, на первый взглядъ какъ-то совсѣмъ не гармонировали съ представленіемъ о человѣкѣ, закаленномъ въ трудахъ походно-боевой жизни и способномъ мужественно относиться ко всѣмъ опаспостямъ, которыми было окружено его назначеніе. А между тѣмъ въ слабомъ тѣлѣ покойнаго графа таилась великая душа истиннаго и безкорыстнаго воина. Стоило только видѣть его изо дня въ день хладнокровно разъѣзжавшаго шагомъ на лошади, по линіямъ нашихъ осадныхъ батарей, среди адскаго огня съ карскихъ верковъ, стоило прислушаться къ его спокойному и ласковому голосу, которымъ онъ ободрялъ насъ всѣхъ въ это тяжелое время, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить героя. Таковымъ онъ, вѣроятно, былъ и въ роковую для него ночь взятія нами кр. Карса, подъ стѣнами грозныхъ Канловъ, гдѣ ему суждено было найти славную, но безвременную кончину. . . . .

Бомбардированіе кр. Карса продолжалось 24-е дня, начиная съ 5-го по 29-е іюня.

Изъ приказа по 155-му пѣхотному кубинскому полку отъ 25-го іюня 1877-го года за № 149, видно, что изъ личнаго состава офицеровъ полка, за время бомбардированія кр. Карса, были контужены слѣдующія лица: подполковникъ Бѣляевъ, подпоручикъ Павловичъ и прапорщикъ Щигловскій. (*)

Независимо отъ службы въ траншеяхъ, дѣятельность полка въ этотъ періодъ заключалась еще и въ слѣдующемъ: аванпостная служба, въ виду близости непріятеля, отправлялась полкомъ со всею строгостью и тщательностью, которыя рекомендуются уставомъ о сторожевой службѣ, кромѣ того, части полка производили фуражировки и сопровождали транспорты больныхъ въ сел. Кюрюкъ-Дара.

Въ это же самое время войска лагеря, по очереди, занимали селеніе Халифъ-Оглу, находящееся на прямой дорогѣ изъ кр. Карса въ г. Александрополь и имѣющее для насъ значеніе стратегическаго ключа, такъ какъ, съ занятіемъ его, непріятель могъ угрожать нашей коммуникаціонной линіи. Приходя въ это селеніе, части нашего лагеря, состоявшія обыкновенно изъ пѣхоты и артилеріи, оставались въ немъ цѣлыя сутки, послѣ чего возвращались обратно.

Въ періодъ описываемаго бомбардированія кр. Карса, турки самымъ энергическимъ образомъ, въ свою очередь, дѣйствовали изъ своихъ орудій, по нашимъ осаднымъ батареямъ. При этомъ, желая возможно болѣе массировать свой артилерійскій огонь противъ осаждающихъ—они помимо дѣйствія изъ своихъ тяжелыхъ орудій, воспользовались полевой артилеріей, находившейся въ кр. Карсѣ, и дѣйствовали ею съ замѣчательнымъ искусствомъ. А такъ какъ пункты, на которыхъ воздвигались турками полевыя батареи, находились въ зависимости отъ того расположенія, какое принимала въ различное время линія нашихъ осадныхъ батарей по отношенію къ карскимъ веркамъ—то почти каждую ночь непріятель, не тамъ такъ здѣсь, сооружалъ выдвинутыя впередъ контръ-

(*) Кромѣ того нижнихъ чиновъ: убито—2, умерло онъ ранъ—2, раненыхъ—6, контуженыхъ—7. (Официально).

Ред.

апрошныя батареи, съ которыхъ дѣйствовалъ по насъ, иногда очень успѣшно, во флангъ. Для того, чтобы сколько нибудь парализовать подобную тактику турокъ, необходимо было изыскать какую либо возможность, такъ или иначе, мѣшать ихъ ночнымъ работамъ по устройству вышеупомянутыхъ передовыхъ полевыхъ батарей. Эту послѣднюю задачу и должны были выполнять наши команды охотниковъ, о сформированіи которыхъ уже было говорено выше. Выходя изъ лагеря съ закатомъ солнца и получивъ надлежащія инструкціи, команды эти, состоя изъ людей предпріимчивыхъ и энергичныхъ, проникали иногда подъ самые верки кр. Карса, производили въ средѣ работавшаго непріятеля переполохъ, завязывали иногда съ нимъ оживленную перестрѣлку, послѣ чего быстро уходили въ лагерь, гдѣ на утро сообщали подъ часъ весьма важныя свѣдѣнія, относящіяся до непріятельскаго расположенія, его работахъ и видимыхъ намѣреніяхъ. Эту послѣднюю службу, въ числѣ прочихъ, исполняли и охотники кубинскаго полка, подъ непосредственнымъ руководствомъ штабсъ-капитана (нынѣ капитана) Бакрадзе и подпоручика кн. Авалова, но дѣятельность этой команды не представляетъ какихъ либо выдающихся эпизодовъ.

Тяжелая траншейная служба, выпавшая на долю кубинскаго полка въ описываемый періодъ времени, была выполняема полкомъ съ добросовѣстностію и акуратностію которыя были замѣчены полковникомъ графомъ Граббе, бывшимъ въ то время начальникомъ всѣхъ войскъ, находившихся въ траншеяхъ. Убитый нынѣ графъ Граббе, неоднократно, выражалъ это лично полку и довелъ объ этомъ даже до свѣдѣнія командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ.

Въ періодъ описываемаго бомбардированія кр. Карса, полкъ получилъ 16-ть знаковъ отличія военнаго ордена 4-й степени (*). Изъ личнаго состава офицеровъ полка, за это время, получили награды слѣдующія лица: подполковникъ Кобіевъ—орденъ св. Владиміра 4-й степени, маіоръ Абеловъ—слѣдующій чинъ, штабсъ-капитаны: Аргутинскій-Долгоруковъ 2-й и Векиловъ—слѣдующіе чины, Бакрадзе—орденъ св. Анны 3-й степени, подпоручики: Лешковъ и Кузнецовъ—слѣдующіе чины.

(*) Приказъ по полку отъ 12-го іюня 1877-го года.

Говоря о траншейной жизни полка и о его осадныхъ работахъ въ періодъ лѣтняго бомбардированія кр. Карса, нельзя пройти молчаніемъ слѣдующаго эпизода, очень рельефно характеризующаго военные обычаи нашего непріятеля: 15-го числа іюня мѣсяца, въ то время когда осадныя батареи наши стали приближаться къ крѣпостнымъ веркамъ уже на разстояніе 800 сажень, солдаты 2-й роты кубинскаго полка, работая ночью на одной изъ нашихъ батарей, наткнулись на трупъ убитаго человѣка. Трупъ этотъ представлялъ собою слѣдующее возмутительное зрѣлище: онъ былъ совершенно обнаженъ причемъ тѣло было съ ободранною кожею, а ноги и руки выворочены. Слѣды варварскихъ истязаній и нечеловѣческихъ мученій, которымъ былъ подвергнутъ несчастный страдалецъ, попавшійся вѣроятно въ руки баши-бузуковъ, открыто свидѣтельствовали о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ врагомъ, для котораго гуманные принципы женевской конвенціи, получившіе обязательную силу въ международныхъ отношеніяхъ цивилизованныхъ націй, въ данномъ случаѣ, въ глазахъ турокъ не имѣли никакого значенія.

А такъ какъ, въ это же самое время, въ лагерѣ нашемъ, разнеслось извѣстіе о томъ, что одинъ изъ солдатъ елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, будучи въ командѣ охотниковъ, пропалъ безъ вѣсти во время одной изъ своихъ ночныхъ развѣдокъ—то каждому изъ наткнувшихся на только что описанную печальную находку стало ясно, кому принадлежитъ этотъ обезображенный и поруганный трупъ. Тѣло несчастной жертвы варварскаго изувѣрства было нами предано землѣ, возбудивъ въ душѣ каждаго изъ насъ чувство самой гнетущей боли. . . . . .

Санитарное состояніе полка, за описываемый періодъ времени, было вообще удовлетворительно, число больныхъ равнялось 54-мъ человѣкамъ.

Способы провіантскаго и приварочнаго довольствія полка за это время ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которые практиковались въ періоды, предшествующіе описываемому въ настоящей главѣ времени.

ГЛАВА IV.

Послѣдствія зивинскаго боя для войскъ, бомбардировавшихъ кр. Карсъ.—Отступленіе изъ подъ Карса и расположеніе въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ сел. Енгикева, а затѣмъ близъ сел. Кюрюкъ-Дара.—Авангардный лагерь генерала князя Чавчавадзе у сел. Башъ-Кадыкляръ и присоединеніе къ нему 3-го и 4-го баталіоновъ кубинскаго полка и другихъ пѣхотныхъ частей 39-й дивизіи, подъ начальствомъ генерала Цытовича.—Кизилъ-Тапа и сторожевая служба на ней.—Рекогносцировка окрестностей развалинъ города Ани и праваго фланга турецкой позиціи на аладжинскихъ высотахъ, произведенная войсками авангарднаго лагеря генералъ-маіора Лорисъ-Мелпкова.—Усиленіе башъ-кадыклярскаго лагеря пѣхотными частями, и переходъ этаго лагеря подъ начальство генерала Девеля.—Занятіе развалинъ г. Ани.—Отраженіе попытки непріятеля перейти въ наступленіе на нашъ лагерь близъ развалинъ г. Ани.

Какъ извѣстно, соганлугскій походъ генерала Геймана, выступившаго со своимъ отрядомъ изъ аравартанскаго лагеря, завершился неудачнымъ для насъ дѣломъ, при Зивинѣ. Встрѣтивъ непріятеля, укрѣпившагося на неприступной позиціи подъ начальствомъ Измаилъ-паши, генералъ Геймапъ рѣшился 13-го іюня атаковать турокъ. Но беззавѣтная храбрость и геройское самоотверженіе такихъ доблестныхъ войскъ, какъ кавказская гренадерская дивизія, должны были сломиться передъ естественною крѣпостью и неприступностью зивинской позиціи непріятеля. Ни чудеса храбрости отдѣльныхъ личностей, ни мужество и геройское самоотверженіе вообще всѣхъ войскъ отряда генерала Геймапа—ни что не могло помочь дѣлу, и мы должны были съ значительнымъ уропомъ отступить къ Карсу. Результатомъ этого неудачнаго для насъ дѣла было то, что войска александропольскаго отряда, занятыя бомбардированіемъ кр. Карса, вынуждены были снять осаду и отступить въ укрѣпленный лагерь близъ сел. Кюрюкъ-Дара. Начавъ исподоволь вывозить свои тяжелыя осадныя орудія изъ траншей, войска осаждавшія Карсъ, въ томъ числѣ и кубинскій полкъ, отступили 28-го іюня къ сел. Енгикевъ, укрѣпились и стали лагеремъ. Общее настроеніе войскъ въ это время рѣзко измѣнилось: увѣренность и веселое настроеніе, господствовавшія въ рядахъ нашихъ до того времени, смѣнились мрачнымъ и гнетущимъ чувствомъ безпокойства.

Стали ходить слухи о томъ, что непріятель нашъ на самомъ дѣлѣ оказался не такимъ слабымъ и неподготовленнымъ, какимъ мы его считали на основаніи нашихъ успѣховъ при взятіи кр. Ардагана и тѣхъ блестящихъ дѣлъ, какими передъ этимъ ознаменовались дѣйствія эриванскаго отряда генерала Тергукасова. Оказалось, что въ рядахъ нашего противника имѣются мужественные и стойкіе солдаты, и что организація снабженія людей патронами во время боя находилась у турокъ на такой степени совершенства, что смѣло могла быть рекомендована намъ для подражанія. Это съ одной стороны, а съ другой—нельзя было не принять во вниманіе и впечатлѣніе, произведенное въ нашемъ лагерѣ массою раненыхъ, ежедневно прибывавшихъ изъ подъ Зивина, печальными транспортами, въ наши подвижные лазареты. Все это вмѣстѣ взятое не могло, конечно, не произвести подавляющаго чувства, о которомъ мы говорили выше. И вотъ какъ-бы на встрѣчу этому мрачному настроенію, господствовавшему въ нашемъ отрядѣ, было впервые отдано нашимъ войскамъ приказаніе окопаться и, укрѣпить лагерь близь сел. Епгикевъ.

Расположившись лагеремъ, кавалерія наша усиленно занялась розысками непріятеля, выступившаго, по полученнымъ свѣдѣніямъ, изъ Карса вслѣдъ за нашимъ отступленіемъ имѣя во главѣ самаго мушира анатолійской арміи, Ахмеда-Мухтара-пашу. Вскорѣ стало извѣстно, что Мухтаръ-паша готовится расположиться лагеремъ на аладжинскихъ возвышенностяхъ, высшій пунктъ которыхъ находится на высотѣ 6888-ми футовъ надъ уровнемъ моря и спускающихся своими юго-восточными отрогами почти къ самой, бывшей въ то время, нашей государственной границѣ, около постовъ анипскаго и абдурахманскаго, находящихся на р. Арпачаѣ. Соотвѣтственно этому расположенію турокъ, лагерь нашъ 5-го іюля перенесенъ былъ на позицію у сел. Кюрюкъ-Дара, гдѣ также были произведены нѣкоторыя оборонительныя постройки. Авангардный же лагерь, состоявшій изъ кавалеріи и бывшій подъ начальствомъ генерала князя Чавчавадзе, расположился у сел. Башъ-Кадыкляръ. Съ возвышенностей Караяла, находящихся прямо передъ фронтомъ нашего кюрюкъ-дарипскаго лагеря, совершенно

ясно былъ видѣнъ непріятельскій лагерь, расположенный въ нѣсколько ярусовъ по отрогамъ горъ Аладжа. Таково было положеніе двухъ непріятельскихъ армій въ началѣ іюля мѣсяца. Въ лагерѣ нашемъ господствовало настроеніе ожиданія имѣющихся начаться въ скоромъ времени наступательныхъ дѣйствій со стороны турокъ, ободренныхъ зимнимъ успѣхомъ и насчитывающихъ въ это время въ рядахъ своихъ около 40-а таборовъ пѣхоты.

Дѣятельность кубинцевъ въ этотъ періодъ времени, какъ и прочихъ войскъ нашего лагеря, заключалась главнымъ образомъ въ исполненіи самымъ тщательнымъ образомъ сторожевой службы и, затѣмъ, въ производствѣ фуражировокъ, въ ближайшихъ къ лагерю окрестностяхъ.

Такъ какъ расположеніе, въ авангардномъ лагерѣ генерала князя Чавчавадзе, одпѣхъ только кавалерійскихъ частей съ самымъ незначительнымъ количествомъ пѣхоты, подъ начальствомъ генерала Цытовича, вызывало справедливыя опасенія въ виду близости непріятеля—то и воспослѣдовало 9-го іюля приказаніе перейти 3-му и 4-му баталіонамъ кубинскаго полка изъ кюрюкъ-дарицскаго лагеря, гдѣ были расположены главныя силы, въ лагерь у сел. Башъ-Кадыкляръ. Съ переходомъ на новую позицію, мы еще ближе передвинулись къ непріятелю, почему строгость аванпостной службы достигла, въ это время, до степени особеннаго напряженія. Какъ разъ передъ фронтомъ нашего авангарднаго лагеря въ Башъ-Кадыклярѣ находилась возвышенность, носящая названіе Кизилъ-тапа. Эта гора, получившая позднѣе, а именно 13-го августа 1877-го года, столь роковую и печальную для насъ извѣстность, составляла весьма важный тактическій пунктъ, по отношенію къ занимаемой нашимъ лагеремъ позиціи. Съ переходомъ Кизилъ-тапы въ руки непріятеля, описанное выше, расположеніе нашего авангарднаго лагеря дѣлалось немыслимымъ, такъ какъ онъ весь попадалъ въ сферу выстрѣловъ непріятельской артилеріи. Не смотря на столь важное значеніе этого пункта, онъ все таки не былъ оцѣненъ по достоинству и охрана его, вплоть до взятія Кизилъ-тапы у насъ турками (13-го августа), была далеко несоотвѣтственна значенію, о которомъ только что было говорено. Составляя

довольно далеко выдвинутый передовой пунктъ нашего лагеря, и представляя собою значительное протяженіе по фронту, Кизилъ-тапа охранялась сначала 2-мя ротами, а потомъ, въ ночное время, однимъ баталіономъ пѣхоты. Ни артилеріи, ни какихъ бы то ни было оборонительныхъ построекъ, на ней не было. Мизерность, и положительное несоотвѣтствіе такихъ средствъ обороны столь важнаго для насъ пункта, просто била въ глаза. Это послѣднѣе обстоятельство, въ связи съ сознаніемъ несоотвѣтствія нашихъ силъ, дѣлало отбываніе сторожевой службы, для незначительнаго количества пѣхотныхъ частей авангарднаго лагеря—особенно изнурительнымъ и труднымъ. Наконецъ, 16-го числа іюля мѣсяца въ лагерь у селенія Башъ-Кадыкляръ перешли и, остававшіеся до того времени въ кюрюкъ-дарипскомъ лагерѣ главныхъ силъ, остальные два (1-й и 2-й) баталіона кубинцевъ. Съ приходомъ этихъ баталіоновъ, въ авангардномъ лагерѣ сосредоточилась вся 39-я пѣхотная дивизія, почему и начальство надъ названнымъ лагеремъ перешло, отъ генерала кн. Чавчавадзе, командовавшаго кавалеріею дѣйствующаго корпуса, къ генералъ-лейтенанту Девелю, бывшему въ описываемое время начальникомъ 39-й пѣхотной дивизіи.

Еще до поступленія въ составъ авангарднаго лагеря 1-го и 2-го баталіоновъ кубинцевъ, а именно 14-го числа іюля мѣсяца, войсками названнаго лагеря была предпринята, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, рекогносцировка окрестностей развалинъ города Ани и праваго фланга турецкой позиціи на аладжинской возвышенности. 3-й и 4-й баталіоны кубинцевъ подъ начальствомъ командира 3-го баталіона подполковника Кобіева вошли въ составъ колонны, предназначенной для этой рекогносцировки. Замѣтивъ движеніе нашихъ войскъ, непріятель, въ свою очередь, спустился изъ своего лагеря. Завязалась довольно оживленная перестрѣлка, результатомъ которой былъ небольшой уронъ съ нашей стороны, павшій преимущественно на долю дербентцевъ.

Говоря объ этой перестрѣлкѣ, нельзя умолчать о слѣдующемъ: при колоннѣ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова находился въ этотъ день французскій военный агентъ на мало-азіятскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, генералъ графъ де-Курси. Едва только была разсы-

наша наша цѣпь и раздались первые выстрѣлы, какъ храбрый графъ съ увлеченіемъ направился къ линіи цѣпи. Мы, какъ теперь, видимъ его мужественную и красивую фигуру, смѣло и прямо ходившую по цѣпи, среди массы падавшихъ непріятельскихъ пуль съ револьверомъ въ одной рукѣ и съ биноклемъ въ другой; онъ невольно увлекалъ за собою всѣхъ насъ, примѣромъ своей личной неустрашимости и хладнокровія.

Погода въ этотъ день, бывшая хорошей въ началѣ, къ полудню совершенно измѣнилась: начался сильный вѣтеръ, порывами его быстро нагнало тучи, разразившіяся страшнымъ ливнемъ. Офицеры и солдаты, участвовавшіе въ рекогносцировкѣ, промокли буквально до нитки, а берущіе начало съ аладжинскихъ горъ, многочисленные ручейки, которые до начала дождя едва были замѣтны, сразу вздулись и понесли такую массу воды, что переходъ черезъ нихъ, возвращающимся въ лагерь нашимъ войскамъ, сдѣлался весьма затруднительнымъ и даже не безопаснымъ.

Во время нахожденія полка въ авангардномъ лагерѣ у сел. Башъ-Кадыкляръ, къ полку прибыли командированные въ дѣйствующій корпусъ на кавказско-турецкой границѣ гвардейскіе офицеры, лейбъ-гвардіи павловскаго полка поручики: Мамаевъ, Филипьевъ, Шершневскій и Бутовскій.

Такъ какъ послѣ дѣла при Зивинѣ и отступленія нашихъ войскъ изъ подъ Карса, блокада котораго, такимъ образомъ, была снята, стало ясно, что боевыхъ силъ, съ которыми мы начали кампанію въ малой Азіи, далеко недостаточно, то и было сдѣлано распоряженіе о направленіи изъ Россіи 40-й пѣхотной и 1-й гренадерской дивизій, въ составъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ. Первая изъ этихъ дивизій была уже на пути въ Европейскую Турцію, а послѣдняя должна была выступить изъ Москвы. Такимъ образомъ, стоя въ выжидательномъ положеніи въ кюрюкъ-дарипскомъ и башъ-кадыклярскомъ лагеряхъ передъ грозною позиціею Мухтара-паши на Аладжѣ, войска наши со дня на день ожидали прибытія подкрѣпленій. Наконецъ, въ 20-хъ числахъ іюля мѣсяца въ составъ корпуса прибыла 40-я пѣхотная дивизія, полки которой и были расположены въ нашемъ авангард-

номъ лагерѣ, у селенія Башъ-Кадыкляръ. Вмѣстѣ съ дивизіей, прибыла въ отрядъ и состоящая при ней артилерійская бригада. Это увеличеніе нашихъ силъ дало намъ возможность занять нѣкоторые новые пункты, стратегическая важность которыхъ для нашей позиціи успѣла къ тому времени выясниться. Съ этою послѣднею цѣлью были заняты бакинскимъ и дербентскимъ полками и однимъ изъ саперныхъ баталіоновъ (*), съ батареею артилеріи (**), развалины гор. Ани, такъ какъ, въ случаѣ занятія ихъ непріятелемъ, послѣдній открывалъ себѣ возможность угрожать нашему тылу. Колонна, расположившаяся укрѣпленымъ лагеремъ у развалинъ города Ани, была ввѣрена начальству, командира 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Цытовича. 24-го іюля бакинскій полкъ, три баталіона дербентскаго полка и часть артилеріи (***) аниискаго лагеря, подъ начальствомъ генерала Цытовича, были экстренно направлены, кратчайшимъ путемъ форсированнымъ маршемъ, на присоединеніе къ эриванскому отряду генерала Тергукасова. На смѣну же ушедшихъ дербентцевъ къ развалинамъ Ани, 27-го числа іюля мѣсяца, прибыли изъ авангарднаго лагеря 1-й, 2-й и 4-й баталіоны кубинскаго полка съ генераломъ Ореусомъ во главѣ, подъ команду котораго и перешли тогда войска анинскаго лагеря (****). 29-го числа того же мѣсяца сюда-же прибылъ и 3-й баталіонъ кубинцевъ, остававшійся до тѣхъ поръ въ составѣ войскъ авангарднаго лагеря у сел. Башъ-Кадыкляръ.

(*) 3-мъ саперным. (Официально).

Ред.

(**) 1-ю и 2-ю батареями 39-й артилерійской бригады. (Официально).

Ред.

(***) 1-я и 2-я батареи 39-й артилерійской бригады, за исключеніемъ 4-хъ орудій оставленныхъ у Ани, и 2-й горско-моздокскій казачій полкъ. (Официально).

Ред.

(****) Кромѣ того съ кубинцами пришла 5-я батарея 39-й артилерійской бригады. Въ этотъ же день, вступили у Ани, подъ команду генерала Орсуса: 3-й баталіонъ 154-го дербентскаго полка, 3-й саперный баталіонъ, дивизіонъ кизляро-гребенскаго казачьяго полка и дивизіонъ 1-й батареи 39-й артилерійской бригады. (Официально).

Ред.

Правый фланг турецкой позиціи на аладжинской возвышенности, находившійся какъ разъ передъ фронтомъ лагеря генерала Ореуса у развалинъ гор. Ани, замыкался отдѣльною выдающеюся впередъ копусообразною возвышенностью, носившей названіе Инахъ-тапа. Гора эта была вооружена турками батареею, подъ выстрѣлами которой находились селенія Коздуджа, Джала и Керъ-Хапа занятыя также турецкими кавалерійскими пикетами и небольшими пѣхотными частями. Съ нашей стороны, верстахъ въ 1½—2-хъ отъ развалинъ Ани и верстахъ въ 4-хъ отъ Инахъ-тапы, была, въ свою очередь, выстроена батарея которую мы и занимали поочередно днемъ 2-мя ротами пѣхоты и 2-мя орудіями, а ночью цѣлымъ баталіономъ. Что же касается до артилеріи, то она уѣзжала на ночь въ лагерь и появлялась на батареѣ снова, только на зарѣ слѣдующаго дня.

Находясь на этомъ передовомъ пунктѣ нашего лагеря—т. е. на только что описанной батареѣ—рѣдкій день проходилъ для дежурныхъ частей безъ того, чтобы аванпостамъ нашимъ не приходилось обмѣниваться выстрѣлами съ непріятельскими кавалеристами, безпрестанно разъѣзжающими между вышеназванными селеніями то группами, то въ одиночку. Ежедневныя перестрѣлки эти сдѣлались, наконецъ, явленіемъ до того обыденнымъ, что никто въ нашемъ лагерѣ не сталъ придавать имъ ровно никакого значенія. Тѣмъ болѣе, что всякое малѣйшее движеніе непріятеля было у насъ видно съ батареи какъ на ладони, и слѣдовательно своевременность принятія надлежащихъ мѣръ предосторожности съ нашей стороны была вполнѣ обезпечена за нами. Такъ шло время вплоть до 31-го іюля, когда особенно усиленное движеніе, подъ вечеръ, небольшихъ группъ непріятельской кавалеріи, спускавшихся изъ лагеря на аладжинской возвышенности въ сел. Коздуджа, Джала и Керхана, невольно обратило вниманіе начальниковъ дежурныхъ частей находившихся на нашей передовой батареѣ. Перестрѣлка нашихъ аванпостовъ въ этотъ день съ непріятелемъ отличалась также особеннымъ оживленіемъ. О замѣченномъ движеніи, старшимъ изъ офицеровъ, находившихся на передовой батареѣ, тогда же было сообщено письменно дежурному по лагерю, но это сообщеніе не вызвало

никакихъ особенныхъ распоряженій. Наступила темная и туманная ночь. На смѣну двумъ дежурнымъ ротамъ, находившимся днемъ на батареѣ, прибылъ, по обыкновенію, баталіонъ, это былъ 3-й баталіонъ кубинцевъ. Артилерія, какъ и въ предшествующіе дни, уѣхала въ лагерь. Затѣмъ все стихло, и ночь прошла среди глубокаго и ничѣмъ не нарушаемаго безмолвія. На зарѣ, часу въ 4-мъ утра, аванпосты наши, замѣтили турецкихъ всадниковъ, двигавшихся къ нашей батареѣ. Сначала, за утреннимъ туманомъ, трудно было опредѣлить—кто это: наши ли разъѣзды, или же непріятельская кавалерія. Но вскорѣ дѣло разъяснилось: показались непріятельскія пѣхотныя части, съ Инахъ-тапы грянулъ орудійный выстрѣлъ—и вслѣдъ за этимъ, мгновенно открылся учащенный ружейный огонь какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской сторонъ. Въ лагерѣ нашемъ ударили тревогу. Въ эту минуту расположеніе дежурнаго баталіона на батареѣ было слѣдующее: ночная аванпостная цѣпь была уже снята и на ея мѣстѣ остались только денные пикеты, позади которыхъ, по обѣ стороны нашей батареи, находился резервъ отъ 11-й и 12-й ротъ кубинцевъ (*). Двѣ же остальныя роты баталіона—9-я и 10-я—были направлены уже въ лагерь. Съ самаго начала, завязавшагося такимъ образомъ дѣла, главная атака непріятеля была повсдена на нашъ правый флангъ, со стороны покинутаго селенія Кара-кала, находящагося на сѣверной сторонѣ относительно нашего расположенія. Но попытка непріятеля охватить вышеназванный флангъ нашъ, и отрѣзать его отъ лагеря, не увѣнчалась успѣхомъ: сначала 11-я рота (капитанъ Нейдингъ), расположенная здѣсь въ резервѣ, а затѣмъ и подоспѣвшая сюда 9-я рота (штабсъ-капитанъ Перехвальскій) удачными залпами, по скученнымъ въ небольшія группы черкесамъ, заставили ихъ отступить съ большимъ урономъ. Непріятельская же пѣхота, о которой мы говорили выше, спустившись съ аладжинской возвышенности, ограничилась тѣмъ, что засѣла въ ближайшія къ нашей батареѣ траншеи и открыла самый учащенный ружейный огонь, преимущественно противъ нашего лѣваго фланга, на которомъ находились, тоже въ траншеяхъ, 10-я (подпоручикъ Силуя-

(*) Эти роты должны были оставаться на батареѣ дежурными частями.

новъ) и 12-я (капитанъ Пшеничный) роты кубинцевъ. Такимъ образомъ первый натискъ турокъ, сдѣлавшихъ попытку атаковать на зарѣ 1-го августа нашу передовую батарею близь развалинъ Ани, пришлось выдержать и съ честью отразить 3-му баталіону кубинскаго полка, который въ этотъ день былъ дежурною частью на вышеупомянутой батареѣ.

Вскорѣ послѣ начала описанной перестрѣлки на передовой батареѣ, изъ лагеря подошли и другія части колонны генерала Ореуса, и дѣло приняло довольно серіозный и оживленный видъ. Изъ нашего лагеря, прибыли орудія (1-я батарея 39-й артилерійской бригады) и начали довольно энергично отвѣчать на выстрѣлы турецкихъ артилеристовъ съ Ипахъ-тапы и, по временамъ, очень удачно дѣйствовать по пѣхотнымъ колоннамъ непріятеля, спѣшившимъ изъ лагеря, повидимому, для поддержки своей передовой линіи (*). Ружейный же огонь получилъ къ этому времени такое сильное развитіе съ обѣихъ сторонъ, что буквально засыпалъ пулями обоихъ противниковъ.—Описанное дѣло продолжалось пять часовъ. Отброшенный къ своему лагерю, непріятель оставилъ на мѣстѣ перестрѣлки много тѣлъ, преимущественно кавалеристовъ, и значительное число лошадиныхъ труповъ; кромѣ того намъ удалось захватить довольно изрядное количество разнаго оружія и двухъ плѣнныхъ, изъ коихъ одинъ, по видимому арабистанецъ, былъ раненъ.

Въ описанномъ дѣлѣ полкъ потерялъ убитымъ, какъ это видно изъ приказа по полку 1877-го года за № 187, одного рядоваго 11-й роты, Михаила Савельева.

По доведеніи до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго кавказскою арміею, о дѣлѣ 1-го августа 1877-го года, въ полкъ было прислано четыре знака отличія военнаго ордена 4-й степени (**).

Изъ личнаго же состава офицеровъ кубинскаго полка удостоились получить награды за вышеописанное дѣло слѣдующія лица:

(*) Не 1-я, а 5-я батарея 39-й артилерійской бригады. (Офиціально). *Ред.*

(**) Приказъ по полку 1877-го года № 187-й.

прикомандированные къ полку, лейбъ-гвардіи павловскаго полка поручики—Мамаевъ и Филипьевъ, получившіе ордена св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.

По отношенію провіантскаго и приварочнаго довольствія полка, за описываемый въ этой главѣ періодъ времени, можно сказать слѣдующее: близость г. Александрополя, гдѣ находились наши пекарни, давала возможность разнообразить ежедневную сухарную дачу людямъ выдачею по два раза въ недѣлю печонаго хлѣба, который доставлялся транспортами изъ г. Александрополя. Количество хлѣба, выдававшагося каждый разъ людямъ, было неодинаково, иногда солдатъ получалъ по два фунта, а иногда по полтора причемъ, остальное количество суточной провіантской дачи на каждаго человѣка, добавлялось сухарями. Во всякомъ случаѣ, полкъ въ описываемый періодъ времени былъ обезпеченъ вполнѣ правильнымъ и своевременнымъ подвозомъ и отпускомъ отъ интендантства провіанта вообще, и солдаты полка получали свою суточную дачу—въ видѣ ли хлѣба или же сухарей—вполнѣ исправно.

Что же касается до приварочнаго довольствія, то оно также было удовлетворительно: изобиліе рогатаго скота въ шурагельскомъ и зарушадскомъ санджакахъ, занятыхъ нами, давало возможность полковымъ подрядчикамъ безъ труда пріобрѣтать этотъ скотъ въ нужномъ количествѣ, а изобиліе травъ на окружающихъ пастбищныхъ мѣстахъ, оставаясь нескошенными, обезпечивало за вышеупомянутыми промышленниками, возможность рѣзать этотъ скотъ въ состояніи должной упитанности.

Частые переходы съ мѣста на мѣсто съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, и усиленная дѣятельность въ періодъ траншейныхъ работъ подъ Карсомъ, должны были отразиться неблагопріятнымъ образомъ на общемъ состояніи здоровья чиновъ полка. А потому цифра заболѣвшихъ, къ описываемому времени, сравнительно поднялась. Какъ видно изъ мѣсячнаго отчета полка за іюль мѣсяцъ 1877-го года, цифра эта для офицеровъ полка равнялась 5-ти человѣкамъ больныхъ, а для нижнихъ чиновъ—60-ти. Но все-таки, въ общемъ своемъ видѣ, санитарное состояніе полка, въ это время, могло считаться вполнѣ удовлетворительнымъ.

ГЛАВА V.

Выступленіе полка изъ лагеря у развалинъ тор. Ани для присоединенія къ войскамъ эриванскаго отряда.—Походное движеніе форсированнымъ маршемъ и его трудности.—Лагерь у сел. Гулюджа и встрѣча полка начальникомъ эриванскаго отряда, генераломъ Тергукасовымъ.—Рекогносцировка и разработка дороги къ сторонѣ зорскаго перевала, занятаго лагеремъ Измаилъ-паши.—1-й баталіонъ занимаетъ мѣстечко Кульпы.—Выступленіе полка и 5-й батареи 39-й артилерійской бригады изъ лагеря у сел. Гулюджа, подъ начальствомъ полковника Кабенина, на присоединеніе къ главнымъ силамъ корпуса.—Обратное движеніе полка въ сел. Гулюджа.—Переходъ на позицію у селенія Чарухчи.—Лагерная жизнь и служебная дѣятельность полка въ виду непріятеля, расположеннаго на нашей территоріи по скатамъ хребта Агры-дагъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Муширъ анатолійской арміи, Ахметъ-Мухтаръ-паша, появился подъ Карсомъ и расположился лагеремъ на аладжинской возвышенности, въ лагерѣ нашемъ стали ходить слухи, что крайнее правое крыло турецкихъ войскъ, находящееся подъ начальствомъ Измаила-паши, намѣревается произвести диверсію противъ мѣстечка Игдыря, сурмалинскаго уѣзда, эриванской губерніи. Этимъ послѣднимъ движеніемъ Измаилъ-паша хотѣлъ отвлечь главныя силы наши съ почвы карскаго санджака и, въ случаѣ успѣха, соединиться съ войсками Мухтаръ-паши уже въ русскихъ предѣлахъ. Замыселъ этотъ со стороны турокъ, какъ оказывалось, упорно подтверждался, почти цѣлый мѣсяцъ извѣстіями, доставляемыми намъ лазутчиками и дезертирами, пока наконецъ, фактически не осуществился вторженіемъ 23-го іюля войскъ Измаила-паши въ предѣлы сурмалинскаго уѣзда нашей эриванской губерніи.

Въ виду только что описаннаго вторженія непріятеля на нашу землю, рѣшено было послать изъ главныхъ силъ корпуса подкрѣпленіе эриванскому отряду генерала Тергукасова. 24-го іюля изъ лагеря у развалинъ г. Ани выступили съ этою цѣлью 7-мь баталіоновъ (бакинскій полкъ и три баталіона дербентскаго полка (*))

(*) Одинъ баталіонъ дербенцевъ былъ оставленъ въ лагерѣ у развалинъ тор. Ани.

39-й пѣхотной дивизіи, и одинъ казачій полкъ (*) съ 12-ю орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Цытовича. Какъ было уже упомянуто выше, взамѣнъ этой колонны къ развалинамъ Ани былъ направленъ кубинскій полкъ, подъ командою генерала Ореуса. Вскорѣ затѣмъ, а именно 2-го августа, состоялось распоряженіе, чтобы кубинцы съ остававшимся у Ани баталіономъ дербентцевъ и 5-ю батареею 39-й артилерійской бригады тоже выступили на присоединеніе къ войскамъ эриванскаго отряда кратчайшимъ путемъ, черезъ селеніе Хаджи-Байрамъ (**). Колонна эта должна была слѣдовать подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, бывшаго въ то время командующимъ войсками, находящимися въ нашихъ пограничныхъ областяхъ.

2-го августа, часовъ въ 6-ть вечера, отрядъ выступилъ по назначенію, ночевалъ передъ сел. Кигачъ, находящимся уже на нашемъ берегу р. Арпачая и, перейдя на утро эту рѣку, вступилъ на нашу территорію.

Въ тотъ же день, т. е. 3-го числа, наша колонна, поступивъ подъ начальство генерала Лазарева, встрѣтившаго ее на нашемъ берегу, противъ сел. Кигачъ, двинулась дальше и должна была слѣдовать форсированнымъ маршемъ по берегу р. Арпачая, черезъ сел. Кизилъ-Килиса, посты—камбинскій и георгіевскій, на сел. Хаджи-Байрамъ, а оттуда, черезъ мѣстечко Кульпы—въ сел. Гулюджа.

Путь этотъ былъ страшно тяжелъ. Отрядъ вставалъ въ 2—3 часа пополуночи, двигался цѣлый день съ очень рѣдкими привалами, просто задыхаясь отъ страшной пыли. Зной былъ ужасный, безводье кругомъ полнѣйшее, такъ какъ Арпачай, по берегу котораго шелъ отрядъ, протекаетъ здѣсь въ глубокой трещинѣ, имѣя на всемъ своемъ протяженіи берега скалистые и совершенно недоступные. Переходы дѣлались въ 25—30 верстъ по дорогамъ са-

(*) 2-й горско-моздокскій полкъ, терскаго казачьяго войска. (Офиціально). *Ред.*

(**) Кромѣ того, дивизіонъ 1-й батареи 39-й артилерійской бригады и двѣ сотни кизляро-гребенскаго казачьяго полка. (Офиціально). *Ред.*

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

маго первобытнаго вида. Камни усѣевали кругомъ всю окрестность и немилосердно портили ноги уставшихъ солдатъ. Къ тому-же, за четыре мѣсяца, проведенныхъ полкомъ въ безпрестанныхъ переходахъ по карскому санджаку и среди осадныхъ работъ подъ Карсомъ—солдаты совершенно пообносились. Особенно пострадали у нихъ сапоги, которые у многихъ совершенно развалились и несчастнымъ, почти на босую ногу, приходилось путешествовать по острымъ камнямъ, загромождавшимъ сплошь нашъ путь. Со стороны, слѣдуя за отрядомъ верхомъ, было какъ то тяжело смотрѣть на этихъ измученныхъ путниковъ и въ тоже время приходилось невольно удивляться выносливости русскаго солдата, который безропотно умѣлъ совершать походныя движенія, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ.

Бивуаки наши во время этого пути были также не особенно богаты отдыхомъ и покоемъ. Однихъ требовали въ аванпостную цѣпь, другихъ въ какой либо изъ много-различныхъ карауловъ полевой службы, или же къ ставкѣ главнаго начальника, на долю третьихъ выпадала очередь идти въ прикрытіе позицій, имѣвшихъ тактическое значеніе для отряда на той мѣстности, гдѣ отрядъ расположился бивуакомъ. . . . Словомъ, большими и малыми частями, по приходѣ полка на ночлегъ, выходила цѣлая масса измученнаго люда, снова на работу и безсонную ночь.

Послѣ перехода по совершенно голымъ и выжженнымъ полямъ, покрытымъ мѣлкою пылью какого-то пепельнаго цвѣта и заваленнымъ сплошною массою сѣраго камня, заглушающаго всякую растительность—послѣ этого пустыннаго и безжизненнаго пути по берегу Арпачая—свѣжая зелень садовъ въ долинѣ Аракса показалась намъ какимъ то блаженнымъ оазисомъ. Но прежде чѣмъ спуститься къ сел. Хаджи-Байрамъ, расположенному недалеко отъ впаденія р. Арпачая въ р. Аракъ, отряду предстояло разработать дорогу и, почти на рукахъ, спустить свой обозъ по такому спуску, о которомъ даже трудно дать вѣрное представленіе.

Послѣ почти мѣсячнаго затишья, каковымъ ознаменовалось время, проведенное нашими главными силами дѣйствующаго корпуса въ выжидательномъ положеніи, противъ грозныхъ силъ Мух-

тара-паши, расположившихся на аладжинской возвышенности, центръ тяжести военныхъ операцій, казалось, готовился перемѣститься въ эриванскій отрядъ генерала Тергукасова. Весь интересъ переживаемаго нашими войсками періода невольно сосредоточивался тогда на территоріи нашей эриванской губерніи, въ предѣлы которой удалось, наконецъ, вторгнуться непріятельскимъ силамъ, предводительствуемымъ Измаиломъ-пашею. И наша національная гордость, обезпокоенная присутствіемъ на русской землѣ врага нашего, и, наконецъ, сознаніе опасности, которая угрожала намъ въ случаѣ удачи замысла Измаила-паши—предпринять наступательныя дѣйствія противъ Игдыра, гдѣ онъ разсчитывалъ на содѣйствіе мѣстнаго мусульманскаго населенія—все это, повторяемъ, заставляло обратить особенное вниманіе на войска генерала Тергукасова, увеличить силы котораго и было признано необходимымъ безотлагательно.

Спѣша форсированнымъ маршемъ на присоединеніе къ эриванскому отряду, кубинцы какъ-бы торопились на тотъ кровавый пиръ, который долженъ былъ произойти въ недалекомъ будущемъ. Генералъ-лейтенантъ Лазаревъ, находящійся, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше, во главѣ нашего отряда, своимъ неоднократнымъ обращеніемъ къ солдатамъ въ томъ смыслѣ, что они достойно и славно ознаменуютъ свое вступленіе въ составъ войскъ эриванскаго отряда—какъ-бы поддерживалъ въ насъ убѣжденіе въ неизбѣжности предстоявшихъ намъ энергическихъ и кровавыхъ дѣйствій противъ непріятеля. Общее состояніе духа всего полка, воодушевленное воинственнымъ настроеніемъ своего храбраго вождя, было таково, что могло вполнѣ ручаться за выполненіе тѣхъ надеждъ, которыя были возлагаемы на него его доблестнымъ начальникомъ. Солдаты, несмотря на чрезмѣрныя трудности похода, были бодры и веселы. Громкія пѣсни и оживленный говоръ пересыпанный беззаботными шутками, краснорѣчиво говорили о томъ, что сознаніе предстоявшихъ опасностей, въ недалекомъ грозномъ будущемъ, отразилось на кубинцахъ весьма благотворно. Такъ шло время нашего пути.

Покинувъ м. Кульпы, гдѣ колонна наша имѣла ночлегъ, и переваливъ кратчайшимъ путемъ черезъ горы, окружающія выше-

названное мѣстечко—взорамъ нашимъ предстала живописная картина: далеко, окутанный синимъ туманомъ, тянулся высокій хребетъ Агры-дагъ, составлявшій, какъ извѣстно, нашу государственную границу, на которомъ, при болѣе внимательномъ и напряженномъ взглядѣ, можно было довольно ясно замѣтить огромный турецкій лагерь, широко разбросанный по отрогамъ упомянутаго хребта. Оказалось, что Измаилъ-паша, точно также какъ и Мухтаръ, предпочиталъ выбирать для своихъ позицій возвышенности слишкомъ въ 6000 футовъ.

Наконецъ, 8-го августа, колонна наша прибыла въ селеніе Гулюджа, гдѣ уже были расположены лагеремъ части войскъ эриванскаго отряда, въ составъ котораго она и поступила въ этотъ же день. Главная квартира начальника эриванскаго отряда находилась тутъ-же. Время клонилось къ вечеру. Солдаты, въ ожиданіи прибытія обозовъ съ палатками, расположились бивуакомъ. Каждый спѣшилъ отдохнуть и осмотрѣться кругомъ. Начальника отряда въ лагерѣ не было; въ этотъ день была рекогносцировка къ сторонѣ зорскаго перевала, на которой онъ лично присутствовалъ. Въ полку былу отдано приказаніе приготовиться къ встрѣчѣ генерала Тергукасова, который долженъ былъ проѣзжать мимо мѣста нашего расположенія. Личность новаго начальника, отличившагося въ началѣ кампаніи смѣлымъ движеніемъ въ глубь непріятельской территоріи, оставшагося побѣдителемъ при Даярѣ и мужественно отступавшаго подъ напоромъ превосходящаго силами непріятеля для того, чтобы геройски освободить нашъ баязетскій гарнизонъ, осажденный курдами, эта почтенная и доблестная личность невольно влекла къ себѣ и заинтересовывала всѣхъ какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Наконецъ стало извѣстнымъ, что генералъ ѣдетъ. Всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ, и полкъ выстроился. Спокойно, шагомъ, подъѣхалъ начальникъ отряда къ полку и поздоровался съ солдатами. Мы какъ теперь видимъ эту почтенную сѣдую личность. Энергичное и вдумчивое выраженіе лица генерала носило отпечатокъ какой-то задушевной доброты. Объѣхавъ ряды солдатъ, и замѣтивъ на многихъ изъ нихъ вмѣсто сапогъ поршни, начальникъ отряда съ участіемъ освѣдомился о той

трудности, съ какой имъ приходилось выносить только что оконченный походъ. Затѣмъ, обратясь ко всѣму полку, генералъ сказалъ, что онъ радъ такимъ новымъ боевымъ товарищамъ, съ которыми ему будетъ легко и пріятно переносить всѣ труды и опасности походно-боевой жизни.

Общее впечатлѣніе, произведенное на насъ новымъ начальникомъ отряда, было самое благотворное; у всѣхъ и каждаго вдругъ, почти инстинктивно, явилась увѣренность, что генералъ Тергукасовъ одинъ изъ тѣхъ полководцевъ, которые прежде, чѣмъ рѣшатся на что либо, способны сами переживать мучительный процесъ раздумья и взвѣшиванья всѣхъ шансовъ предпринимаемаго дѣла. Такіе люди не станутъ проливать напрасно или безъ достаточной необходимости кровь своихъ подчиненныхъ и никогда не будутъ, съ завязанными глазами, слѣдовать принципу, выражающемуся словами: „лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“. И вотъ, какъ результатъ этой увѣренности, у всѣхъ явилось сознаніе въ возможной безопасности за свой покой и за свою жизнь, жертвовать которой, какъ лучшимъ своимъ благомъ, безъ достаточной и строго взвѣшенной необходимости, тяжело для каждаго человѣка даже и на войнѣ.

Благодаря этому послѣднему впечатлѣнію, произведенному нашимъ новымъ начальникомъ отряда, наступившая ночь прошла для насъ такъ спокойно, какъ, быть можетъ, не протекала она еще никогда съ самаго начала кампаніи. Ни крѣпкая позиція Измаилъ-паши, находящаяся такъ близко передъ нами, ни грозная тайна того, что ожидаетъ каждаго изъ насъ впереди, въ этомъ кровавомъ будущемъ, ни, наконецъ, убѣжденіе, что мы торопились подоспѣть къ началу рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій эриванскаго отряда, ничто не смущало нашъ покой; потому-что, утомленные и разбитые физически, мы были обновлены духовно. . . . . .

Расположившись лагеремъ въ сел. Гулюджа, полкъ, начиная съ 10-го по 18-е августа, частями; почти ежедневно, входилъ въ составъ колоннъ, предназначенныхъ для производства рекогносцировокъ къ сторонѣ зорскаго перевала (*), или же выходилъ на

(*) Находящагося на хребтѣ Агры-дагъ и получившаго свое названіе отъ курдскаго селенія Зоръ, расположеннаго тамъ же.

разработку дороги, ведущей черезъ сел. Таусъ-гель къ непріятельскому лагерю у сел. Зорт. Цѣль какъ этихъ рекогносцировокъ, такъ и дорожныхъ работъ, была, какъ надо предполагать, та, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, давъ понять ему о нашемъ намѣреніи, разработавъ дорогу въ тылъ его расположенія, угрожать нападеніемъ съ этой стороны, такъ какъ предпринять какія либо дѣйствія съ фронта противъ такой позиціи, какая была у турокъ на зорскомъ перевалѣ, было болѣе чѣмъ рисковано для наличныхъ силъ эриванскаго отряда. Этимъ послѣднимъ маневромъ мы хотѣли заставить непріятеля перемѣнить позицію. Но планъ нашъ былъ неудаченъ, турки поняли замыселъ и продолжали сидѣть на своей недоступной позиціи, очень хорошо, повидимому, сознавая всѣ выгоды своего расположенія по отношенію къ намъ.

Чтобы дать понятіе читателю о расположеніи силъ эриванскаго отряда, въ описываемый періодъ времени, и тѣмъ ему дать возможность представить себѣ вѣрную картину дѣйствій этого отряда, здѣсь необходимо вкратцѣ упомянуть о путяхъ сообщенія, которые ведутъ изъ восточной части баязетскаго санджака въ эриванскую губернію.

Какъ извѣстно, для сообщенія между означенными мѣстами имѣются двѣ колесныя дороги, расчищенныя нашимъ эриванскимъ отрядомъ въ 1854-мъ году (*). Одна идетъ отъ г. Баязета черезъ Чингиль (часть Агры-дага), спускается къ нашему орговскому посту и направляется далѣе на дер. Игдырь. Вторая, начинаясь отъ Діадина и перевалившись черезъ діадинскій хребетъ, въ свою очередь, выходитъ на Агры-дагъ, откуда, спустившись къ бывшему караванъ-сарайскому посту, идетъ до дер. Чарухчи, находящейся въ долинѣ Аракса. И наконецъ третья дорога, хотя и неудобная для колеснаго сообщенія, идущая отъ монастыря Сурпъ-Оганеса прямо черезъ абасъ-гельскій перевалъ, выходитъ къ нашему посту того же названія (**).

Отъ чингильскихъ горъ, составляющихъ правый флангъ ту-

(*) См. «Описаніе эрзерумскаго вилайэта» соч. Маламы.

(**) При незначительной разработкѣ, послѣдняя дорога могла быть сдѣлана удобной для движенія всѣхъ родовъ оружія.

рецкой позиціи, до абасъ-гельскаго перевала можно считать слишкомъ сорокъ верстъ протяженія. Пользуясь тремя вышеописанными дорогами, непріятель могъ спуститься въ долину р. Аракса въ трехъ мѣстахъ и угрожать нашимъ войскамъ, стоящимъ въ этой долинѣ. Соотвѣтственно этой возможности для непріятеля начать свои наступательныя дѣйствія по тремъ направленіямъ, незначительному отряду генерала Тергукасова предстояла нелегкая задача—противопоставить наступленію противника, въ каждомъ изъ описанныхъ пунктовъ, достаточныя силы для его отраженія.

Въ описываемый періодъ времени силы генерала Тергукасова были расположены слѣдующимъ образомъ: большая часть изъ нихъ стояла лагеремъ у сел. Игдырь, составлявшаго лѣвый флангъ нашего расположенія, а меньшая—въ томъ числѣ и кубинцы—на правомъ флангѣ, у сел. Гулюджа, находящагося верстахъ въ 8-ми отъ абасъ-гельскаго перевала, который былъ занятъ постоянно нашими дежурными частями въ одинъ баталіонъ пѣхоты и усиленными аванпостами отъ кавалеріи.

Дѣятельность полка за это время, равно какъ и прочихъ частей отряда, главнымъ образомъ заключалась въ исполненіи аванпостной службы, строжайшее и самое тщательное выполненіе которой вызывалось всѣми обстоятельствами, о которыхъ только-что было говорено.

Никакихъ активныхъ дѣйствій съ нашей стороны не было предпринимаемо въ этотъ промежутокъ времени, несмотря на то, что прибытіе подкрѣпленій изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса и внушенія изъ главной квартиры командующаго корпусомъ прямо указывали генералу Тергукасову на необходимость начать таковыя. Констатируя фактъ такой самостоятельности доблестнаго начальника эриванскаго отряда—мы имѣемъ цѣлью прибавить еще одну черту къ характеристикѣ генерала Тергукасова, какъ человѣка и военноначальника.

21-го августа 1-й баталіонъ кубинцевъ, подъ начальствомъ подполковника Мдивани, выступилъ въ м. Кульпы, гдѣ и расположился лагеремъ. Это послѣднее перемѣщеніе баталіона изъ гулюджинскаго лагеря въ м. Кульпы вызывалось потребностью обезпечить тылъ нашего расположенія отъ возможнаго вторженія не-

пріятеля въ наши предѣлы по дорогамъ, ведущимъ на юго-востокъ отъ Карса, черезъ курдскій зимовникъ Базарджикъ, дер. Дигоръ, Маврякъ и Нахичеванъ къ Хаджи-Байраму, находящемуся въ эчміадзинскомъ уѣздѣ, эриванской губерніи.

Между тѣмъ событія на карскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ это время, приняли такой оборотъ, что потребовалось усиленіе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса насчетъ эриванскаго отряда. Со взятіемъ Кизилъ-тапы Мухтаръ-паша готовился, казалось, перейти въ наступленіе. Вслѣдствіи этого послѣдовало распоряженіе выступить всему кубинскому полку съ 5-ю батареею 39-й артилерійской бригады, подъ начальствомъ полковника Кабенина, для присоединенія къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса (*).

Сообразно съ этимъ распоряженіемъ, кубинскій полкъ выступилъ изъ лагеря у сел. Гулюджа, 23-го числа августа мѣсяца, причемъ 1-й баталіонъ, стоявшій въ м. Кульпы, долженъ былъ также присоединиться къ полку.

25-го числа полкъ ночевалъ въ м. Сардаръ-Абадъ, а утромъ 26-го числа начальникомъ колонны, полковникомъ Кабенинымъ, было получено приказаніе вернуться съ полкомъ и батареею обратно въ составъ эриванскаго отряда (**).

26-го августа кубинцы и 5-я батарея 39-й артилерійской бригады, находясь уже на обратномъ пути, имѣли ночлегъ въ сел. Кала-Архъ. Селеніе это находилось верстахъ въ 20-ти въ тылу нашего игдырскаго лагеря. Проведя ночь спокойно, колонна наша была неожиданно разбужена на зарѣ выстрѣлами и отчаянными криками, вдругъ раздавшимися недалеко отъ мѣста нашего бивуака, по дорогѣ въ м. Кульпы. Мы были, конечно, сильно встревожены этой неожиданной тревогой. Не имѣя при себѣ кавалеріи, чтобы немедленно развѣдать о причинахъ перестрѣлки и будучи окутаны тѣми предразсвѣтными сумерками, во время которыхъ свѣтъ борется съ тьмою, дѣлая окружающіе предметы какими то неопре-

(*) Предписаніе начальника эриванскаго отряда отъ 22-го августа за № 3640.

(**) Предписаніе начальника эриванскаго отряда отъ 25-го августа за № 3736.

дѣленными и сомнительными—полкъ сталъ быстро перестраиваться въ боевой порядокъ. Но и этого короткаго времени оказалось слишкомъ достаточно для того, чтобы ужасная драма, разыгравшаяся такъ близко отъ насъ, была окончена. Оказалось, что человѣкъ полтораста курдовъ и черкесовъ изъ лагеря Измаила-паши, прорвавшись сквозь линію нашихъ казачьихъ пикетовъ, напали на армянъ, ѣхавшихъ, транспортомъ арбъ въ сорокъ, за солью въ м. Кульпы и, несмотря на полнѣйшую ихъ беззащитность, стали грабить и убивать, стрѣляя по нимъ въ упоръ. Двадцать восемь жертвъ, несчастныхъ безоружныхъ мирныхъ жителей, осталось на мѣстѣ, въ видѣ обезображенныхъ труповъ.

Совершивъ это варварское дѣло, и замѣтивъ движеніе частей полка, спѣшившаго къ мѣсту катастрофы, разбойники эти быстро удалились по направленію къ даралагезскому участку, что имъ и удалось, благодаря тому обстоятельству, что въ колоннѣ нашей совершенно не было кавалеріи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, въ сел. Кала-архъ прибыло нѣсколько арбъ, исключительно нагруженныхъ страшно изуродованными человѣческими трупами.

Когда предсталъ передъ нами печальный кортежъ, и эти изуродованные трупы солдаты начали бережно снимать съ арбъ, мы съ ужасомъ замѣтили, что у нѣкоторыхъ изъ жертвъ были отрѣзаны уши, носъ и распороты животы, причемъ всѣ трупы были покрыты обжогами, происшедшими отъ того, что по несчастнымъ стрѣляли въ упоръ, отчего одежда ихъ загоралась и тлѣла на тѣлѣ. Между этими трупами находился одинъ живой, но жизнь его была скорѣе агоніею смерти. Этотъ несчастный былъ мальчикъ лѣтъ 8—9-ти; ему нанесено было около 6-ти ранъ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ. Очевидно, кровожадность и звѣрство, прорвавшейся сквозь нашу аванпостную цѣпь шайки баши-бузуковъ, не останавливались ни передъ чѣмъ, ни полная беззащитность невооруженныхъ людей, ни нѣжный возрастъ ребенка—ничто не могло парализовать ихъ дикихъ разрушительныхъ инстинктовъ.

Впослѣдствіи оказалось, что вышеупомянутая шайка баши-бузуковъ напала также и на м. Сардаръ-Абадъ, эчміадзинскаго уѣзда,

и, отбивъ скотъ, нагрузивъ его награбленною добычею, благополучно возвратилась восвояси, прорвавшись снова черезъ нашу аванпостную цѣпь.

Только-что разсказанный здѣсь эпизодъ очень рельефно характеризуетъ то затруднительное положеніе, какое переживалъ эриванскій отрядъ въ описываемое время. Далеко неравный по численности съ непріятелемъ вообще и, притомъ, имѣя у себя очень незначительное количество кавалеріи (*)—храбрый отрядъ генерала Тергукасова былъ поставленъ въ необходимость оберегать почти все протяженіе пограничной части нашей эриванской губерніи, отъ наступленія 40-а таборовъ, въ 700-тъ человѣкъ каждый, съ кавалеріей и артилеріей (55-ть орудій малаго калибра), составлявшихъ силы корпуса Измаила-паши (**).

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, линія нашихъ кавалерійскихъ пикетовъ, расположенныхъ отъ сел. Игдырь до абасъ-гельскаго перевала, почти ежедневно терпѣла отъ нападеній, то тамъ то здѣсь, непріятельскихъ шаекъ, иногда человѣкъ въ 300 башибузуковъ, дерзко спускавшихся съ отроговъ Агры-дага, имѣя цѣлью прорваться въ тылъ нашего расположенія, для грабежа и разбоя.

28-го августа кубинцы, снова, поступили въ составъ эриванскаго отряда и, по прежнему, расположились въ лагерѣ близъ сел. Гулюджа. Тутъ опять потекла прежняя жизнь и служба, въ которой аванпосты и другія охранительныя мѣры играли первенствующую роль.

29-го числа того-же мѣсяца 3-й баталіонъ кубинскаго полка заступилъ въ качествѣ дежурной части на абасъ-гельскій перевалъ.

Высокое мѣстоположеніе на Абасъ-гелѣ и осеннее время года давали себя сильно чувствовать нашимъ солдатамъ, буквально лишеннымъ въ это время обуви и неимѣвшимъ ничего теплаго, кромѣ потертой шинели. Бывали даже случаи отмороженья

(*) По даннымъ, имѣющимся въ книгѣ: «Турецкая кампанія 1877—78 годовъ», составленной по официальнымъ документамъ г. Сѣдельниковымъ, въ эриванскомъ отрядѣ, въ это время, было около 23-хъ тысячъ человѣкъ всякаго рода оружія, вмѣстѣ съ прибывшими подъ командою генерала Лазарева.

(**) См. туже книгу, т. II, стр. 121-ю.

нижнихъ конечностей у тѣхъ изъ солдатъ, ноги которыхъ, обернутыя тряпками и обутыя худыми поршнями, были лишены всякой защиты отъ холодныхъ ночей и морозныхъ утренниковъ. Но эти невзгоды и лишенія переносились людьми вообще мужественно и терпѣливо, хотя и должны были, конечно, отразиться на увеличеніи процента заболѣвавшихъ въ полку.

Между тѣмъ, непріятель, обрывшись траншеями и построивъ множество батарей по склонамъ Агры-дага, сталъ дѣятельно разработывать спуски въ долину р. Аракса, имѣя видимое намѣреніе занять каравансарайскую дорогу и захватить селенія Халфалю и Хошхабаръ, составлявшія передовыя пункты нашей позиціи у сел. Игдырь.

Соотвѣтственно этимъ послѣднимъ дѣйствіямъ турокъ, 2-го сентября послѣдовало распоряженіе, оставивъ 3-й баталіонъ кубинцевъ, съ небольшимъ числомъ казаковъ (двѣ сотни), на абасъ-гельскомъ перевалѣ, перейти остальнымъ частямъ гулюджинскаго лагеря, за исключеніемъ дербентскаго полка, на позицію у сел. Чарухчи, къ которому, какъ уже было замѣчено выше, выходитъ, такъ называемая, каравансарайская дорога.

3-го числа того же мѣсяца три баталіона кубинцевъ, вмѣстѣ съ прочими частями гулюджинскаго лагеря, перешли на позицію у сел. Чарухчи, гдѣ, расположившись лагеремъ, составили правую колонну эриванскаго отряда, поступившую подъ начальство генералъ-маіора Броневскаго.

Селеніе Чарухчи, населенное персіянами, находится въ долинѣ р. Аракса и представляетъ собою отдѣльный зеленый оазисъ, видъ и форму которыхъ имѣютъ вообще всѣ населенныя мѣста въ описываемой мѣстности. Засѣянное кругомъ хлопчатникомъ и сарачинскою крупою, селеніе это страдаетъ отсутствіемъ хорошей воды для питья, такъ какъ система капаловъ, по которымъ воды Аракса орошаютъ населенныя мѣста этой части сурмалинскаго уѣзда, находится въ такомъ первобытномъ видѣ и содержится такъ небрежно, что вода, протекающая по нимъ во время лѣта, скорѣе походитъ на жидкую грязь.

Составляя вслѣдствіе этого большое неудобство для нашего

лагеря, относительно гигіническихъ условій, сел. Чарухчи все таки походило на садъ, въ тѣни котораго солдаты наши находили прохладу и отдыхъ въ знойные дни, которыми такъ богата эта мѣстность, даже въ осеннее время года.

Какъ разъ передъ фронтомъ чарухчинскаго лагеря, верстахъ въ 8-ми по прямому направленію, начинается подъемъ на отроги хребта Агры-дагъ, на самомъ перевалѣ котораго, вблизи нашей государственной границы, находится курдское сел. Зоръ, отъ котораго, какъ объ этомъ было упомянуто, вышеназванный перевалъ и получилъ свое названіе. Окруженное съ трехъ сторонъ горами въ видѣ подковы, съ двумя конусообразными вершинами на концахъ, образующихъ, какъ-бы, природныя ворота, черезъ которыя нужно пройти для того, чтобы завладѣть селеніемъ Зоръ, оно положительно имѣло видъ полнѣйшей неприступности. Благодаря, вѣроятно, такой природной крѣпости описываемаго мѣста, турки и выбрали его центромъ своего расположенія на Агры-дагѣ. Затѣмъ, вправо, къ чингильскимъ горамъ, и влѣво, къ каравансарайскому перевалу, широко раскинулся ихъ огромный лагерь, какъ-бы имѣя въ виду произвести своими размѣрами подавляющее впечатлѣніе на нашъ миніатюрный отрядъ, расположенный двумя отдѣльными колоннами (у сс. Игдырь и Чарухчи), въ очень ограниченномъ числѣ палатокъ.

Таково было расположеніе обоихъ противниковъ въ описываемое время.

Безпрестанно занятые земляными работами, турки вскорѣ устроили множество батарей на всѣхъ уступахъ Агры-дага и, наконецъ, вынесли ихъ настолько далеко впередъ, что часть сел. Хошхабаръ и все селеніе Халфалю, составляющія передовые пункты нашего расположенія, очутились въ сферѣ ихъ артилерійскаго огня. Турки могли стрѣлять по насъ изъ своихъ дальнобойныхъ орудій безнаказанно, такъ какъ наши отвѣтные снаряды не долетали по назначенію.

Дѣятельность полка въ это время, также какъ и остальныхъ частей чарухчинскаго лагеря, заключалась въ слѣдующемъ: сначала,

до занятія селенія Хошхабаръ дербентскимъ полкомъ (*), нашъ полкъ побаталіонно выходилъ въ качествѣ дежурной части въ вышеназванное селеніе, гдѣ и находился цѣлыя сутки. Кромѣ того, въ это же самое время онъ исполнялъ аванпостную службу, охраняя свое лагерное расположеніе.

Тихо и монотонно, не разнообразясь ничѣмъ сколько нибудь выдающимся, шло описываемое время. Турки, не предпринимая ничего рѣшительнаго противъ насъ, сидѣли на высотахъ Агрыдага и, подобно Мухтару-пашѣ на Аладжѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ повидимому чего-то выжидали, не рѣшаясь начать наступленіе и спуститься въ долину р. Аракса.

День проходилъ за днемъ, почти, повторяя другъ друга въ подробностяхъ нашего лагернаго времяпрепровожденія. Съ заходомъ солнца, обыкновенно, турки открывали стрѣльбу съ своихъ передовыхъ батарей по нашимъ войскамъ, расположеннымъ въ селеніяхъ Хошхабаръ и Халфалю, не принося намъ никакого вреда. Мы же, попривыкнувъ къ ихъ безцѣльной и безрезультатной стрѣльбѣ, вскорѣ, положительно перестали обращать на нее малѣйшее вниманіе. Игнорируя ихъ упражненіями въ стрѣльбѣ изъ орудій, мы, на досугѣ, не безъ любопытства слѣдили изъ нашего лагеря за этой стрѣльбой и были заняты ея картинностью. И дѣйствительно подъ-часъ было чѣмъ полюбоваться: среди тишины догорающаго дня, вдругъ взовьется въ вечернемъ воздухѣ клубъ сѣраго дыма, и затѣмъ грянетъ выстрѣлъ, огласивъ окрестность давно знакомымъ для насъ звукомъ. Пущенная граната со свистомъ, сверля воздухъ, грузно шлепнется гдѣ-нибудь и, разорвавшись, снова, потрясетъ воздухъ гуломъ выстрѣла. . . . Затѣмъ, какъ-бы убѣдясь въ безполезности своей стрѣльбы, турецкія батареи, наконецъ, постепенно умолкнутъ, и сумерки наступающей ночи спустятся окончательно на землю, среди полнѣйшаго безмолвія.

Санитарное состояніе полка въ это время было слѣдующее: вслѣдствіе разнообразныхъ условій и продолжительныхъ

(*) Который впослѣдствіи поступилъ въ составъ колонны генерала Броневскаго.

нерѣдко чрезвычайно утомительныхъ переходовъ, наконецъ, въ зависимости отъ времени года, болѣзненность въ полку постепенно увеличивалась. Когда же полкъ поступилъ въ составъ эриванскаго отряда и расположился въ долинѣ р. Аракса, между плантаціями хлопчатника, цифра заболѣвавшихъ возросла значительно. Преобладающею формою болѣзни въ это время была перемежающаяся лихорадка. Цифра больныхъ полка, въ описываемое время равнялась 91 человѣкамъ (*).

Что касается до продовольствія полка провіантомъ, то оно, въ этотъ періодъ времени, ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ описаннаго нами въ предшествующихъ главахъ. Полкъ, по прежнему, своевременно снабжался сухарями изъ продовольственныхъ складовъ—александропольскаго и эриванскаго отрядовъ, и былъ въ этомъ отношеніи обезпеченъ совершенно отъ всякой нужды.

Приварочное довольствіе полка было также вполнѣ удовлетворительно: близость къ отряду торговыхъ рынковъ сначала города Александрополя, а затѣмъ Эривани, давала возможность законтрактованнымъ маркитантамъ имѣть нужные предметы потребленія въ достаточномъ количествѣ и надлежащаго качества. Что же касается до главнаго продукта потребленія—мяса, то оно, благодаря изобилію рогатаго скота въ предѣлахъ эриванской губерніи и карскаго санджака, гдѣ оперировали въ это время наши войска, отвѣчало также условіямъ доброкачественнаго и питательнаго продукта.

(*) Мѣсячные отчеты за 1877-й годъ.

ГЛАВА VI.

Попытки турокъ атаковать селенія Халфалю и Хошхабаръ.—Четырехъ-часовое дѣло 8-го сентября съ непріятелемъ, пытавшимся занять каравансарайскую дорогу и перерѣзать путь между нашими главными силами и сел. Гулюджа, гдѣ была расположена часть отряда.—Занятіе частями войскъ нашего лагеря возвышенности, находящейся на правомъ флангѣ нашего расположенія, близъ сел. Чарухчи.—Двѣнадцати-часовое дѣло съ турками 15-го сентября.—Полкъ впервые отличается.—Полковой пріемный покой; отдѣленіе летучаго отряда московскаго общества «Краснаго Креста», наши раненые и убитые.

Убѣдившись, повидимому, въ томъ, что русскія войска не имѣютъ никакого намѣренія атаковывать турокъ, въ ихъ недоступныхъ и сильно-укрѣпленныхъ позиціяхъ на вершинѣ Агры-дага, Измаилъ-паша рѣшился самъ угрожать нападеніемъ на нашъ отрядъ. Съ этою послѣднею цѣлью, начиная съ первыхъ чиселъ сентября мѣсяца, турки почти ежедневно обнаруживали попытки атаковать передовые пункты нашего расположенія, а именно—селенія Халфалю и Хошхабаръ.

8-го числа этого мѣсяца, часовъ въ 11-ть утра, непріятельская кавалерія, пользуясь оврагами, стала, незамѣтно, спускаться противъ лѣваго фланга сел. Халфалю и завязала перестрѣлку съ нашими казачьими пикетами и пѣхотными аванпостами. Въ обоихъ нашихъ лагеряхъ—у сс. Игдырь и Чарухчи—ударили тревогу. Къ селеніямъ Халфалю и Хошхабаръ были посланы подкрѣпленія, по которымъ турецкія батареи и открыли огонь. Въ этотъ день въ сел. Хошхабаръ, въ качествѣ дежурной части, находился 2-й баталіонъ кубинцевъ. Вмѣстѣ съ началомъ упомянутой перестрѣлки, къ первому баталіону кубинцевъ, подоспѣли изъ лагеря 1-й и 4-й баталіоны; 3-й баталіонъ, этого-же полка, находился въ это время въ составѣ колонны генерала Келбали-Хана-Нахичеванскаго и былъ расположенъ у сел. Пирали, близъ м. Кульпъ.

Замѣтивъ движеніе нашихъ подкрѣпленій, непріятель, въ свою очередь, двинулъ нѣсколько своихъ баталіоновъ по направленію къ каравансарайскому перевалу, подъ прикрытіемъ учащеннаго огня изъ всѣхъ батарей. Къ 2-мъ часамъ пополудни, перестрѣлка

приняла серьезный характеръ, въ особенности на правомъ флангѣ нашего расположенія, а именно въ раіонѣ колонны генерала Броневскаго. Турки ясно обнаружили здѣсь свое намѣреніе перерѣзать путь между нашими главными силами и селеніемъ Гулюджа, гдѣ, какъ извѣстно, была расположена часть нашего отряда. Съ этою послѣднею цѣлью, они заняли, ближайшую къ нашему чарухчинскому лагерю, возвышенность и устроили тамъ батарею. Съ этого момента, спускъ по каравансарайской дорогѣ, къ сторонѣ долины рѣки Аракса, фактически переходилъ въ руки непріятеля, а большая часть лагеря генерала Броневскаго, расположеннаго близь сел. Чарухчи, попадала въ сферу непріятельскаго артилерійскаго огня съ только-что построенной турками батареи. Результаты наступательнаго движенія турокъ въ этотъ день были, такимъ образомъ, для насъ въ высшей степени серьезны. Чтобы разстроить планъ непріятеля и заставить его очистить занятую возвышенность, къ сторонѣ каравансарайскаго перевала были двинуты три баталіона бакинскаго полка. Не смотря на упорство турокъ, не щадившихъ ни снарядовъ, ни ружейныхъ патроновъ, не смотря на то, что бакинцамъ приходилось наступать по каменистой и сильно пересѣченной мѣстности—они съ честью исполнили возложенное на нихъ порученіе: непріятель, въ концѣ концовъ, долженъ былъ очистить занятую имъ позицію и отступить въ свой лагерь, преслѣдуемый энергическимъ огнемъ нашей артилеріи (*).

Между тѣмъ, пока совершалось все вышеописанное, турки продолжали демонстрировать противъ селеній Халфалю и Хошхабаръ, лежавшихъ въ центрѣ нашего расположенія, желая, вѣроятно, этими дѣйствіями оттянуть наши силы отъ праваго фланга чарухчинскаго лагеря, обойти который и было ихъ главнымъ желаніемъ.

Западные склоны Агры-дага, у подножья которыхъ находятся вышеупомянутыя селенія, оканчиваются сильно пересѣченною мѣстностью, представляющею мѣстами довольно глубокіе овраги. Пользуясь этими оврагами, непріятельская кавалерія, спѣшившись,

(*) Командиръ бакинскаго полка, полковникъ Ивановъ, былъ въ этотъ день раненъ.

незамѣтно успѣла занять ближайшія къ сел. Хошхабаръ возвышенности цѣпью стрѣлковъ, въ тоже время главную массу своихъ силъ, вмѣстѣ съ лошадьми, сосредоточивъ въ поперечныхъ долинахъ, образуемыхъ вышеупомянутыми возвышенностями. Три баталіона кубинцевъ, занимавшихъ въ этотъ день сел. Хошхабаръ, оставивъ въ резервѣ 1-й баталіонъ, были немедленно расположены для отраженія непріятеля слѣдующимъ образомъ: выдвинувшись передъ вышеназванное селеніе и завязавъ оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ, 2-й баталіонъ (подполковникъ Бѣляевъ) занялъ лѣвый, а 4-й баталіонъ (маіоръ Абеловъ) правый фланги нашего боеваго расположенія у сел. Хошхабаръ, 8-я (штабсъ-капитанъ Векиловъ) и 15-я (штабсъ-капитанъ Ассѣевъ) роты были разсыпаны въ цѣпь. Осыпаемые гранатами съ турецкихъ батарей и обмѣниваясь ружейными выстрѣлами, кубинцы однако не имѣли въ этотъ день въ рядахъ своихъ урона. Что же касается до дѣйствія ихъ по непріятелю, то въ этомъ отношеніи особенно выдѣлилась 8-я рота; удачно занявъ гребень возвышенности, она впродолженіи трехъ часовъ обстрѣливала, продольнымъ огнемъ, лежащій передъ нею оврагъ, въ которомъ, въ скученной массѣ, находился непріятель. Дѣйствительность и губительность огня стрѣлковъ 8-й роты по непріятелю была столь велика, что турки въ полномъ смятеніи и съ сильной потерей въ людяхъ, принуждены были быстро отступить въ горы. Часамъ къ 5-ти вечера, перестрѣлка съ непріятелемъ совершенно умолкла, и войска возвратились въ свой лагерь.

На другой день послѣ описаннаго дѣла, начальникъ отряда, генералъ Тергукасовъ, объѣзжая чарухчинскій лагерь, лично благодарилъ полкъ, за „вчерашній день“, а въ 8-ю роту, какъ въ особенности отличившуюся, выдалъ два знака отличія военнаго ордена 4-й степени, для награжденія ими достойнѣйшихъ (*). Впослѣдствіи, въ полкъ было прислано, за дѣло 8-го сентября, еще 12-ть знаковъ отличія военнаго ордена 4-й степени (**). Изъ личнаго состава офицеровъ полка за вышеописанное дѣло получили награды: штабсъ-капитаны Ассѣевъ и Марченко ордена св.

(*) Приказъ по полку 1877-го года № 218.

(**) Приказъ по полку 1878-го года № 221.

Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручикъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ и прапорщикъ Кругловъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ (*).

Какъ уже было сказано выше, турки, желая отрѣзать путь между нашими главными силами и лагеремъ близъ сел. Гулюджа, успѣли занять ближайшую возвышенность по каравансарайской дорогѣ, съ которой и могли обстрѣливать изъ своихъ орудій часть нашего чарухчинскаго лагеря, въ которомъ была расположена колонна генерала Броневскаго.

Эта попытка со стороны непріятеля, хотя и отраженная нами, имѣла для насъ тотъ практическій результатъ, что указала важное тактическое значеніе нѣкоторыхъ пунктовъ нашей позиціи, на которые до этихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. И вотъ, уже начиная съ 8-го сентября, мы стали самымъ тщательнымъ образомъ оберегать, день и ночь, дежурными частями отъ войскъ чарухчинскаго лагеря, возвышенности, по которымъ идетъ каравансарайская дорога къ правому флангу нашего лагеря и которыя перешли было къ туркамъ. Словомъ сказать, для насъ, вслѣдъ за вышеупомянутымъ дѣломъ, создалась своя Кизилъ-тапа, которую мы и охраняли.

Ежедневный составъ и сила дежурной части, предназначаемой для охраны только-что описанной возвышенности, были слѣдующіе: днемъ туда высылались двѣ роты пѣхоты при двухъ орудіяхъ и сотня казаковъ, на ночь отрядъ этотъ увеличивался до баталіона пѣхоты съ 4-мя орудіями и съ 2-мя сотнями казаковъ. Аванпостная служба и кавалерійскіе разъѣзды какъ вокругъ лагеря, такъ и вблизи занятой нами передовой позиціи на каравансарайской дорогѣ, были отправляемы въ это время войсками самымъ тщательнымъ образомъ. Возможность новой попытки турокъ перейти въ наступленіе, и постараться возвратить себѣ нами отбитую у нихъ 8-го сентября позицію—была вполнѣ вѣроятна, а потому, помня печальный урокъ, данный непріятелемъ войскамъ нашихъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, 13-го авгу-

(*) Приказъ по кавказскому военному округу 1878-го года № 400.

ста на Кизилъ-танѣ, мы напрягали всѣ свои усилія при отбываніи трудной охранительной службы.

Такъ шло время до 15-го сентября.

Съ 14-го на 15-е сентября въ ночь, во время которой дулъ сильный порывистый вѣтеръ, казачьими пикетами и разъѣздами нашими были замѣчены въ ближайшихъ къ намъ пунктахъ непріятельской позиціи, и въ особенности противъ лагернаго расположенія войскъ правой колонны генерала Броневскаго, къ сторонѣ каравансарайской дороги, усиленныя работы по возведенію и постройкѣ непріятелемъ земляныхъ валовъ и другихъ поспѣшныхъ полевыхъ укрѣпленій, преобладающимъ типомъ которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, были сплошные завалы, расположенные въ нѣсколько паралелей и воздвигнутые исключительно изъ камня, во множествѣ разбросаннаго по скатамъ Агры-дага. Постройки эти были воздвигнуты непріятелемъ въ столь близкомъ отъ насъ разстояніи и совершались съ такою лихорадочною поспѣшностью, что въ важности ихъ, для предстоявшихъ наступательныхъ дѣйствій корпуса Измаила-паши и въ рѣшительномъ намѣреніи этого послѣдняго атаковать отрядъ генерала Броневскаго, нельзя было болѣе сомнѣваться. По этому, немедленно по обнаруженіи угрожающихъ приготовленій непріятеля, генераломъ Броневскимъ были приняты предварительныя мѣры къ отраженію нечаяннаго ночнаго нападенія со стороны турокъ, для чего и усилены были какъ цѣпь аванпостовъ, часть которыхъ была и отъ кубинцевъ, такъ равно кавалерійскіе пикеты и разъѣзды. Нельзя не замѣтить здѣсь, что, не взирая на серьезную и очевидную опасность, люди не были обезпокоены въ лагерѣ разнаго рода распоряженіями и приказаніями: ни одинъ офицеръ и ни одинъ солдатъ въ полку, изъ бывшихъ свободными отъ службы, не знали въ эту ночь ровно ничего о томъ, что должно было совершиться раннимъ утромъ 15-го сентября. И это обстоятельство, конечно, немало способствовало той бодрости и свѣжести духа, съ какою полкъ вступилъ въ этотъ день въ бой, давшій возможность кубинцамъ проявить свои боевыя качества, съ наиболѣе желательной и лучшей стороны.

Въ 6-ть часовъ утра, 15-го сентября, адъютантъ 2-го бата-

ліона кубинцевъ, бывшаго въ это самое время въ качествѣ дежурной части на передовой позиціи по каравансарайской дорогѣ, подпоручикъ Кузнецовъ 2-й, прискакалъ съ донесеніемъ къ командиру полка, полковнику Кабенину, о томъ, что непріятельская цѣпь завязала уже перестрѣлку съ казачьими пикетами и, что начальникъ дежурной части на передовой нашей позиціи, подполковникъ Бѣляевъ, сдѣлавъ соотвѣтствующія случаю распоряженія, ожидаетъ дальнѣйшихъ указаній со стороны полкового командира. Полковникъ Кабенинъ, предупрежденный о намѣреніи непріятеля еще наканунѣ этого дня и зрѣло обсудившій первоначальный планъ своихъ дѣйствій, на основаніи данныхъ ему генераломъ Броневскимъ инструкцій, спокойно выслушалъ и отпустилъ адъютанта, послѣ чего приказалъ немедленно баталіонамъ, находящимся въ лагерѣ, выйти въ ружье и самъ, во главѣ ихъ направился къ сторонѣ каравансарайской дороги.

Позиція, занятая въ этотъ день турками на каравансарайской дорогѣ, имѣла всѣ особенности рѣзко пересѣченной мѣстности, представлявшей нашему непріятелю большія выгоды какъ для оборонительнаго, такъ равно и наступательнаго боя. Командуя мѣстностью, на которой наши войска должны были развернуться и перестроиться въ боевой порядокъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же вступить въ бой, позиція эта предоставляла туркамъ всѣ шансы для того, чтобы поражать насъ довольно продолжительное время, почти безнаказанно, какъ артилерійскимъ, такъ и ружейнымъ огнемъ. Такимъ образомъ, полку нашему приходилось, съ одной стороны, отразить непріятеля и помѣшать исполненію задуманнаго имъ плана, а съ другой—преодолѣть всѣ преграды, представляемыя природными свойствами непріятельской позиціи. Обѣ эти задачи были не легки еще и потому, что турки превосходили насъ численностью: на сторонѣ ихъ было 12-ть баталіоновъ пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ артилеріи и кавалеріи, тогда какъ мы, съ самаго начала дѣла, могли располагать только тремя баталіонами пѣхоты (1-й, 2-й и 4-й баталіоны кубинскаго полка) и одной полубатареей 38-й артилерійской бригады (*).

(*) 2-й батареи 38-й артилерійской бригады. (Офиціально).

Ред.

Очевидная несоразмѣрность силъ обѣихъ сторонъ и блестящій успѣхъ, достигнутый нами въ дѣлѣ 15-го сентября, благодаря энергической распорядительности и боевой опытности, бывшаго въ то время командиромъ кубинскаго полка, полковника Кабенина, представляютъ, еще лишній разъ, лучшее доказательство тому, что русскій солдатъ, обладая отъ природы большимъ запасомъ смѣлости и силою воли, можетъ проявить чудеса храбрости, если только имъ руководитъ личность, знающая свое дѣло и заслужившая въ глазахъ подчиненныхъ авторитетность, своимъ боевымъ прошлымъ.

Подоспѣвъ съ 2-мя баталіонами (1-мъ и 4-мъ) къ передовой нашей позиціи и присоединившись къ 2-му баталіону своего полка, бывшему, какъ объ этомъ уже было сказано выше, на этой позиціи въ качествѣ дежурной части, въ ночь съ 14-го на 15-е число, командиръ полка, полковникъ Кабенинъ, отдѣлилъ одну полуроту 5-й роты (капитанъ Наумовъ) въ прикрытіе 4-хъ орудій 2-й батареи 38-й артилерійской бригады, находившихся на передовой позиціи, и затѣмъ, собравъ, всѣхъ баталіонныхъ командировъ, не теряя ни минуты времени, отдалъ имъ слѣдующія распоряженія: такъ какъ турки, занявъ плато впереди нашей передовой позиціи, намѣревались возвести на немъ укрѣпленія для того, чтобы заставить насъ отступить къ сел. Чарухчи, съ занятаго нами передоваго пункта на каравансарайской дорогѣ, то рѣшено было самимъ перейти въ наступленіе и выбить непріятеля изъ его позиціи. Соотвѣтственно этой цѣли: 1-й баталіонъ, съ подполковникомъ Мдивани во главѣ, долженъ былъ, пройдя одну изъ балокъ которыми изобилуетъ эта мѣстность, занять съ бою лѣвую окраину непріятельской позиціи и предупредить возможный обходъ, со стороны турокъ, нашего праваго фланга, что могло быть легко исполнено послѣдними, благодаря пересѣченной мѣстности, затѣмъ, три съ половиною роты 2-го баталіона (подполковникъ Бѣляевъ) должны были безостановочно наступать на центръ густой турецкой цѣпи, не упуская изъ виду движенія 1-го баталіона, который въ данномъ случаѣ игралъ роль направляющей части. Что же касается 4-го баталіона (маіоръ Абеловъ), то этотъ по-

слѣдній былъ направленъ противъ праваго фланга турецкихъ силъ и долженъ былъ, учащеннымъ и сильнымъ огнемъ, сбить выдвинувшуюся впередъ непріятельскую цѣпь и, такимъ образомъ, дать ротамъ 2-го баталіона возможность выйти изъ глубокаго оврага, черезъ который приходилось переходить ему, буквально подъ градомъ турецкихъ пуль. Бой начался около 8-ми часовъ утра. Первая атака, поведенная тремя баталіонами кубинцевъ, одновременно, противъ окраинъ плато занятаго турками, была чрезвычайно удачно поддержана огнемъ 4-хъ орудій, поставленныхъ еще наканунѣ т. е. 14-го сентября на передовой нашей позиціи, и, притомъ, расположенныхъ скрыто отъ непріятеля. Двѣ—три гранаты, упавшія въ цѣпи непріятеля, и дружный одновременный натискъ нашихъ ротъ привели къ тому, что турки, не смотря на все свое упорство, должны были очистить первый рядъ завалова и отступить къ заднимъ, понеся при этомъ немалый уронъ въ людяхъ и, оставивъ на мѣстѣ боя, убитыми двухъ офицеровъ.

Этотъ первый успѣхъ имѣлъ благотворное вліяніе на нравственное состояніе духа какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Люди, отставшіе и оставленные въ лагерѣ по разнымъ причинамъ, но подоспѣвшіе къ этому времени въ бой, съ радостью спѣшили присоединиться къ товарищамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними раздѣлить славу первой побѣды, одерживаемой полкомъ, на полѣ брани. Какъ примѣръ подобнаго настроенія солдатъ, можно привести здѣсь слѣдующій короткій, но трогательный эпизодъ этого дѣла. Полковой адъютантъ, подпоручикъ Ахшарумовъ, возвращаясь къ цѣпи нашихъ стрѣлковъ, послѣ передачи приказанія полковника Кабенина о томъ, чтобы полубатарея наша открыла огонь, спустился въ одну изъ балокъ, осыпаемую непріятельскими пулями; здѣсь онъ встрѣтилъ каптенармуса 4-й роты, унтеръ-офицера Морозова, озабоченно и поспѣшно идущаго къ своей ротѣ. На вопросъ адъютанта—почему онъ отсталъ?—Морозовъ, не безъ гордости отвѣчалъ:

—Ротный оставилъ, ваше благородіе, отчетность по провіантскому довольствію велѣлъ приготовить, да я не вытерпѣлъ—пошелъ къ ротѣ. . . Совѣстно стало: что скажутъ товарищи?. . .

Но узнать о томъ, что будетъ говорить о немъ общественное мнѣніе его среды, которымъ, повидимому, такъ дорожилъ Морозовъ—ему не было суждено. Шальная турецкая пуля поразила его наповалъ, тутъ-же въ балкѣ... Несчастный Морозовъ грузно упалъ ницъ и быстро покатился внизъ по косогору.... Царствіе небесное тебѣ, храбрый и безвѣстный воинъ!...

И такъ, утвердившись въ завалахъ, покинутыхъ турками, направивъ сильный и сосредоточенный огонь противъ втораго ряда непріятельскихъ траншей, кубинцы перешли снова въ наступленіе, причемъ центръ и лѣвый флангъ боеваго расположенія полка (2-й и 4-й баталіоны), выбивъ турокъ изъ новыхъ заваловъ, должны были, по приказанію полковника Кабенина, остановиться и выждать, пока 1-й баталіонъ выйдетъ изъ глубокой балки, которая пересѣкала ему дорогу и дѣлала невозможнымъ, одновременное съ остальными баталіонами полка, движеніе впередъ.

Такъ какъ всякая, болѣе или менѣе продолжительная, остановка могла парализовать возбужденное состояніе духа людей, разгоряченныхъ первымъ серьезнымъ боемъ, и такъ какъ остановка эта, кромѣ того, могла дать возможность непріятелю опомниться и привести въ порядокъ свои разстроенные баталіоны, ошеломленные стремительностью нашего натиска, то полковникъ Кабенинъ и поспѣшилъ послать съ приказаніемъ къ командиру 1-го баталіона—возможно скорѣе выдвинуться изъ оврага и затѣмъ, послѣ короткаго отдыха, наступать сообразуясь съ движеніями ротъ 2-го баталіона и не упуская изъ виду возможности обхода непріятелемъ, нашего праваго фланга. Полковникъ Кабенинъ, сознавая важность своевременнаго исполненія только-что отданнаго имъ приказанія, сначала послалъ своего полкового адъютанта еще разъ подтвердить послѣднее, а затѣмъ и самъ прискакалъ къ баталіону, съ которымъ и вышелъ изъ оврага.

Подполковникъ Мдивани, сильно контуженный въ животъ двумя пулями, еще до пріѣзда полковника Кабенина, не смотря на мучительную боль, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, продолжалъ оставаться на своемъ посту баталіоннаго командира и, по выходѣ баталіона изъ оврага, съ тѣмъ-же хладнокровіемъ распредѣлилъ свои роты для боя.

Когда 1-й баталіонъ выдвинулся изъ оврага, то вскорѣ кубинцы заняли и второй рядъ заваловъ непріятеля, и турки отброшены назадъ, съ значительнымъ урономъ.

Въ это время, къ намъ подоспѣли изъ лагеря: дивизіонъ 2-ой батареи 38-й и 4-я батарея 19-й артилерійскихъ бригадъ (подполковникъ Колодѣевъ и полковникъ Парчевскій), и, несмотря на невыгоду своего положенія, подъ градомъ пуль непріятельскихъ стрѣлковъ и сильнымъ огнемъ изъ турецкихъ орудій, дабы поддержать подготовляемый турками обходъ нашего праваго фланга, стали удачно поражать шрапнелью колонны непріятеля, спѣшившаго на присоединеніе къ лѣвому флангу своего расположенія.

Протяженіе позиціи, которая переходила къ намъ съ занятіемъ втораго ряда турецкихъ заваловъ, было столь велико, что становилось несоразмѣрною съ числительностью нашихъ силъ. Опасаясь разбросаться и не имѣя еще никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ скоро подоспѣютъ резервы изъ другихъ частей колонны генерала Броневскаго, полковникъ Кабенинъ пріостановилъ наступленіе своихъ баталіоновъ. Къ этому рѣшенію командиръ полка пришелъ еще и потому, что, съ перемѣщеніемъ 1-го баталіона на нѣкоторое разстояніе впередъ, обходъ послѣдняго, со стороны спѣшившейся кавалеріи непріятеля, дѣлался неминуемымъ.

Ославъ донесеніе къ генералу Броневскому о томъ, что положеніе его становится крайне затруднительнымъ, въ виду ежеминутно прибывающихъ подкрѣпленій къ непріятелю, готовящемуся, во чтобы-то нистало, обойти нашъ правый флангъ, полковникъ Кабенинъ вмѣстѣ съ этимъ отдалъ приказаніе: 4-му баталіону, находящемуся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, атаковать, впереди лежащіе непріятельскіе завалы. Вскорѣ, и эти завалы были заняты нами. Убѣдясь, вслѣдъ затѣмъ, что въ лощинѣ, идущей вблизи нашего лѣваго фланга, появились части дербентскаго полка, подошедшія изъ сел. Хошхабаръ, а на правый флангъ, которому турки угрожали обходомъ, прискакала казачья сотня съ эскадрономъ переяславскаго драгунскаго полка, полковникъ Кабенинъ приказалъ кубинцамъ снова начать наступленіе, такъ какъ фланги отбитой нами у непріятеля позиціи, были теперь вполнѣ обезпечены

прибытіемъ только-что названныхъ частей войскъ эриванскаго отряда.

Ободренные успѣхомъ и увлекаясь пыломъ перваго серьезнаго боя съ непріятелемъ, кубинцы, неудержимо двигались впередъ, атаковывая завалъ за заваломъ и нанося при этомъ непріятелю громадный уронъ, мѣткимъ огнемъ своихъ берданокъ. Это ружье сослужило, въ день 15-го сентября, хорошую службу эриванскому отряду, пѣхотныя части котораго, до поступленія въ его составъ трехъ полковъ 39-й пѣхотной дивизіи, были вооружены ружьями Карля. Непріятель сразу почувствовалъ, что ему нельзя безнаказанно пользоваться дальнобойностью своего ружья и что появленіе въ рядахъ русскаго войска оружія, не уступающаго по своему достоинству ружьямъ Пибоди и Уинчестера, отразилось въ его рядахъ громадной цифрой урона въ людяхъ.

Ошеломленные стремительностью натиска и разстроенные мѣткимъ огнемъ нашимъ, турки стали быстро отступать, послѣдовательно передавъ въ руки наши 13-ть своихъ заваловъ. Казалось, что наступилъ моментъ какого-то паническаго ужаса, охватившаго ряды непріятеля, но это начавшееся смятеніе турокъ было пріостановлено вовремя подоспѣвшими къ нимъ и вступившими въ бой, свѣжими подкрѣпленіями. Какъ оказалось впослѣдствіи, когда пришлось увидѣть трупы убитыхъ въ этомъ дѣлѣ турокъ, подкрѣпленія эти состояли главнымъ образомъ изъ арабистанцевъ, отличавшихся, какъ извѣстно, особенною храбростью. Укрѣпившись на возвышенности, находившейся какъ-разъ противъ нашего центра, они открыли самый убійственный огонь, очевидно желая этимъ парализовать наше дальнѣйшее наступленіе. Но и эта отчаянная попытка непріятеля не остановила однако геройскаго наступленія кубинцевъ; руководимые подпоручикомъ княземъ Аваловымъ и прапорщикомъ Навозовымъ, наши охотники и люди рота 1-го и 2-го баталіоновъ, находившіеся въ цѣпи, смѣлымъ до самозабвенія натискомъ, сбили турокъ и съ послѣдней позиціи, немедленно занятой кубинцами.

Было около 12-ти часовъ дня. Утомленные непрерывнымъ боемъ и томимые жаждою, кубинцы пріостановили наступленіе. Убыль наша въ людяхъ была, къ тому времени, уже значительна. Эти обстоятельства

заставили полковника Кабепина распорядиться о томъ, чтобы баталіоны его полка, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, сохранили отбитые у непріятеля пункты и повозможности, терпѣли меньше отъ турецкаго огня. Съ этою цѣлью, онъ лично рѣшился объѣхать передовую линію нашего расположенія и непосредственно сдѣлалъ нужныя указанія, не обращая вниманія на страшный огонь, изъ непріятельской цѣпи.

Здѣсь не безъинтересно будетъ остановиться на одномъ изъ эпизодовъ описываемаго боя, фактѣ который очень рельефно характеризуетъ веселое настроеніе солдатъ, среди такихъ страшныхъ минутъ, когда смерть и разрушеніе, казалось, способны были леденить кровь въ жилахъ каждаго человѣка.

Въ моментъ нѣкотораго затишья и пріостановки нашего наступленія, передъ самой линіей цѣпи, вдругъ, выскочилъ заяцъ. Солдаты начали со смѣхомъ стрѣлять по бѣгущему животному и, видимо, забавлялись его пугливыми и быстрыми прыжками въ разныя стороны. Заяцъ вскорѣ былъ къ общему удовольствію убитъ, а на замѣчаніе одного изъ офицеровъ, что не время и не мѣсто заниматься охотою, одинъ изъ солдатъ весело отвѣчалъ:

—Ваше благородіе! Что турки, что заяцъ—все равно!

Не обошлось и безъ эпизодовъ комическаго свойства.

Самый вѣрный другъ и неизмѣнный товарищъ солдата въ походѣ и на бивуакѣ—это собака. Эти животныя, почти за всѣми частями слѣдовали съ ротными кухнями и, съ удивительнымъ пониманіемъ, умѣли отличать солдатъ своей роты отъ чужихъ. Въ день 15-го сентября, проголодавшись около кухонь въ ожиданіи прихода къ обѣду солдатъ, ротные псы отправились розыскивать своихъ хозяевъ и, такимъ образомъ, явились на мѣсто боя часамъ къ 12-ти дня. Осыпаемые массою турецкихъ пуль, ротные псы, съ яростью и лаемъ, бросались на падающія возлѣ нихъ пули, причемъ, конечно, нѣкоторые изъ нихъ были убиты и ранены. . . .

Какъ уже было сказано выше, дѣло 15-го сентября завязалось очень рано. Измученные непрерывнымъ боемъ и томимые жаждою, солдаты наши, пользуясь относительнымъ отдыхомъ, приступили къ подкрѣпленію себя пищею. На сцену явился сухарь,

и каждый учавствовавшій въ дѣлѣ, не взирая на окружавшую смерть, спѣшилъ утолить свой голодъ. Здѣсь нельзя пропустить еще одинъ эпизодъ этого дня, достойный вниманія по своему трогательному и въ тоже время высокому значенію. Заброшенный далеко отъ родныхъ, лишенный всѣхъ удобствъ и, подчасъ, неимѣющій возможности удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ, походно-боевой офицеръ нашъ, въ лицѣ своего слуги—деньщика, встрѣчаетъ иногда такую чисто родственную заботливость, которая не останавливается даже и передъ самопожертвованіемъ. Такъ было и въ описываемомъ случаѣ. Бой продолжался не прекращаясь. Смерть летала вокругъ, и уже многіе бойцы закрыли глаза для того, чтобы никогда больше не открывать ихъ, и вдругъ въ это время слѣдующая мирная картина: нѣсколько человѣкъ деньщиковъ, съ узелками и кострюльками, суетливо бѣгаютъ по линіи цѣпи, розыскивая своихъ господъ. Озабоченную фигуру этихъ вѣрныхъ слугъ, казалось, ничто не могло смутить: они вполнѣ были проникнуты сознаніемъ своего долга—явиться и накормить своего барина... Спрашивается: какими условіями найма можно купить такую услугу?... Нѣтъ, для такой привязанности нужно нѣчто другое, что, безъ сомнѣнія, не можетъ быть предметомъ купли и продажи...

Къ полудню, на мѣсто боя, прибылъ, исправляющій должность начальника штаба колонны генерала Броневскаго, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Домантовичъ. Онъ слѣзъ съ лошади, и подойдя къ полковнику Кабепину отъ имени генералъ-маіора Броневскаго, поцѣловалъ его, сказавъ при этомъ, что начальникъ чарухчинскаго лагеря не находитъ словъ для того, чтобы отблагодарить полковника Кабепина за все, совершенное въ этотъ день имъ, и его полкомъ. Вслѣдъ за этимъ штабсъ-капитанъ Домантовичъ сообщилъ, что тылъ кубинцевъ, такъ далеко выдвинувшихся впередъ, обезпеченъ теперь свѣжими и сильными резервами изъ частей ставропольскаго и крымскаго полковъ, только-что прибывшихъ изъ игдырскаго лагеря.

Такъ шло время боя.

Замѣтивъ, что огонь съ бугра, занятаго, какъ уже объ этомъ было говорено выше, подпоручикомъ княземъ Авловымъ и пра-

порщикомъ Навозовымъ, сталъ видимо уменьшаться, полковникъ Кабенинъ послалъ къ нимъ своего адъютанта узнать причину послѣдняго обстоятельства. Оказалось, что у смѣльчаковъ нашихъ вышли почти всѣ патроны, каковые имъ тотчасъ-же и были посланы. Къ этому же времени обнаружилось, что непріятель имѣетъ намѣреніе атаковать нашъ правый флангъ, на которомъ находился 1-й баталіонъ кубинцевъ, имѣвшій во главѣ контуженнаго подполковника Мдивани, который всетаки продолжалъ оставаться въ строю. Были приняты мѣры къ усиленію цѣпи на нашемъ правомъ флангѣ, а для того, чтобы быть готовыми на случай обхода турками нашего 1-го баталіона, полковникъ Кабенинъ приказалъ подпоручику Старцеву, временно-командовавшему 8-ю ротою, занять позицію на нашемъ правомъ флангѣ (*). Занявъ эту позицію, состоявшую изъ нѣсколькихъ бугровъ, господствовавшихъ надъ окружавшею мѣстностью, названная рота стала поражать убійственнымъ огнемъ непріятеля, очутившагося передъ нею какъ на ладони, такъ какъ съ занятыхъ 8-ю ротою упомянутыхъ бугровъ открывался видъ на широкую, ничѣмъ не защищенную, поляну, по которой и происходило усиленное передвиженіе турокъ къ ихъ лѣвому флангу.

Положеніе, принятое теперь ротами 1-го баталіона и присоединившеюся къ нимъ 8-ю ротою, относительно боеваго распоряженія турокъ, было весьма для насъ выгодно: турки потеряли возможность безнаказанно сосредоточиваться противъ нашего праваго фланга, атаковать который они неоднократно намѣревались, впродолженіи описываемаго дѣла.

Къ этому же времени боя относится и слѣдующій эпизодъ: командиръ 4-й роты, штабсъ-капитанъ Микеладзе, находясь съ ротою въ сферѣ страшнаго, со стороны непріятеля, ружейнаго огня, рѣшилъ подвинуться еще впередъ и занять небольшую возвы-

(*) Командиръ 8-й роты штабсъ-капитанъ Векиловъ былъ назначенъ завѣдывающимъ 2-мъ баталіономъ, вмѣсто подполковника Бѣляева, командированнаго указать дорогу для нашей артилеріи. Это послѣднее назначеніе подподполковника Бѣляева было основано на томъ, что штабъ-офицеръ этотъ незадолго до дѣла 15-го сентября произвелъ рекогносцировку мѣстности, сдѣлавшейся впослѣдствіи театромъ описываемаго боя.

шенность, находившуюся немного правѣе расположенія его роты. Къ этому послѣднему рѣшенію его привело убѣжденіе, что съ занятаго пункта онъ лучше будетъ видѣть, спрятавшагося за своими траншеями непріятеля. Съ шестью лучшими стрѣлками своей роты штабсъ-капитанъ Микеладзе, не взирая на градъ пуль, изъ коихъ одна попала въ его шашку и погнула клинокъ, исполнилъ свое намѣреніе. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: взорамъ его и сопровождавшихъ его солдатъ предстала масса турецкой иррегулярной кавалеріи, которая до этой минуты пользовалась вполнѣ скрытымъ расположеніемъ. Открывъ по ней, самымъ неожиданнымъ образомъ мѣткій ружейный огонь, горсть нашихъ смѣльчаковъ произвела въ рядахъ непріятеля сильный переполохъ, благодаря которому они въ паническомъ страхѣ быстро удалились.

Почти одновременно съ только-что разсказаннымъ выше эпизодомъ, была произведена подпоручикомъ княземъ Аваловымъ слѣдующая смѣлая попытка, свидѣтельствовавшая о томъ, въ какомъ нравственномъ возбужденіи находились мы, съ одной стороны, и какъ глубоко было паденіе духа непріятеля—съ другой. Турки стали отступать, покидая въ траншеяхъ занятыхъ ими, множество патронныхъ ящиковъ. Въ это время подпоручикъ князь Аваловъ, во главѣ какого-либо дясятка солдатъ, кидается въ одну изъ покинутыхъ траншей, съ желаніемъ во чтобы-то нистало овладѣть патронами. Попытка эта, правда, не удается, но онъ въ виду подавляющаго превосходства турокъ, безнаказанно возвращается обратно. . .

Итакъ, благодаря вышеописаннымъ обстоятельствамъ, всѣ дальнѣйшія намѣренія турокъ—перейти въ наступленіе и отбить занятыя нами позиціи были парализованы (*).

На другихъ пунктахъ расположенія эриванскаго отряда атака непріятеля въ этотъ день имѣла характеръ демонстраціи, посредствомъ которой онъ желалъ отвлечь наши силы отъ сел. Чарухчи.

Дѣло 15-го сентября на каравансарайской дорогѣ не было

(*) Описаніе этого дѣла составлено подпоручикомъ Ахшарумовымъ и обязательно предоставлено въ наше пользованіе.

Авт.

дѣломъ исключительно однихъ только кубинцевъ, подробное описаніе участія которыхъ въ минувшую войну составляетъ задачу настоящаго труда. Въ этомъ дѣлѣ принимали очень дѣятельное участіе: дербентскій полкъ, дѣйствовавшій на нашемъ лѣвомъ флангѣ, со стороны сел. Хошхабаръ, два эскадрона переяславскаго драгунскаго полка, которые, спѣшившись и поражая непріятеля фланговымъ огнемъ, прикрывали нашъ правый флангъ, затѣмъ, части ставропольскаго и крымскаго полковъ, подоспѣвшія къ двумъ часамъ пополудни на мѣсто боя, изъ игдырскаго лагеря. Заслуга же кубинцевъ, бывшихъ первый разъ въ серьезномъ дѣлѣ, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что они приняли на себя всю тяжесть перваго натиска непріятеля, въ нѣсколько разъ превосходившаго ихъ своею численностью.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился только-что описанный нами бой, еслибы не начала приближаться ночная темнота. При окончательномъ наступленіи ночи, наши войска остановили преслѣдованіе начавшаго отступать непріятеля и, по отданному приказанію возвратились на отдыхъ въ лагерь при сел. Чарухчи, послѣ 12-ти часоваго боя. Два-же баталіона крымскаго и одинъ ставропольскаго полковъ, съ полубатареей и тремя сотнями казаковъ, были оставлены ночевать на позиціи.

Весь уронъ въ дѣлѣ 15-го сентября достигалъ въ отрядѣ цифры 170-ти человѣкъ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ. Раненъ (легко) начальникъ 39-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Девель, и до 12-ти человѣкъ офицеровъ (*).

Что же касается до кубинскаго полка въ частности, то потеря его была слѣдующая: убиты 13-ть нижнихъ чиновъ, ранены: командиръ полка полковникъ Кабенинъ, подпоручикъ Старцевъ, прапорщикъ Ханъ-Гусейновъ (**) и 77-мь нижнихъ чиновъ, кон-

(*) Турецкая кампанія 1877-го—1877-го годовъ», составленная по офиціальнымъ документамъ Н. Сѣдельниковымъ. Томъ II, стр. 181-я.

(**) Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ, засвидѣтельствовавшихъ кровью, свое участіе въ описанномъ дѣлѣ:

Полковникъ Николай Петровичъ Кабенинъ происходилъ изъ дворянъ тифлисской губерніи. Онъ родился въ 1832-мъ году и воспитаніе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда и былъ выпущенъ прапорщикомъ на

тужены: подполковникъ Мдивани, штабсъ-капитанъ Бакрадзе,

службу въ грузинскій линейный № 10-й баталіонъ въ 1849-мъ году. Участвуя съ 1852-го года въ походахъ и почти непрерывныхъ дѣлахъ съ горцами, Николай Петровичъ Кабенинъ съ 15-го октября 1853-го года дѣлается участникомъ войны нашей съ турками, въ періодъ 1853-го—1855-го годовъ. Съ 1857-го года онъ попадаетъ на лезгинскую линію, гдѣ и участвуетъ въ различныхъ походахъ, и дѣлахъ противъ горцевъ, вплоть по 1864-й годъ.

Походно-боевая жизнь Николая Петровича дала возможность этому храброму офицеру почти всѣ свои награды по службѣ, въ этотъ періодъ времени, заслужить исключительно за военныя отличія. Участвуя постоянно въ бояхъ, онъ былъ настолько счастливъ, что остался совершенно цѣлымъ и невредимымъ впродолженіи долгаго своего боеваго поприща. Послѣдняя война наша съ турками была, наоборотъ, роковою для него; въ качествѣ уже командира полка, распоряжаясь, съ беззавѣтнымъ и самоотверженнымъ мужествомъ истаго воина, въ цѣпи своего полка, Николай Петровичъ былъ раненъ въ локоть правой руки въ дѣлѣ 15-го сентября на каравансарайскомъ перевалѣ. Вначалѣ неопасная, повидимому, рана имѣла гибельный для него исходъ, онъ умеръ 30-го октября 1877-го года, въ г. Александрополѣ, и похороненъ на томъ самомъ историческомъ «холмѣ чести», въ землѣ котораго покоятся кости столькихъ славныхъ героевъ, павшихъ во славу русскаго оружія на поляхъ турецкой Арменіи, въ періодъ нашихъ войнъ съ турками, 1853-го—1855-го и 1877-го—1878-го годовъ... Миръ праху твоему, достойный воинъ!...

Сынъ дьякона пермской губерніи, подпоручикъ Иванъ Ивановичъ Старцевъ свое первоначальное воспитаніе получилъ въ екатеринбургскомъ уѣздномъ училищѣ и въ службу вступилъ, въ уральскій горно-заводскій баталіонъ унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся, въ 1868-мъ году. Переведенный вскорѣ затѣмъ на Кавказъ, въ 24-й кавказскій линейный баталіонъ, Старцевъ поступилъ въ тифлисское пѣхотное юнкерское училище, окончивъ курсъ въ которомъ, былъ сначала произведенъ въ портупей-юнкера, а потомъ въ прапорщики въ 155-й пѣхотный кубинскій полкъ, въ 1876-мъ году.

Въ скромной роли младшаго офицера, Старцевъ честно выполнялъ свое назначеніе въ рядахъ храбраго воинства въ минувшую кампанію, и въ первомъ же серьезномъ дѣлѣ запечатлѣлъ своею кровью то беззавѣтное мужество съ которымъ онъ относился къ своему долгу: онъ былъ раненъ въ правый пахъ пулею въ то время, когда во главѣ завѣдываемой имъ роты находился на одномъ изъ передовыхъ пунктовъ нашего боеваго расположенія въ дѣлѣ 15-го сентября, на каравансарайской дорогѣ.

Прапорщикъ Амалатъ-Ханъ-Бекъ Гусейновъ происходитъ изъ дворянъ (бековъ) тифлисской губерніи. Въ службу вступилъ Гусейновъ на правахъ

подпоручикъ Кузнецовъ 1-й и 17-ть нижнихъ чиновъ (*).

За дѣло 15-го сентября, Его Высочествомъ Главнокомандующимъ кавказскою арміей было прислано полку 48-мь знаковъ отличія военнаго ордена 4-й степени (**).

Изъ личнаго состава офицеровъ полка удостоились получить Высочайшія награды слѣдующія лица:

Подполковникъ Мдивани—орденъ св. Станислава 2-й степени съ мечами, маіоръ князь Магаловъ—орденъ св. Анны 2-й степени съ мечами, капитанъ Векиловъ—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, для нехристіанъ установленный, штабсъ-капитаны: Микеладзе, Бакрадзе слѣдующіе чины, Бегіевъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, поручики: Проценко—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, Ананьевъ, Жуковъ, Лешковъ ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, Кузнецовъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручики: Гангебловъ—орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, князь Аргутинскій-Долгоруковъ—орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», Карганов, Ахшарумовъ, Кузнецовъ 2-й и Старцевъ ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики: Десницкій—тоже, Лисичкинъ, Навозовъ, Боровскій ордена св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», Ханъ-

---

* унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся 3-го разряда въ 155-й пѣхотный кубинскій полкъ, въ 1871-мъ году. Окончивъ курсъ въ тифлисскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ, онъ былъ сначала переименованъ въ портупей-юнкера, а вслѣдъ за этимъ произведенъ въ прапорщики, въ декабрѣ 1876-го года. Начало прошлой войны, такимъ образомъ, застало прапорщика Гусейнова на первыхъ шагахъ его службы и въ очень молодомъ возрастѣ. Тѣмъ не менѣе, будучи только-что произведеннымъ въ прапорщики, Гусейновъ обнаруживалъ прекрасныя качества полезнаго и энергичнаго офицера. Вскорѣ онъ былъ назначенъ полковымъ жалонернымъ офицеромъ и, въ дѣлѣ 15-го сентября, раненъ пулею въ шею. Послѣдствія полученной имъ раны отозвались настолько разрушительно на его здоровьи, что дальнѣйшая служба, въ полевыхъ войскахъ, сдѣлалась для него невозможной, и онъ принужденъ былъ перейти во 2-й тифлисскій мѣстный полкъ.

Авт.

(*) Приказъ по полку 1877-го года, № 224.

(**) Приказъ по полку 1877-го года № 239.

Гусейновъ—слѣдующій чинъ, Крутиковъ, Александровъ—ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, врачъ надворный совѣтникъ Минкевичъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ (*), подпоручикъ Гончаровъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики: Калитинскій—слѣдующій чинъ, Жуковъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ (**).

Вслѣдъ за пораненіемъ командира полка, полковника Кабенина, впредь до выздоровленія его, завѣдываніе полкомъ было возложено на командира 2-го баталіона кубинскаго полка, подполковника Бѣляева (***).

Въ описанномъ дѣлѣ, въ первый разъ, принималъ дѣятельное участіе, по перевязкѣ раненыхъ, летучій отрядъ московскаго общества «Краснаго Креста», лазаретъ котораго былъ расположенъ въ лагерѣ у сел. Чарухчи. Личный составъ этого отдѣленія, имѣя во главѣ высоко гуманнаго, и до самопожертвованія преданнаго своему дѣлу, доцента Императорскаго московскаго университета Арсеньева, принималъ въ день 15-го сентября на перевязочныхъ пунктахъ, самое дѣятельное участіе въ поданіи первоначальной помощи раненымъ, иногда съ опасностью жизни, подъ выстрѣлами непріятеля. Двухколесныя, на лежачихъ рессорахъ, повозки этого отдѣленія были прекрасно приспособлены для помѣщенія двухъ раненыхъ, перевозка которыхъ производилась совершенно покойно и вполнѣ удобно.

Что же касается до неутомимой и самоотверженной дѣятельности полковыхъ врачей: старшаго В. А. Минкевича и младшаго Ф. Д. Николаенко, то дѣятельность эта имѣетъ неоспоримое право на то, чтобы страницы настоящаго „описанія“ остановились на ней съ чувствомъ глубокаго уваженія. Заваленные работою поданія первоначальной помощи, ежеминутно прибывающимъ на перевязочный пунктъ, раненымъ, врачи эти, впродолженіи цѣлаго дня, энергично и добросовѣстно являли собою примѣръ самаго дѣятельнаго

(*) Приказъ по кавказскому военному округу 1878 года № 221.

(**) Приказъ по кавказскому военному округу 1878 года № 510.

(***) Приказъ по полку 1877-го года № 224.

участія въ облегченіи страданій послѣднимъ. Смѣло можно сказать, что дѣятельность врача, въ лицѣ только-что упомянутыхъ представителей, обнаружила себя въ день 15-го сентября, съ самой лучшей и высокогуманной стороны. . . .

Рядомъ съ блестящими результатами боя съ чисто военной точки зрѣнія, каждая война представляетъ собою, обыкновенно, и другую, быть можетъ, не столько эфектную сторону, которая, однако, должна имѣть глубокое значеніе для всякаго гуманнаго человѣка. Это міръ тѣхъ страданій и мукъ, которыя выпадаютъ послѣ каждаго боя на долю, такъ называемыхъ, „неизбѣжныхъ жертвъ войны“ и тяжесть которыхъ, только отчасти, выкупается глубокимъ сознаніемъ честно исполненнаго долга, лежавшаго на этихъ страдальцахъ. Вотъ почему, вполнѣ умѣстно будетъ здѣсь, въ заключеніе описанія дѣла 15-го сентября, заглянуть въ наметъ полковаго лазарета и палатки летучаго отряда московскаго общества „Краснаго Креста“. Сюда перевезены были, съ перевязочныхъ пунктовъ, несчастные раненые. Мрачная картина людскаго страданія, которую тамъ встрѣтитъ наблюдатель, ложится еще болѣе гнетущимъ впечатлѣніемъ на душу, такъ какъ здѣсь почти на каждомъ шагу, приходится видѣть и ощущать, что находящіеся передъ вами страдальцы имѣли всѣ шансы на цвѣтущее здоровье, и долгую жизнь. Невысохшіе отъ тяжкихъ недуговъ живые скелеты, съ потухшими глазами и равнодушнымъ взглядомъ на всѣ окружающіе предметы больничной обстановки, встрѣтимъ мы здѣсь, нѣтъ, мы найдемъ тутъ субъектовъ, за нѣсколько часовъ до того еще дышавшихъ молодою силою, цвѣтущимъ здоровьемъ, и ничего общаго со смертью не имѣвшими. . . И вотъ, эта молодая сила, это здоровье, олицетворяющія дорогую для каждаго существа жизнь во всей ея привлекательной полнотѣ, моментально парализованы, неожиданно задержаны въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. . . Вслѣдствіи этой послѣдней особенности видѣннаго вами страданія, въ душѣ вашей слагается невольно самое гнетущее впечатлѣніе чего-то насильственнаго, такъ сказать, врасплохъ, похитившаго у многихъ страдальцевъ все дорогое въ жизни—надежду на жизнь и на счастье.... Подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, навѣяннаго на васъ общимъ

характеромъ этой невеселой картины, вы начинаете вглядываться въ ея своеобразныя детали. И здѣсь, въ этомъ ближайшемъ изученіи каждаго раненаго, тяжелое чувство, охватившее васъ въ началѣ, становится все болѣе и болѣе опредѣленнымъ, и вы невольно проникаетесь уваженіемъ къ тому высокому положенію нашего воина, который, цѣною жизни и мучительныхъ страданій, запечатлѣлъ своею кровью готовность беззавѣтно выполнить принятую на себя святую обязанность на полѣ брани.

И вотъ воображенію вашему представляется простой русскій человѣкъ, съ какой-либо Волги или Днѣпра, сражающійся за отдаленныхъ, никогда имъ невиданныхъ болгаръ, и, безъ всякихъ громкихъ фразъ, отдающій въ жертву свою жизнь и здоровье, великому и святому дѣлу освобожденія братьевъ. . .

Молча и, притомъ быть можетъ, не вполнѣ сознавая свою высокую миссію, кладетъ этотъ простой воинъ и свою посильную лепту на человѣколюбивое дѣло прогресса и цивилизаціи, имѣя въ душѣ своей только одно завѣтное желаніе—быть погребеннымъ похристіански въ своей одинокой и безвѣстной могилѣ, въ томъ случаѣ, если ему суждено будетъ пасть на полѣ битвы. . .

День 16-го сентября былъ посвященъ перевозкѣ раненыхъ, отправленію ихъ въ сел. Игдырь и погребенію убитыхъ. Труды околодка кубинскаго полка по перевязкѣ и по операціямъ, производимымъ у нѣкоторыхъ раненыхъ, были раздѣлены между членами летучаго отряда московскаго общества «Краснаго Креста».

Вглядываясь отдѣльно, въ каждаго изъ нашихъ раненыхъ въ памятный день 15-го сентября, между которыми много было и такихъ, за постепеннымъ угасаніемъ жизни которыхъ можно было легко слѣдить простыми глазами, наблюдатель могъ-бы замѣтить слѣдующій многознаменательный фактъ: всѣ, какъ легко, такъ и тяжелораненые, просто поражали своею покорностью къ постигшей ихъ участи. Чѣмъ объяснить эту покорность? . . . Сознаніемъ ли, что долгъ каждаго изъ нихъ былъ выполненъ честно и геройски? . . . Сознаніемъ ли того, что личная жизнь и здоровье ихъ пошли на жертву высокому и святому дѣлу освобожденія цѣлыхъ сотенъ тысячъ братьевъ, томящихся подъ непосильнымъ

турецкимъ игомъ? ... Или же это было то естественное равнодушіе ко всему окружающему, какое бываетъ свойственно человѣку, всецѣло сосредоточенному на собственномъ страдающемъ существѣ?.. Не принимая на себя труда рѣшать это, мы открыто констатируемъ фактъ этой покорности и безропотности, которыя можно было наблюдать въ массѣ нашихъ раненыхъ, на другой день послѣ дѣла 15-го сентября.

За околодочнымъ наметомъ, на заднемъ планѣ, была разбита солдатская палатка, предназначенная, въ день 16-го сентября, играть роль походной часовни. Войдемъ на минуту туда... Здѣсь, покрытые пылью и обрызганные кровью, лежатъ недвижимо тѣ, кто опочилъ вчера, потрудившись въ бою. Лежа рядомъ на землѣ, въ тѣхъ позахъ, въ какихъ застала ихъ смерть, они придавали картинѣ, представшей нашему взору, колоритъ какой-то неподвижности и мрачной, спокойной тишины. Здѣсь уже не было и признака той напряженной жизненной дѣятельности, которую обнаруживали несчастные тяжелораненые въ своихъ страданіяхъ. Тамъ теплилась еще лампада жизни, дѣлая послѣднія усилія вспыхнуть ярче; здѣсь же господствовала полновластная смерть и замеръ въ глухомъ молчаніи всякій протестъ жизни... Одиноко и неподвижно лежали герои, и, кромѣ досужихъ товарищей, пришедшихъ изъ любопытства взглянуть на убитыхъ, никто изъ дорогихъ близкихъ не явился пролить горячей слезы по безвременно угасшей жизни...

Верстахъ въ полутора отъ чарухчинскаго лагеря находится большой пустой садъ, изъ тѣхъ которые, подобно оазисамъ, часто встрѣчаются въ долинѣ р. Аракса. Въ этомъ саду семнадцать могильныхъ холмовъ, съ простыми деревянными крестами, остались безмолвными памятниками того, что здѣсь почили люди, пожертвовавшіе жизнью за благо своихъ ближнихъ...

Чуткій къ людскому страданію, начальникъ эриванскаго отряда, генералъ Тергукасовъ, на другой день послѣ боя, посѣтилъ всѣхъ раненыхъ и лично благодарилъ каждаго изъ нихъ.

По отношенію къ провіантскому довольствію нижнихъ чиновъ полка, за описанный періодъ времени, можно сказать только то, что довольствіе это ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ того,

которое было описано, болѣе подробно, въ предшествующей главѣ.

Что же касается до общаго состоянія здоровья нижнихъ чиновъ полка, въ теченіи сентября мѣсяца, то общая цифра больныхъ нижнихъ чиновъ, какъ это видно изъ мѣсячнаго отчета полка за названный мѣсяцъ, равнялась 158-ми человѣкамъ.

ГЛАВА VII.

Дѣло 2-го октября.—Преслѣдованіе отступающихъ войскъ Измаилъ-паши.—Артилерійское дѣло 6-го октября на зорскомъ перевалѣ.—Движеніе форсированнымъ маршемъ, за отступающимъ непріятелемъ черезъ армянскій монастырь Сурпъ-Оганесъ, селенія—Кара-килиса, Зейдеканъ, горы Драмъ-дагъ, сел. Даяръ, Кепри-кей и гор. Гасанъ-Кала.—Лагерь близъ сел. Куруджукъ.

Послѣ неудачной попытки, предпринятой турками въ день 15-го сентября, перейти въ наступленіе и атаковать чарухчинскій лагерь генерала Броневскаго, всѣ дѣйствія войскъ Измаилъ-паши заключались въ слѣдующемъ: небольшими отрядами, преимущественно кавалерійскими, турки спускались по отрогамъ Агры-дага къ сел. Халфалю и Хошхабаръ и, этимъ движеніемъ своимъ, тревожили нашу аванпостную цѣпь и тѣ войска, которыя были размѣщены въ этихъ передовыхъ пунктахъ нашего боеваго расположенія, въ долинѣ р. Аракса. Эти, часто повторявшіяся, демонстраціи непріятеля сопровождались, обыкновенно, съ ихъ ближайшихъ батарей усиленной артилерійской канонадой, которая, впрочемъ, была совершенно безрезультатна.

Такъ шло время вплоть до 2-го октября.

Въ этотъ день, ровно въ два часа пополудни, ближайшія передовыя турецкія батареи стали, съ особенною энергіею, громить селенія Халфалю и Хошхабаръ. Въ то-же самое время, пѣхота и кавалерія ихъ стали быстро спускаться, по направленію къ первому изъ вышеупомянутыхъ селеній. Такъ какъ, движеніе непріятельскихъ колоннъ и силы ихъ замѣтно возрастали и стали грозить намъ

явною опасностью—то съ нашей стороны рѣшено было усилить войска, находившіяся въ сел. Халфалю и Хошхабаръ, и тѣмъ облегчить имъ возможность отбросить атакующаго непріятеля.

Съ послѣднею цѣлью части войскъ, расположенныя у сел. Игдырь, были тотчасъ-же вызваны въ ружье и немедленно направлены къ сел. Халфалю. Войска же чарухчинскаго лагеря, перешедшаго въ это время подъ начальство генерала Девеля, по непосредственному его указанію, послали свои подкрѣпленія въ сел. Хошхабаръ и, занявъ болѣе важные пункты, впереди своего лагеря, перестроились въ боевой порядокъ.

Участіе собственно кубинцевъ, въ дѣлѣ описываемаго дня, заключалось въ слѣдующемъ: полкъ, съ подполковникомъ Бѣляевымъ во главѣ, долженъ былъ поддержать войска, расположенныя въ сел. Хошхабаръ, и, вмѣстѣ съ этимъ, дать отпоръ непріятелю въ томъ случаѣ, еслибъ онъ рѣшился атаковать чарухчинскій лагерь.

Сообразно съ этимъ назначеніемъ, выпавшимъ на долю кубинцевъ, баталіоны полка были расположены слѣдующимъ образомъ: 2-й баталіонъ, направившись къ сел. Хошхабаръ, занялъ его не смотря на энергическій огонь турецкихъ батарей, 1-й баталіонъ былъ выдвинутъ къ каравансарайской дорогѣ, а 4-й остался въ резервѣ и расположился въ центрѣ, передъ лагеремъ.

Между тѣмъ непріятель, съ видимою рѣшимостью, продолжалъ свое наступленіе, причемъ особенная сила его атаки была направлена на сел. Халфалю, возлѣ котораго преимущественно и были сосредоточены самыя серьезныя дѣйствія описываемаго дѣла.

Генералъ Девель, замѣтивъ что турки, наступая, не вполнѣ обезпечиваютъ свой лѣвый флангъ, приказалъ двумъ ротамъ 1-го баталіона кубинцевъ выдвинуться впередъ и занять высоту, съ которой удобно было обстрѣливать ихъ во флангъ, о которомъ они, повидимому, забыли. Съ этою цѣлью, подполковникъ Бѣляевъ, указавъ своему адъютанту, какой именно пунктъ должно было занять, отправилъ его къ завѣдывавшему 1-мъ баталіономъ, капитану князю Аргутинскому-Долгорукову 2-му, для немедленнаго исполненія даннаго порученія.

Получивъ упомянутое приказаніе, капитанъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ 2-й, тотчасъ-же туда назначилъ 1-ю и 2-ю роты (прапорщики: Фавстрицкій и Калитинскій) которыя подъ личною его командою, быстро заняли указанную имъ высоту.

Наступившая уже въ это время темнота, съ одной стороны, и крайне невыгодное положеніе, въ которое былъ поставленъ лѣвый флангъ непріятеля, только-что описаннымъ маневромъ 1-й и 2-й ротъ кубинцевъ—съ другой—все это, вмѣстѣ взятое, заставило турокъ пріостановить наступленіе и возвратиться въ свой лагерь.

Такимъ образомъ, сколько-нибудь выдающійся эпизодъ участія кубинцевъ въ дѣлѣ 2-го октября заключался главнымъ образомъ въ томъ, что капитанъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ 2-й, своевременно и прекрасно, выполнилъ съ двумя ротами завѣдываемаго имъ баталіона, возложенную на него задачу по занятію такого пункта, съ котораго открывалась возможность дѣйствовать во флангъ непріятеля, нанося ему немалый вредъ.

Раненыхъ и убитыхъ въ этомъ дѣлѣ у кубинцевъ, къ счастію, не было.

За только-что описанное дѣло, въ полкъ прислано было восемь знаковъ отличія военнаго ордена 4-й степени (*).

Изъ личнаго же состава офицеровъ полка удостоились получить награды, за дѣло 2-го октября, слѣдующія лица:

Подполковникъ Бѣляевъ—золотое оружіе съ надписью «за храбрость», капитанъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ 2-й—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, поручики: Процепко—слѣдующій чинъ, со старшинствомъ съ 2-го октября 1877-го года, Жуковъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручики: Ахшарумовъ—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, Гончаровъ—орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», прапорщикъ Десницкій—слѣдующій чинъ (**).

Между тѣмъ военныя дѣйствія возлѣ кр. Карса, безъ крат-

(*) Приказъ по полку 1878-го года № 221.

(**) Приказъ по полку 1878-го года № 221.

каго изложенія которыхъ будутъ невполнѣ понятны дальнѣйшія операціи эриванскаго отряда, къ описываемому времени приняли совершенно иной характеръ. Въ серединѣ сентября мѣсяца, къ главнымъ силамъ дѣйствующаго корпуса прибыли: 1-я гренадерская дивизія, изъ Москвы, астраханскій казачій полкъ и двѣ донскія батареи (*). Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій, мы становились настолько сильны, что могли уже рѣшиться перейти въ наступленіе противъ позиціи Мухтаръ-паши на аладжинскихъ высотахъ. Въ караяльскомъ лагерѣ всѣ, невольно, находились подъ вліяніемъ предчувствія рѣшительныхъ дѣйствій, дѣйствительно незаставившихъ себя долго ждать. День 20-го сентября былъ, наконецъ, началомъ того трехдневнаго боя, впродолженіи котораго войска наши проявили себя истинными героями.

Задача настоящаго труда не позволяетъ, къ сожалѣнію, остановиться подробно на этой геройской эпопеѣ, впродолженіи которой карскія равнины служили ареною для славныхъ примѣровъ беззавѣтнаго мужества и геройскихъ подвиговъ русскихъ войскъ. Память объ этихъ подвигахъ, конечно, достойно будетъ увѣковѣчена для потомства. Въ настоящемъ же описаніи необходимо упомянуть только о тѣхъ послѣдствіяхъ для русскаго оружія, какія получились въ результатѣ послѣ упомянутаго выше боя.

Не имѣя возможности оставаться болѣе на равнинѣ у Суботана и Кюль-верана, а также занимать отбитую нѣкогда у насъ Кизилъ-тапу, Мухтаръ-паша вынужденъ былъ, въ ночь на 27-е сентября, отступить на прежнія свои укрѣпленныя позиціи, расположенныя на аладжинской возвышенности. Это послѣднее отступленіе турокъ окончательно убѣдило насъ, что трехдневный нашъ бой не пропалъ даромъ, и что армія Мухтаръ-паши была уже разбита нравственно. Вслѣдствіе этого, всѣмъ и каждому стала понятной необходимость дѣйствовать энергично, не давая противнику опомниться и, если можно, завладѣть его путями отступленія.

Все только-что описанное и послужило, такимъ образомъ, прелюдіею сначала для обходнаго движенія отряда генерала Лазарева къ сторонѣ укрѣпленныхъ турецкихъ позицій на высотахъ Ша-

(*) Кромѣ того 6-й и 7-й оренбургскіе казачьи полки. (Офиціально). *Ред.*

тыръ-оглы, взятыхъ штурмомъ 2-го октября, а затѣмъ и для нанесенія нашими войсками полнѣйшаго пораженія анатолійской арміи Мухтаръ-паши, большая часть которой, принуждена была 3-го октября положить передъ нами оружіе и, сдаться на капитуляцію.

Пока совершались вышеописанныя событія на почвѣ карскаго санджака, наша эриванская губернія, какъ объ этомъ было уже говорено выше, служила, въ свою очередь, ареною для неоднократныхъ, но безуспѣшныхъ попытокъ перейти въ наступленіе со стороны войскъ корпуса Измаилъ-паши.

День 2-го октября послужилъ, такимъ образомъ, и для эриванскаго отряда тѣмъ поворотнымъ пунктомъ въ событіяхъ послѣдней кампаніи, вслѣдъ за которымъ противникъ нашъ самъ вынужденъ былъ покинуть свою неприступную позицію находившуюся на высотѣ Агры-дага въ предѣлахъ эриванской губерніи, и начать свое поспѣшное отступленіе къ Эрзеруму.

Вскорѣ послѣ дѣла 2-го октября, у селеній Халфалю и Хошхабаръ, а именно въ ночь съ 3-го на 4-е число этого мѣсяца, наши передовые пикеты и аванпосты явственно слышали впродолженіи цѣлой ночи шумъ и усиленное движеніе, происходившіе въ лагерѣ Измаилъ-паши. Посланная на развѣдку команда охотниковъ не принесла ничего существеннаго, для объясненія замѣченнаго въ лагерѣ турокъ.

Такъ наступило утро слѣдующаго дня. Повидимому, въ средѣ непріятеля нашего, попрежнему стоявшаго лагеремъ на зорскомъ перевалѣ, не произошло ничего особеннаго, что могло бы послужить объясненіемъ того шума и движенія, которые были наблюдаемы накапунѣ. Только опытный глазъ нѣкоторыхъ замѣчалъ какъ-бы уменьшеніе лагеря Измаилъ-паши и, положительное отсутствіе всякаго движенія на передовыхъ турецкихъ батареяхъ, которыя, какъ оказалось впослѣдствіи, уже въ это время были пусты.

Не смотря на все это, въ лагерѣ нашемъ было совершенно спокойно; мы не имѣли еще ровно никакихъ свѣдѣній изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, а потому и лишены были возможности предугадать, что находимся накапунѣ предстоящей погони за

бѣгущимъ непріятелемъ, который такъ долго и такъ грозно сидѣлъ на своей недоступной позиціи. Къ вечеру 4-го октября войска эриванскаго отряда узнали, что анатолійская армія Мухтаръ-паши понесла совершенный погромъ въ славной битвѣ 3-го октября на аладжинскихъ высотахъ, причемъ 7 пашей, 23 штабъ-офицера, 264 оберъ-офицера и 6084 нижнихъ чина принуждены были сдаться намъ военнопленными, а 35 орудій, множество оружія, снарядовъ и патроновъ достались намъ трофеями.

Эта радостная вѣсть, облетѣвъ быстро всѣ войска отряда, естественно, наполнила гордостью сердца всѣхъ и каждаго. Все оживилось, встрепенулось и подняло голову въ сознаніи крупной побѣды, которую удалось одержать нашимъ товарищамъ подъ Карсомъ.

Среди только-что описаннаго ликованія, на оживленный лагерь нашъ какъ у сел. Игдырь, такъ и у сел. Чарухчи спустились сумерки и затѣмъ, наступила темная и холодная ночь.

До слуха нашихъ передовыхъ казачьихъ пикетовъ и аванпостной цѣпи и въ эту ночь, какъ и въ предшествующую, со стороны непріятельскаго лагеря сталъ ясно долетать какой-то неопредѣленный гулъ, происходившій, казалось, отъ передвиженія тяжестей. Гулъ этотъ не умолкалъ впродолженіи цѣлой ночи, которая прошла, однако, совершенно спокойно.

На утро слѣдующаго дня взорамъ нашимъ предстала слѣдующая картина, вполнѣ объяснившая причину шума, слышаннаго нами со стороны непріятельскаго лагеря въ теченіи двухъ предшествующихъ ночей: утромъ 5-го октября мы увидѣли, что лагерь Измаилъ-паши, расположенный на Агры-дагѣ, почти весь снятъ и цѣликомъ сгруппированъ у самаго сел. Зоръ, находящагося на перевалѣ того же названія. Такимъ образомъ стало ясно, что Измаилъ-паша, получивъ отъ Мухтара извѣщеніе о печальныхъ для турокъ событіяхъ 2-го и 3-го октября на аладжинскихъ высотахъ, исподоволь, сталъ съ ночи 3-го числа снимать свой лагерь и, постепенно, вывозить тяжести изъ передовыхъ пунктовъ своего расположенія на Агры-дагѣ, готовясь начать отступленіе.

Вслѣдствіе только-что описаннаго намѣренія турокъ, войскамъ

эриванскаго отряда было отдано приказаніе, начать утромъ 6-го октября преслѣдованіе отступавшаго непріятеля.

Съ этою послѣднею цѣлью, войска эриванскаго отряда выступили изъ своихъ лагерей, утромъ 6-го октября, тремя колоннами. Части игдырскаго лагеря, образовавъ двѣ изъ нихъ, направились: одна—лѣвая, съ генераломъ Тергукасовымъ во главѣ, по дорогѣ, ведущей черезъ орговскій постъ, другая—средняя, подъ командой генерала Броневскаго, по направленію пути, идущаго отъ сел. Хошхабаръ къ зорскому перевалу. Въ составъ же третьей, правой колонны, вошли войска чарухчинскаго лагеря, которыя и двинулись по каравансарайской дорогѣ, подъ начальствомъ генерала Девеля.

Въ составѣ послѣдней колонны находились и три баталіона (1-й, 2-й и 4-й) кубинскаго полка (*).

Подробно, мы прослѣдимъ здѣсь только движеніе и дѣйствія 6-го и 7-го октября колонны генерала Девеля, такъ-какъ эта подробность обусловливается прямой задачей настоящаго труда.

Въ день выступленія нашего, изъ чарухчинскаго лагеря, въ погоню за войсками Измаилъ-паши, а именно 6-го октября, погода съ утра вполнѣ благопріятствовала предстоявшему походу. Свѣтлый и прохладный день поддерживалъ веселое и бодрое настроеніе въ рядахъ колонны генерала Девеля, войска которой съ 4-хъ часовъ утра стояли уже подъ ружьемъ въ походномъ порядкѣ и были готовы тронуться въ путь. Всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты, съ любопытствомъ смотрѣли по направленію къ агрыдагскимъ высотамъ, которыя, въ день нашего выступленія, были уже совершенно пустынны и покинуты непріятелемъ, оживленный и громадный лагерь котораго, еще почти вчера, былъ широко разбросанъ по отрогамъ названныхъ высотъ. Только тамъ, на самомъ перевалѣ, около недоступнаго по природнымъ свойствамъ сел. Зоръ, довольно явственно для невооруженнаго глаза виднѣлось нѣсколько палатокъ, какъ-бы позабытыхъ и брошенныхъ турками.

(*) 3-й баталіонъ, какъ извѣстно, находился въ составѣ отряда генерала Келбали-Хана, расположеннаго у сел. Пироли. Вмѣстѣ съ общимъ наступленіемъ войскъ генерала Тергукасова, этотъ отрядъ двинулся также въ погоню за Измаилъ-пашою черезъ абасъ-гельскій перевалъ.

Общее убѣжденіе, господствовавшее въ нашей колоннѣ, было то, что непріятель совершенно покинулъ свою прежнюю позицію и, въ страхѣ, бѣжалъ, направляясь къ Эрзеруму.

Вслѣдствіе только-что описаннаго настроенія, бывшаго нечуждымъ, кажется, и штабу нашей колонны, эта послѣдняя двигалась безъ особенныхъ предосторожностей и маневрированія, дѣлая частые привалы для того чтобы дать отдыхъ людямъ и артилерійскимъ лошадямъ, принужденнымъ подниматься по крутымъ спускамъ Агры-дага, такъ какъ, съ цѣлью выигрыша времени, мы уклонились отъ каравансарайскаго пути, направивъ по немъ только наши тяжести.

Такъ шло время и мы уже приближались къ двумъ конусообразнымъ возвышенностямъ, которыми, какъ объ этомъ было говорено выше, вѣнчается входъ въ сел. Зоръ.

Было уже около полудня.

Въ это время къ генералу Девелю прибылъ генеральнаго штаба подполковникъ Циклауровъ и донесъ, что, производя съ сотнею казаковъ рекогносцировку впереди лежащей мѣстности, онъ открылъ присутствіе турокъ, устанавливающихъ свои орудія по склонамъ ближайшихъ возвышенностей. Не успѣлъ еще подполковникъ Циклауровъ сдѣлать свое сообщеніе, какъ вдругъ со стороны только-что описанныхъ возвышенностей показался клубъ дыма, и, черезъ нѣсколько секундъ, грянулъ орудійный выстрѣлъ... Пущенная граната, сверля воздухъ, грузно упала впереди нашей растянувшейся колонны и, съ трескомъ, разорвалась. Это турки привѣтствовали насъ, совершенно неожиданнымъ образомъ...

Едва только раздался первый выстрѣлъ—какъ за нимъ послѣдовалъ второй, третій и т. д.... Пустынная и, повидимому, брошенная позиція непріятеля снова оживилась, и мы должны были разочароваться въ своихъ мечтахъ, о безпрепятственномъ и безостановочномъ движеніи за удаляющимся въ страхѣ непріятелемъ.

Колонна наша стала перестраиваться въ боевой порядокъ. Артилерія быстро, не смотря на крутой подъемъ, выѣхала на позицію и открыла огонь по турецкимъ батареямъ. Завязалось оживленное артилерійское дѣло.

Пользуясь господствующею мѣстностью и своими дальнобойными орудіями, непріятель имѣлъ видимый перевѣсъ надъ нашими даже 9-ти фунтовыми батареями, которымъ приходилось стрѣлять подъ страшно большимъ угломъ возвышенія, подрывая хобота лафетовъ, что отражалось разрушительнымъ образомъ на послѣднихъ. Кромѣ того, турки, подъ вліяніемъ отчаянной рѣшимости—отстоять во что-бы то ни стало свою позицію, открыли столь частый артилерійскій огонь и, начали пускать въ насъ, такую массу снарядовъ, что мы, изъ простой экономіи въ тратѣ нашего боеваго матеріала, не могли отвѣчать имъ тѣмъ же. Артилеріи нашей еще предстояло въ будущемъ много работы и она, естественно, старалась приберегать свои снаряды про черный день. Турки наоборотъ, бросали свою позицію, на которой у нихъ скопился громадный запасъ боеваго матеріала, и потому для нихъ было положительно выгоднѣе разстрѣлять его, нежели бросить въ добычу непріятелю.

Перестроившись въ боевой порядокъ, кубинцы заняли слѣдующее положеніе: 1-й баталіонъ былъ выдвинутъ правѣе, по направленію къ каравансарайской дорогѣ и обезпечивалъ, вмѣстѣ съ казаками, нашъ правый флангъ отъ обхода, 4-й баталіонъ занялъ центръ нашей позиціи и прикрывалъ наши полевыя батареи, а 2-й баталіонъ былъ направленъ лѣвѣе, къ сторонѣ зорскаго перевала и занялъ передовой бугоръ, съ котораго и поддерживалъ ружейную перестрѣлку съ непріятелемъ впродолженіи всего артилерійскаго дѣла 6-го октября.

Непріятель, предполагая, что мы въ концѣ концовъ атакуемъ его и попытаемся штыками проложить себѣ дальнѣйшій путь, защищался съ энергіею и мужествомъ, на которыя бываютъ способны турки въ то время, когда они находятся за закрытіями. Они послали наблюдательные пикеты на одну изъ конусообразныхъ возвышенностей, о которыхъ было говорено выше и съ которыхъ открывалась полнѣйшая возможность слѣдить за паденіемъ каждаго ихъ снаряда. Вся мѣстность, а слѣдовательно и мельчайшія детали нашего расположенія были видны съ названнаго пункта, какъ на ладони. Каждый перелетъ или недолетъ турецкой

гранаты былъ явственно видѣнъ ихъ наблюдательнымъ постамъ, которые и регулировали стрѣльбу своихъ орудій, условными сигналами. Вслѣдствіе этого мѣткость артилерійской стрѣльбы ихъ достигла такого совершенства, что почти каждая турецкая граната падала въ сферѣ расположенія нашихъ войскъ, а одна изъ нихъ даже взорвала одинъ изъ передковъ 2-й батареи 39-й артилерійской бригады.

Но несмотря на вышеописанныя выгоды турецкаго расположенія, войска наши не понесли особенно большаго урона въ людяхъ, благодаря тому, что сильно пересѣченная мѣстность, на которой мы были расположены, давала возможность удобно размѣщать части нашего отряда, за различными закрытіями и держать ихъ внѣ всякой опасности.

Такъ шло время. Артилерія наша энергично отвѣчала непріятелю, а пѣхота, съ минуты на минуту, ждала сигнала атаки. Люди, утомившись отъ напряженнаго состоянія, въ которомъ находится человѣкъ, ожидающій смерти вмѣстѣ съ каждой пущенною въ него гранатою, были изнурены еще болѣе тѣмъ, что не имѣли возможности впродолженіи цѣлаго дня утолить чувство жажды, такъ-какъ мѣстность, на которой происходило описываемое дѣло, была совершенно безводна.

Часамъ къ четыремъ пополудни, на ближайшихъ къ сел. Зоръ отрогахъ Агры-дага, показалась колонна генерала Броневскаго, задержанная на пути вывозомъ своей артилеріи по крутымъ и едва разработаннымъ подъемамъ. Очутившись какъ-разъ противъ центра непріятельскаго расположенія, колонна эта, перестроившись въ боевой порядокъ, въ свою очередь, открыла артилерійскій огонь. Всѣ подумали тогда, что обстрѣлявъ совокупными усиліями непріятельскія батареи и траншеи, намъ будетъ отдано приказаніе начать наступленіе. Но ожидаемаго наступленія, однако, не воспослѣдовало, и войска наши, поддерживая энергично артилерійскую перестрѣлку съ непріятелемъ до самыхъ сумерекъ, принуждены были остаться ночевать на мѣстѣ боя.

Когда, наконецъ, наступила совершенная темнота и окончательно умолкли всякіе выстрѣлы, войска наши, выставивъ сильную

аванпостную цѣпь и, выдѣливъ дежурныя части, расположились бивуакомъ. Сюда къ намъ, какъ нельзя болѣе кстати, подоспѣли съ водою мѣстные жители — армяне изъ ближайшихъ селеній и заботливо поспѣшили утолить жажду бѣднаго солдата.

Здѣсь же, на бивуакѣ, было получено извѣстіе о томъ, что изъ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Геймана, составленъ отрядъ, названный соганлугскимъ, которому и приказано, растянувъ пятидневный провіантъ на 8-мь дней, немедленно выступить за Соганлугъ, для совокупныхъ дѣйствій съ отрядомъ генерала Тергукасова противъ корпуса Измаилъ-паши.

Въ составъ сформированнаго соганлугскаго отряда вошли: 21 баталіонъ пѣхоты, 54 орудія, 4 эскадрона и 13 сотенъ казаковъ (*). Генералу Гейману ставилось задачею, принявъ начальство надъ обоими отрядами, стараться отрѣзать путь отступленія войскамъ Измаилъ-паши къ Эрзеруму.

Наступившая, вскорѣ послѣ окончанія дѣла 6-го октября, ночь была темна и очень холодна.

Съ разсвѣтомъ другаго дня, отрядъ нашъ двинулся снова по направленію къ зорскому перевалу. Приняты были всѣ предосторожности; мы двигались въ боевомъ порядкѣ, разсчитывая каждую минуту встрѣтить непріятеля. Но разсчетъ этотъ оказался невѣрнымъ: позиція турокъ была совершенно покинута ими во время ночи.

Приближаясь къ самому перевалу, мы услышали сильный трескъ, похожій на отдаленные ружейные выстрѣлы, и массу свѣтло-сѣраго дыма, подымавшагося огромнымъ столбомъ къ небу. Явленіе это сначала повергло всѣхъ въ сильное недоумѣніе: мѣстность была, повидимому, совершенно пустынною, всякій слѣдъ присутствія непріятеля на ней, казалось, исчезъ, а между тѣмъ все болѣе и болѣе усиливавшійся, по мѣрѣ приближенія, трескъ продолжался. Наконецъ, недоумѣніе наше вскорѣ разъяснилось; взорамъ всѣхъ вступившихъ въ самый центръ бывшаго турецкаго

(*) «Турецкая кампанія 1877-го—1878-го годовъ» Н. Сѣдельниковъ. Томъ 2-й.

лагеря, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ непрерывными траншеями и множествомъ батарей, предстала слѣдующая интересная картина: передъ нами съ трескомъ горѣла огромная куча турецкихъ патроновъ, брошенныхъ непріятелемъ въ моментъ своего поспѣшнаго отступленія, за невозможностью взять ихъ съ собою. Кромѣ боеваго матеріала, преданнаго всепожирающему пламени, солдаты наши нашли здѣсь громадное количество, брошенныхъ турками, превосходныхъ галетъ, массу лошадиныхъ подковъ и тому подобныхъ предметовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что непріятель нашъ имѣлъ въ этомъ пунктѣ всевозможные склады.

Разнообразныя груды, брошеннаго турками на Зорѣ, имущества, краснорѣчиво говорили также и за то, что отступленіе Измаилъ-паши началось при столь неожиданныхъ для него условіяхъ, что, за крайнею поспѣшностью, турки не имѣли никакой возможности собрать сколько-нибудь удовлетворяющій ихъ потребностямъ обозъ. Вотъ почему разбросанные то тамъ, то здѣсь артилерійскіе снаряды, патронные ящики и мѣшки съ галетами прямо указывали на то, что отступленіе войскъ Измаилъ-паши граничило съ простымъ бѣгствомъ. Да и было отъ чего бѣжать; разбитая и стремившаяся въ паническомъ страхѣ къ Эрзеруму армія Мухтара—съ одной стороны, попытка генерала Геймана перерѣзать путь отступленія и ударить въ тылъ въ то время, когда весь отрядъ генерала Тергукасова гонится, что называется, по пятамъ—съ другой, все это, вмѣстѣ взятое, должно было заставить Измаилъ-пашу стремиться только къ одной конечной цѣли, а именно—во чтобы-то ни стало, соединиться съ Мухтаръ-пашею, и избѣжать неминуемаго пораженія по частямъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ галетахъ, которыя были найдены нами въ турецкомъ лагерѣ. Вопреки общепринятому въ нашихъ войскахъ до минувшей кампаніи мнѣнію о томъ, что у турокъ все было организовано хуже, нежели у насъ, что по части различныхъ видовъ снабженія они напоминали собою какой-то сбродъ, а не благоустроенное войско—факты говорили совершенно противное. Въ то время, когда солдатъ нашъ получалъ сухари не вполнѣ хорошаго качества, когда, бла-

годаря этимъ сухарямъ, въ войскахъ нашихъ неодпократно развивался сухарный поносъ и когда даже и такихъ сухарей у насъ подчасъ было очень мало—турки, судя по тѣмъ образцамъ которые были найдены на зорскомъ перевалѣ, пользовались превосходными галетами, приготовленными изъ отличной просѣянной муки. Напавъ на такую находку, солдатъ отнесся къ ней, какъ къ лакомству. Да и не одинъ солдатъ лакомился галетами, каждый офицеръ спѣшилъ запастись ими въ возможно большемъ количествѣ, такъ какъ, въ походно-боевой обстановкѣ нашей, галеты эти могли считаться почти предметомъ роскоши.

Переночевавъ седьмаго октября бивуакомъ на высотѣ 7000 футовъ и соединившись всѣ вмѣстѣ подъ начальствомъ генерала Тергукасова, войска наши, утромъ слѣдующаго дня, спустились къ сел. Мысунъ, лежащему въ долинѣ того-же названія, которая служитъ какъ-бы предверіемъ баязетской равнины. Дорога, идущая съ возвышенностей Агры-дага къ названному селенію, довольно хорошо была разработана турками, вѣроятно, въ виду того, обстоятельства, что по ней главнымъ образомъ совершался къ нимъ подвозъ всего необходимаго изъ Эрзерума. День былъ пасмурный; мелкій дождь моросилъ почти съ утра и до вечера, не мало затрудняя движеніе нашихъ солдатъ. Однообразіе пути нарушалось лишь встрѣчающимися по дорогѣ трупами павшихъ лошадей и убитыхъ нашею кавалеріею турецкихъ солдатъ, почему-либо отставшихъ отъ своихъ товарищей. Вообще, зрѣлище кругомъ было мрачное, носившее слѣды полнѣйшаго разрушенія и смерти...

Часамъ къ 6-ти вечера, мы спустились къ сел. Мысунъ, населенному армянами, и расположились недалеко отъ него бивуакомъ. Въ селеніи свирѣпствовала оспа, почему входъ туда солдатамъ былъ воспрещенъ. Здѣсь мы узнали, что главныя силы Измаилъ-паши спустились съ Агры-дага дня два тому назадъ и, что арріергардъ его, съ которымъ мы имѣли наканунѣ дѣло на зорскомъ перевалѣ, прошелъ черезъ селеніе только утромъ 7-го октября.

Въ селеніи Мысунъ мы нашли также турецкій лазаретъ съ больными, оставленный отступавшимъ непріятелемъ.

Въ моментъ прихода кубинцевъ на бивуакъ, мы встрѣтились тамъ съ пришедшимъ туда ранѣе насъ 3-мъ баталіономъ нашего полка, бывшимъ до того времени въ колоннѣ генерала Келбали-Хана-Нахичеванскаго и стоявшимъ, какъ извѣстно, въ сел. Пирали, недалеко отъ сел. Кульпъ. Съ началомъ преслѣдованія Измаилъ-паши, баталіонъ этотъ, вмѣстѣ съ прочими частями колонны Келбали-Хана, направился черезъ абасъ-гельскій перевалъ и долженъ былъ дѣйствовать въ тылъ отступавшему непріятелю.

Не смотря на непереставшій дождь и отсутствіе палатокъ, которыя еще не были подвезены, бивуакъ нашъ въ Мысунѣ былъ очень оживленъ. Здѣсь солдаты полка были встрѣчены пріятнымъ сюрпризомъ: кавалерія нашего авангарда, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Амилахвари, отбила довольно изрядное количество рогатаго скота и барановъ, слѣдовавшихъ за непріятелемъ, и вотъ теперь на бивуакѣ происходилъ дѣлежъ этой добычи. Предвкушая блаженство полнѣйшаго удовлетворенія своего проголодавшагося желудка, каждый чувствовалъ себя веселѣе, не смотря на сырую погоду и окружавшую слякоть.

Вмѣстѣ съ выступленіемъ полка 7-го октября, съ бивуака на зорскомъ перевалѣ, 1-й баталіонъ вступаетъ въ составъ авангардныхъ войскъ отряда, находившихся подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Амилахвари, дѣлаетъ во все время пути, вплоть по 22-е число того-же мѣсяца, усиленные переходы и, не отставая отъ кавалеріи, постоянно находится въ виду отступающаго въ безпорядкѣ непріятеля.

Изъ Мысупа отрядъ нашъ, съ генераломъ Тергукасовымъ во главѣ, выступилъ рано утромъ 8-го октября по направленію къ армянскому монастырю, носящему названіе Сурпъ-Огаиссъ (*). Монастырь этотъ расположенъ на берегу р. Ефрата, берущаго свое

(*) Для обезпеченія нашего тыла и для наблюденія за Баязетомъ, въ которомъ остался турецкій госпиталь съ больными и были покинуты большіе склады оружія и боевыхъ припасовъ, въ сел. Мысунъ былъ оставленъ 3-й баталіонъ кубинцевъ и одна сотня казаковъ, подъ общимъ начальствомъ подполковника Кобіева.

начало недалеко отъ сел. Діадинъ, изъ снѣговыхъ вершинъ Аллададагскаго хребта. Здѣсь, на бивуакѣ, мы соединились съ своимъ авангардомъ, который, прежде нежели попасть сюда, заходилъ въ г. Баязетъ, оказавшійся также покинутымъ турками. Мѣстность, по которой пришлось слѣдовать нашему отряду, представляла собою обширную пустынную равнину, совершенно безлѣсную, мѣстами усѣянную болотцами, съ кряжами небольшихъ горъ.

Картина разрушенія, царившая въ покинутомъ монастырѣ, краснорѣчиво свидѣтельствовала о томъ, что эта мирная и тихая обитель людей, удалившихся отъ тревогъ и суеты житейской, была недавнимъ безмолвнымъ свидѣтелемъ всѣхъ тѣхъ неистовствъ, которымъ предавались турки въ оставленномъ храмѣ. Довольно большая церковь была превращена въ конюшню, а монашескія кельи, почти разрушенныя, видимо, служили туркамъ источникомъ топлива, въ которомъ они сильно нуждались. Кругомъ валялись трупы павшихъ лошадей, заражавшіе окрестный воздухъ на далекое разстояніе. . . Покинутыя въ монастырѣ собаки и кошки бѣжали съ какою-то радостью на встрѣчу каждому входившему во дворъ монастырской ограды.

Достигнувъ Сурпъ-Огапеса, мы выходили на такъ называемую эрзерумо-баязетскую транзитную дорогу, служащую главнымъ караванпымъ путемъ изъ Турціи въ Персію. Этотъ послѣдній путь идетъ черезъ баязетскую, алашкертскую и пасинскую равнины, пересѣкая самыя населенныя мѣстности вилайэта.

Несмотря на возможность встрѣтить сопротивленіе со стороны отступавшаго непріятеля, на діадинскихъ горахъ и въ узкой долинѣ между монастыремъ Сурпъ-Огапесъ и сел. Кара-килисса, войска наши двигались, однако, безпрепятственно. Очевидно, турки преслѣдовали совершенно другую цѣль, и эта цѣль была—одно желаніе какъ нибудь уйдти отъ встрѣчи съ нами.

Говоря о преслѣдованіи нашемъ войскъ Измаплъ-паши, отступленіе которыхъ (если судить по громадной массѣ бросаемаго ими имущества всѣхъ родовъ, встрѣчаемаго нами на протяженіи всей дороги) превратилось въ положительное бѣгство—нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ трудностей, съ какими преслѣдованіе это было

сопряжено для нашихъ войскъ, и въ особенности для нашего авангарда.

Слѣдуя по пятамъ непріятеля форсированнымъ маршемъ, по дорогамъ которыя были крайне испорчены дождемъ, шедшимъ почти ежедневно, солдаты наши просто выбивались изъ силъ, дѣлая иногда (въ авангардѣ) суточные переходы верстъ въ 60. А если къ этому прибавить и то, что сухарная дача, имѣвшаяся на людяхъ, должна была быть растянута въ той мѣрѣ, въ какой только это представлялось возможнымъ, въ виду того, что обозъ нашъ не могъ поспѣвать за нами и застрялъ еще при подъемѣ на Агры-дагъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ и то, что страшная трата физическихъ силъ солдата не вознаграждалась въ должной степени его питаніемъ, словомъ сказать, ему приходилось совершать свои форсированные переходы полуголоднымъ. Къ тому-же наступившіе холода во время ночи, повсемѣстная слякоть и сырость были для него чувствительны въ особенности еще и потому, что буквально у трехъ четвертей изъ нихъ не было сапоговъ, которые замѣнялись самодѣльными поршнями; что же касается до тѣхъ средствъ, которыми могъ располагать солдатъ въ борьбѣ съ чувствительнымъ холодомъ, то всѣ эти средства заключались въ потертой шинели, составлявшей единственный источникъ теплоты, столь необходимой въ подобное время для изнуреннаго тѣла.

При только-что описанныхъ условіяхъ похода, войска наши безпрепятственно заняли сел. Кара-килисса, гдѣ, оставивъ 4-й баталіонъ кубинскаго полка для обезпеченія своего тыла и наблюденія за дорогами въ Битлисъ и Хнысъ-Кала, двинулись дальше черезъ сел. Зейдеканъ, Даяръ, перевалъ Драмъ-дагъ, мостъ у сел. Кепри-кей и гор. Гасанъ-Кала (*).

Самымъ труднымъ пунктомъ для движенія нашихъ войскъ и въ особенности нашей артилеріи былъ вышеназванный драмъ-дагскій перевалъ, имѣющій 9000 футовъ высоты (**).

(*) Оставляя баталіонъ въ Кара-килиссѣ, въ полку было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: замѣнить слабыхъ и совершенно обносившихся людей 1-го и 2-го баталіоновъ такими людьми 4-го баталіона, которые были поздоровѣе и, сравнительно, одѣты лучше.

(**) Здѣсь была одержана побѣда надъ турками, войсками эриванскаго отряда, 4-го іюня 1877-го года.

Кромѣ того, на горахъ Драмъ-дагъ, а въ особенности по западному ихъ склону, въ скалистомъ и узкомъ ущельѣ Кара-Дербентъ, непріятель могъ имѣть хорошія оборонительныя позиціи для того, чтобы попытаться дать намъ отпоръ. Этого отпора, однако, не воспослѣдовало и главныя силы эриванскаго отряда, перейдя мостъ черезъ р. Аракс у сел. Кепри-кей, вступили въ гор. Гасанъ-Кала 21-го октября; авангардъ же нашъ, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Амилахвари, еще 19-го числа того-же мѣсяца, прибылъ въ лагерь генерала Геймана, расположенный у сел. Куруджукъ, находящагося въ пасинской равнинѣ.

Несмотря на стараніе генерала Геймана отрѣзать путь отступленія войскамъ Измаилъ-паши, послѣднему всетаки удалось, съ большими усиліями, соединиться съ разбитою арміею Мухтаръ-паши и расположиться, въ ночь съ 17-го на 18-е число октября мѣсяца, на укрѣпленной позиціи Деве-Бойну. Турецкія войска были разстроены и деморализованы въ это время настолько, что предполагать съ ихъ стороны особой стойкости и упорства, при оборонѣ занятой ими позиціи, было немыслимо. Полученныя нами свѣдѣнія изъ турецкаго лагеря говорили о томъ, что болѣзненность и побѣги въ рядахъ непріятеля достигли громадныхъ размѣровъ. Все это заставило генерала Геймана рѣшиться нанести ему, не давая опомниться, окончательный ударъ, вслѣдъ за которымъ можно бы было, овладѣвъ такою важною позиціею, какъ Деве-Бойну, идти прямо на Эрзерумъ и угрожать нашему врагу въ самомъ сердцѣ его малоазіятскихъ владѣній. Такимъ образомъ, штурмъ укрѣпленной турецкой позиціи на Деве-Бойну былъ рѣшенъ. Оставалось всесторонне обдумать детали исполненія этого предпріятія, громадное значеніе результатовъ котораго было очевидно: въ случаѣ нашего успѣха, предстоявшій бой долженъ былъ закончить прочное занятіе нами непріятельской территоріи, вплоть до г. Эрзерума.

Но для того, чтобы не рисковать такимъ важнымъ для насъ дѣломъ и чтобы возможно лучше обезпечить за собою успѣхъ, начальникъ соганлугскаго отряда рѣшилъ дождаться прибытія главныхъ силъ эриванскаго отряда.

Какъ уже было замѣчено выше, главныя силы отряда генерала Тергукасова прибыли въ г. Гасань-Кала 21-го октября. Но солдаты этого отряда, двигаясь форсированнымъ маршемъ впродолженіи 15-ти дней, были настолько утомлены, что предпринимать съ ними что-либо рѣшительное, безъ нѣкотораго отдыха, было просто физически невозможно. Вотъ почему и было рѣшено, дѣлая самые незначительные переходы, верстъ въ 10—15, стянуть, не утомляя, въ теченіи 21-го и 22-го октября войска эти къ куруджукскому лагерю, а 23-го числа того-же мѣсяца предпринять атаку противъ Деве-Бойну.

Относительно провіантскаго и приварочнаго довольствія полка, за описанный періодъ времени, можно сказать слѣдующее:

Вмѣстѣ съ началомъ преслѣдованія отступавшихъ войскъ Измаилъ-паши, рѣзко измѣнилась и та акуратность въ своевременномъ снабженіи полка сухарями, какая была въ этомъ важномъ дѣлѣ до этого времени. Вынужденныя совершать переходы форсированнымъ маршемъ и оставивъ далеко за собою весь свой обозъ, войска наши должны были растягивать имѣвшуюся на рукахъ сухарную дачу до того, что людямъ приходилось подчасъ просто голодать. Отрядное интендантство наше, въ это горячее время, оказалось далеко не на высотѣ своего назначенія, и сформированный имъ верблюжій транспортъ не поспѣвалъ за войсками. Изъ частей кубинскаго полка, въ особенно невыгодное положеніе по отношенію къ описываемому довольствію, были поставлены 1-й и 2-й баталіоны, которымъ пришлось слѣдовать въ составѣ войскъ генерала Тергукасова, вплоть до присоединенія къ соганлугскому отряду генерала Геймана. Что же касается до 3-го и 4-го баталіоновъ кубинцевъ, то будучи оставлены, какъ объ этомъ говорилось въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, въ мысупской долинѣ и въ сел. Кара-килисса, баталіоны эти, конечно, не терпѣли того, что выпало на долю ихъ товарищей. Какъ въ Мысупѣ, такъ и въ сел. Кара-килисса оказались склады конфискованной нами муки превосходнаго качества, которая и расходовалась на провіантъ въ эти части.

Не лучше было въ это время и состояніе приварочнаго до-

вольствія. И въ этомъ отношеніи 1-й и 2-й баталіоны полка были подвержены полнѣйшей случайности: правильной варки горячей пищи не было, а если таковую и приходилось имѣть подчасъ, то певсегда, вмѣстѣ съ нею, солдатъ могъ расчитывать на мясную порцію. Законтрактованные баталіонами маркитанты, застигнутые врасплохъ и не имѣя подъ рукою своихъ перевозочныхъ средствъ, отставшихъ съ прочими тяжестями отряда далеко сзади, оказались вполнѣ неисправными. Операція ихъ подрядовъ, болѣе чѣмъ когда-либо, обнаружила себя въ эти трудныя минуты совершенно неорганизованной на сколько-нибудь цѣлесообразныхъ началахъ.

Что же касается санитарнаго состоянія полка за это время, то оно—въ виду только-что описанныхъ крайне невыгодныхъ условій продовольствія людей, а также въ зависимости отъ тѣхъ трудностей, съ которыми было сопряжено преслѣдованіе корпуса Измаилъ-паши—конечно, не могло быть благопріятнымъ, что и выразилось въ чрезмѣрномъ повышеніи цифры больныхъ чиновъ полка. Эта цифра, была равна: для офицеровъ—3, а для нижнихъ чиновъ—220 человѣкамъ (*).

Не можетъ подлежать сомнѣнію то, что сильное изнуреніе и крайне плохое питаніе, сопровождавшія войска наши въ описываемый періодъ времени, немало способствовали развитію впослѣдствіи тифозной эпидеміи въ средѣ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ.

(*) Отчетъ кубинскаго полка, за октябрь мѣсяцъ 1877-го года.

ГЛАВА VIII.

Атака укрѣпленной турецкой позиціи на высотахъ Деве-Бойну, 23-го октября 1877-го года.—Попытка ночнаго штурма эрзерумскихъ фортовъ, произведенная 28-го октября 1877-го года.

Наканунѣ присоединенія главныхъ силъ эрзерумскаго отряда къ войскамъ генерала Геймана, а именно 21-го октября, изъ куруджукскаго лагеря была произведена тщательная рекогносцировка позиціи Деве-Бойну. Въ ней участвовали всѣ генералы, командиры полковъ и начальники штабовъ. Въ результатѣ этой рекогносцировки выяснилось, что хотя позиція Деве-Бойну сама по себѣ почти неприступна, но что въ данномъ случаѣ занимавшія ее турецкія войска, вопервыхъ—не соотвѣтствуютъ числительностью длинѣ ея фронта, а вовторыхъ—сгруппировавшись преимущественно на флангахъ, имѣютъ весьма слабую связь въ центрѣ, гдѣ проходила эрзерумская дорога. Кромѣ послѣдняго обстоятельства, тактическая сила непріятельской позиціи на Деве-Бойну могла не проявить себя въ надлежащей степени, на этотъ разъ, еще и потому, что турецкія войска, какъ и въ минувшія войны, заняли ее послѣ крупной неудачи на Аладжа-дагѣ, которая, дезорганизовавъ ихъ окончательно, исключала возможность упорнаго сопротивленія съ ихъ стороны. Вотъ историческіе факты, могущіе оправдать только-что приведенное соображеніе:

«Утромъ 26-го іюня 1829-го года, корпусъ фельдмаршала графа Паскевича занялъ позицію Деве-Бойну, проведя ночь у подошвы ея, при сел. Неби-кей. Въ это время сераскиръ, достигшій Эрзерума съ остатками разбитыхъ при Каннлахѣ войскъ, потерялъ нѣсколько часовъ въ нерѣшительности, пока не былъ принужденъ жителями сдать городъ».

«Въ 1855-мъ году, въ ночь съ 21-го на 22-е іюля, Вели-паша отступилъ съ позиціи у Кепри-кея и 22-го числа занялъ Деве-Бойну. По свидѣтельству французскаго и англійскаго консуловъ, бывшихъ очевидцами отступленія турецкихъ войскъ, движеніе это было такъ безпорядочно, что еслибъ нашъ отрядъ продолжалъ

преслѣдованіе, то не встрѣтилъ бы сопротивленія на Деве-Бойну и тѣмъ менѣе передъ Эрзерумомъ» (*).

Точно также, какъ и въ описанныхъ случаяхъ, взятыхъ нами изъ минувшихъ войнъ съ турками, войска Мухтара и Измаила пашей, соединившись у Кепри-кея, отступили въ ночь съ 17-го на 18-е октября 1877-го года на позицію Деве-Бойну въ такомъ безпорядкѣ, благодаря энергическому преслѣдованію отрядовъ генерала Геймана и генерала Тергукасова, что полнѣйшее пораженіе нашего непріятеля, однимъ быстрымъ ударомъ—было внѣ всякаго сомнѣнія.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, намѣреніе атаковать турокъ на Деве-Бойну перешло въ окончательное рѣшеніе, и бой былъ назначенъ на 23-е октября, т. е. на другой день послѣ того, какъ войска согаплугскаго и эриванскаго отрядовъ соединились въ куруджукскомъ лагерѣ.

Такъ какъ тактическая сила и значеніе мѣстности, на которой предстояло произойти сраженію, покрывшему славою имя кубинцевъ, заслужившихъ въ этомъ дѣлѣ серебряныя трубы, будутъ вполнѣ понятны только изъ ея топографическаго описанія, то мы и приступимъ къ таковому, руководствуясь брошюрою подполковника Филиппова: «Военно-топографическій и стратегическій обзоръ сѣверо-восточныхъ провинцій азіятской Турціи».

Высокій и скалистый хребетъ Думли-дагъ оканчивается горами Гяуръ-дагъ, упирающимися въ сѣверныя окраины эрзерумской равнины, и хребтомъ Карги-Базаръ, котораго уступы окаймляютъ равнину Пасина съ сѣвера. Съ юга же вышеназванныя равнины ограничиваются горами Паланъ-текенъ и ихъ восточными отрогами. Обѣ эти горныя системы—Думли-дагъ и Паланъ-текенъ-дагъ, соединяются безлѣсными горами Деве-Бойну (верблюжья шея) которыя тянутся прямо на сѣверъ, отдѣляя пасинскую равнину отъ эрзерумской, примыкая къ горамъ Паланъ-текенъ у скалистой вершины Кабыръ-тапа и къ карабаязидскимъ—за сел. Кечкъ.

(*) «Военно-топографическій и стратегическій обзоръ сѣверо-восточныхъ провинцій азіятской Турціи» генеральнаго штаба подполковника Филиппова, стр. 62.

Самая доступная часть горъ Деве-Бойну, имѣющая видъ сѣдловины, находится противъ Эрзерума, а потому здѣсь и проходитъ прямо на востокъ, къ сел. Узунъ-Ахматъ, важнѣйшая и наиболѣе удобная дорога, именуемая большой эрзерумской дорогой. Что же касается до нѣсколькихъ дорогъ, проходящихъ черезъ деве-бойнскій хребетъ въ различныхъ мѣстахъ, а именно черезъ селенія Туй и Кечкъ, то пути эти крайне неудобны для движенія по нимъ и требуютъ значительной разработки.

Такимъ образомъ, единственный удобный доступъ къ Эрзеруму, возможный для движенія нашихъ войскъ, былъ именно по большой эрзерумской дорогѣ, которая, дойдя до хребта Деве-Бойну, огибаетъ высоту Узунъ-Ахматъ и затѣмъ, пролегая по узкому ущелью, ведетъ прямо къ Эрзеруму и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляетъ Деве-Бойну на двѣ половины. Правая половина этой позиціи упирается въ отроги хребта Паланъ-текенъ, почти недоступнаго для движенія; лѣвая же примыкаетъ къ высотамъ Чобанъ-Дагъ, черезъ которыя и проходитъ, упомянутая уже выше, трудная вьючная дорога (разработанная нами впослѣдствіи) на селенія Туй и Кечкъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ военномъ отношеніи хребетъ Деве-Бойну совершено преграждаетъ доступъ въ эрзерумскую равнину со стороны Карса. Въ тактическомъ смыслѣ, позиція эта обладаетъ многими весьма важными достоинствами, дѣлающими ее почти недоступной. Отлогіе восточные скаты, пастильно обстрѣливаемые артилеріею съ гребня горъ, нигдѣ не представляютъ наступающему возможности скрытно приблизиться къ позиціи, а гладкая и обширная равнина Пасина дозволяетъ внимательному противнику слѣдить за каждымъ движеніемъ войскъ наступающаго. Центральная часть позиціи находящаяся по обѣ стороны большой дороги, наименѣе возвышена надъ равниной, но обстрѣливается перекрестнымъ огнемъ, по мѣрѣ же удаленія къ флангамъ, горы возвышаются. Это послѣднее свойство описываемой мѣстности идетъ въ разрѣзъ съ интересами обороняющагося, потому что даетъ возможность атакующему, занявъ одинъ изъ фланговъ, легко сбить противника съ остальныхъ пунктовъ. Кромѣ того, къ недостаткамъ этой позиціи какъ оборонительной, можно отнести и ея

большое протяженіе—до 25-ти верстъ, которое требуетъ отъ обороняющагося искусныхъ распоряженій, тѣмъ болѣе, что внутреннее пространство позиціи, пересѣченное оврагами, значительно замедлятъ и затрудняетъ сообщеніе между ея частями, равномѣрное же занятіе войсками заблаговременно всего пространства неминуемо должно было отразиться слабостью сопротивленія въ каждомъ пунктѣ отдѣльно.

Занявъ, только что описанную позицію на высотахъ Деве-Бойну, турки расположились на ней слѣдующимъ образомъ: въ центрѣ позиціи, представлявшемъ собою ровную возвышенность Узунъ-Ахматъ, находился незначительный густо сгруппированный непріятельскій лагерь, прикрытый траншеями и батареею. Цѣль этого лагеря заключалась въ прикрытіи большой эрзерумской дороги. Правый флангъ позиціи, представлявшій собою три большіе холма, былъ, въ свою очередь, усиленъ траншеями и батареями. Здѣсь также виднѣлся небольшой передовой турецкій лагерь, за которымъ, спрятавшись въ лощинѣ за холмами, былъ расположенъ главный лагерь непріятеля. На лѣвомъ же флангѣ своей позиціи, состоящемъ изъ высоты Чобанъ-дага, турки расположили горныя и полевыя орудія и заняли его четырмя баталіонами пѣхоты. Съ послѣднихъ скатовъ Чобанъ-дага и съ гребня высоты Узунъ-Ахматъ открывалась полная возможность обстрѣливать поперечнымъ огнемъ оврагъ, разрѣзывающій на двѣ половины Деве-Бойну, по которому проходитъ, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше, дорога въ Эрзерумъ.

Соображая относительное значеніе различныхъ частей турецкой позиціи на высотахъ Деве-Бойну, можно придти къ заключенію, что верхнее плато высоты Узунъ-Ахматъ было для турокъ, въ одно и то же время, и тактическимъ и стратегическимъ ключемъ описываемой позиціи: съ занятіемъ его, перевалъ эрзерумской дороги, на которомъ былъ центръ непріятельскаго расположенія, попадалъ подъ ближайшій ружейный огонь съ Узунъ-Ахмата, а правый флангъ турокъ не имѣлъ другаго пути отступленія, кромѣ трудныхъ горныхъ тропинокъ, ведущихъ черезъ Паланъ-текенъ.

Позиція эта была занята непріятелемъ въ составѣ 60-ти баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ полковъ кавалеріи и до 50-ти орудій, въ числѣ которыхъ было 8-мь крѣпостныхъ 6-ти дюймовыхъ (*).

На основаніи самаго подробнаго осмотра только-что описанной позиціи непріятеля, была составлена диспозиція для боя на 23-е октября.

По прибытіи въ куруджукскій лагерь, въ ночь съ 22-го на 23-е число, главныхъ силъ эриванскаго отряда, въ частяхъ войскъ соединенныхъ отрядовъ была получена диспозиція для предстоящаго на утро боя. Эта поспѣшность оправдывалась еще и тѣмъ соображеніемъ, что Мухтаръ-паша, съ часу на часъ, ждалъ свѣжихъ подкрѣпленій, въ количествѣ 12-ти баталіоновъ пѣхоты, направленныхъ къ нему изъ Трапезонда.

Вѣсть о предполагаемомъ дѣлѣ слѣдующаго дня, еще до объявленія диспозиціи, полученной кубинцами около 11-ти часовъ ночи, быстро облетѣла нашъ лагерь. Начали дѣлаться соотвѣтственныя распоряженія о снабженіи людей сухарями, фунтовыми порціями мяса, патронами и т. д.; фельдфебеля бѣгали по всѣмъ направленіямъ лагеря, за полученіемъ всевозможныхъ приказаній для передачи ихъ въ роты. Словомъ, въ лагерѣ нашемъ закипѣла та суетливая походно-боевая жизнь, въ которой весьма рельефно и характерно выражается душевная тревога всѣхъ и каждаго, какъ офицера, такъ и солдата, наканунѣ ожидаемаго боя. Переживая эту торжественную минуту въ жизни воеинаго человѣка, каждому изъ насъ, конечно, весьма естественно было не походить на тѣхъ, какими мы являемся въ обыкновенную, обыденную минуту нашей жизни. . . Кто знаетъ, что ждетъ тебя завтра? Кто скажетъ, наконецъ, что это завтра не будетъ твоимъ послѣднимъ днемъ?— Вотъ вопросы, переживая которые каждый человѣкъ становится цѣлой головой выше своей собственной обыденной личности. Въ такія минуты каждый невольно увлекается болѣе высокими, без-

(*) «Турецкая кампанія 1877-го—1878-го годовъ», составленная по официальнымъ документамъ Н. Сѣдельниковымъ. Т. II.—По свидѣтельству же корреспондента англійской газеты «Times», г-на Шормана, численность войскъ Мухтаръ-паши равнялась 16-ти тысячамъ штыковъ, при 60-ти орудіяхъ.

корыстными побужденіями, стремится положить на алтарь своего отечества самую дорогую принадлежность собственной личности— свою жизнь, и охотно желаетъ, цѣною пролитой на полѣ брани крови, отстоять безопасность, благоденствіе, славу и честь своей родины. . . Но человѣкъ остается человѣкомъ, со всѣми присущими его натурѣ слабостями, и въ торжественныя минуты его жизни, онъ не можетъ отрѣшиться вполнѣ отъ такихъ органическихъ инстинктовъ, какъ чувство самосохраненія. Это-то послѣднее чувство, обыкновенно, и ложится на душу тяжелымъ камнемъ наканунѣ каждаго боя.

Такимъ же своеобразнымъ характеромъ отличалась и ночь, проведенная нами съ 22-го на 23-е октября, въ виду грозной турецкой позиціи на Деве-Бойну и въ ожиданіи на утро серьезнаго дѣла.

Настало, наконецъ, и роковое утро, обѣщавшее отличную погоду. Вслѣдъ за раннимъ солдатскимъ обѣдомъ, около 5½ часовъ утра, баталіоны выстроились и стали въ ружье. Къ нимъ подъѣхалъ генералъ Геймапъ, поздоровался съ солдатами и поздравилъ ихъ съ будущею побѣдою. Точно такъ же привѣтствовалъ солдатъ и генералъ Тергукасовъ. Обычное «постараемся» было отвѣтомъ солдатъ на привѣтствіе этихъ начальниковъ.

Въ 6-ть часовъ утра всѣ войска выступили изъ лагеря и заняли опредѣленныя имъ по диспозиціи мѣста, въ слѣдующемъ порядкѣ (*):

Колонна полковника князя Амираджиби, въ составъ которой вошли 1-й и 2-й баталіоны кубинцевъ, впереди сел. Чифтликъ составляла правый флангъ нашей боевой линіи; впереди ея и влѣво находилась артилерія колонны генералъ-маіора Бропевскаго, въ числѣ 30-ти орудій, причемъ лѣвый флангъ этой артилеріи находился нѣсколько впереди селенія Пуси-дара; за этой линіей артилеріи стала колонна генерала Бропевскаго, которой правый

(*) Дальнѣйшія подробности этого описанія мы заимствуемъ изъ «дневника сагаплугскаго отряда», помѣщеннаго въ февральской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1878-й годъ.

Авт.

флангъ упирался къ сел. Чифтликъ, а лѣвый находился влѣво отъ сел. Пуси-дара, къ сторонѣ большой эрзерумской дороги. Позади колонны генерала Бропевскаго, внѣ пушечнаго выстрѣла, расположилась кавалерія генерала Келбали-Хана - Нахичеванскаго. Между селеніями Ханджугасъ и Гюлли заняла позицію колонна генералъ-маіора фонъ-Шака; вправо отъ нея, до эрзерумской дороги, развернулись 48-мь орудій изъ колонны генералъ-маіора Авинова, пѣхота которой перестроилась въ боевой порядокъ позади своей артилеріи. Близъ эрзерумской дороги, внѣ пушечнаго выстрѣла, стала кавалерія генералъ-маіора князя Амилахвари.

При перестроеніи вышеописаннаго боеваго порядка, въ три четверти десятаго утра, раздался первый пушечный выстрѣлъ со стороны турокъ, и вслѣдъ затѣмъ открыла огонь вся турецкая артилерія.

Вмѣстѣ съ первымъ непріятельскимъ выстрѣломъ, въ рядахъ нашихъ войскъ развернулись знамена.

Подойдя на разстояніе 1200—1600 саженей, наша артилерія открыла также безостановочный огонь, причемъ огонь артилеріи праваго фланга былъ сосредоточенъ противъ лѣвой окопечности плато Узунъ-Ахмата, предназначенной для атаки колонною полковника князя Амираджиби, а огонь артилеріи нашего лѣваго фланга дѣйствовалъ по батареямъ турецкаго праваго фланга.

Вслѣдъ за устройствомъ нашего боеваго порядка и открытіемъ огня турками, оказалось, что холмъ, находящійся у Чобанъ-дага, занятъ непріятелемъ двумя баталіонами пѣхоты и двумя сотнями кавалеріи; кромѣ того, верховье оврага, проходящаго между Чобанъ-дагомъ и возвышенностью Узунъ-Ахматъ, также было занято густою турецкою цѣпью и пятью полевыми орудіями. Такъ какъ дѣйствіе этихъ войскъ поддерживалось еще огнемъ семи горныхъ и полевыхъ орудій, расположенныхъ на скалистомъ гребнѣ Чобанъ-дага, какъ выше замѣчено, также занятаго тремя или четырмя баталіонами пѣхоты, то немедленная атака высоты Узунъ-Ахматъ колонной полковника князя Амираджиби была немыслима, такъ какъ войска этой колонны подверглись бы обстрѣлу съ трехъ сторонъ—съ высотъ Узунъ-Ахмата, Чобанъ-дага и его склона, и

продольному огню съ верховья оврага, проходящаго черезъ Деве-Бойну.

При такомъ условіи подготовка атаки полковника князя Амираджиби не могла ограничиться однимъ артилерійскимъ огнемъ; необходимо было предварительно очистить холмъ, находящійся у подошвы Чобанъ-дага, и ослабить огонь артилеріи, расположенной у верховья вышеназваннаго оврага. Для первой цѣли изъ резерва (колонны генерала Броневскаго) были выдвинуты 3-й и 4-й баталіоны крымскаго полка, которые атаковали холмъ у Чобанъ-дага со стороны сел. нижній Туй, частью съ фронта, и заставили турокъ его очистить. Такимъ образомъ былъ совершенно обезпеченъ тылъ колонны полковника князя Амираджиби.

Одновременно съ дѣйствіемъ крымскихъ баталіоновъ, были выдвинуты на позицію, по продолженію оврага, одна батарея, находившаяся при колоннѣ князя Амираджиби, и 1-я батарея кубанскаго войска, изъ колонны генерала Хана-Нахичеванскаго. Сверхъ того, правофланговой батареѣ изъ колонны генералъ-маіора Броневскаго было приказано дѣйствовать по тому же оврагу. Къ этому времени вся линія нашихъ батарей приблизилась къ турецкой позиціи на разстояніе до 800 саженей.

Удачное дѣйствіе этихъ трехъ батарей значительно ослабило огонь непріятельскихъ орудій въ верховьи оврага. Всѣми этими дѣйствіями атака колонны князя Амираджиби была уже достаточно подготовлена; оставалось только усиленно обстрѣлять предназначенную для атаки часть возвышенности Узунъ-Ахматъ.

Въ виду близкой развязки, кавалерія Хана-Нахичеванскаго была придвинута ближе къ боевой линіи и поставлена близъ сел. Чифтликъ, гдѣ хотя и находилась въ сферѣ дальнаго турецкаго артилерійскаго огня, но вовсе не терпѣла отъ выстрѣловъ, такъ какъ все вниманіе непріятеля было обращено на войска князя Амираджиби и на два баталіона крымцевъ.

Впродолженіи этого времени, на нашемъ лѣвомъ флангѣ положеніе дѣлъ было слѣдующее: по занятіи позиціи колонной генерала фонъ-Шака, войска начали наступленіе, и за двѣ версты до сел. Гюлли были встрѣчены сильнымъ фланговымъ огнемъ турецкой

артилеріи, которая съ высотъ ихъ праваго фланга стрѣляла преимущественно по нашей артилеріи. Генералъ фонъ-Шакъ направилъ шедшую впереди саперную роту, поддержанную двумя ротами пѣхоты, къ сел. Гюлли, занятому турецкимъ кавалерійскимъ пикетомъ. Послѣ короткой ружейной перестрѣлки, вышеназванное селеніе было занято нами. Одновременно съ движеніемъ трехъ ротъ къ Гюлли, баталіонъ тифлисскаго гренадерскаго полка, съ 2-мя сотнями волгскихъ казаковъ, былъ направленъ лѣвѣе сел. Гюлли для занятія высотъ надъ этимъ селеніемъ и лежащаго впереди ихъ ущелья. Между тѣмъ, турки выдвинули изъ общаго ихъ кавалерійскаго лагеря, со стороны селеній Топалахъ и Неби-кей, около двухъ сотенъ кавалеріи къ тому же оврагу, къ которому былъ направленъ и баталіонъ тифлисцевъ, но, однако, эти послѣдніе предупредили ихъ.

Выяснивъ направленіе наступавшей колонны генерала фонъ-Шака, турки начали стягивать противъ лѣваго фланга послѣдней свою пѣхоту и кавалерію, съ частью полевой и горной артилеріи. Къ 12-ти часамъ дня, непріятель успѣлъ такимъ образомъ сосредоточить противъ фланга и центра войскъ генерала фонъ-Шака до 16-ти орудій. Кромѣ того, для поддержки своей боевой линіи, турки направили туда спѣшенныя части своей кавалеріи и около трехъ баталіоновъ пѣхоты, но наша полубатарея, выдвинутая впередъ къ самому сел. Гюлли, заставила названныя подкрѣпленія непріятеля уклониться въ сторону и совершить большой обходъ.

Сосредоточивъ, къ двумъ часамъ пополудни, противъ лѣваго фланга войскъ генерала фонъ-Шака около 8-ми баталіоновъ пѣхоты со спѣшенной кавалеріей, турки перепли сами въ наступленіе, стараясь перейти ущелье правѣе селенія Ехилханъ; одновременно съ этимъ непріятельская пѣхота, расположенная противъ сел. Гюлли, также начала наступленіе на это послѣднее. Но находившіеся здѣсь наши саперы и двѣ роты пѣхоты отбросили турокъ обратно въ оврагъ, проходившій передъ селеніемъ Гюлли.

Замѣтивъ наступленіе турокъ, начавшееся одновременно по всей линіи, генералъ-маіоръ фонъ-Шакъ выдвинулъ изъ своего ре-

зерва на правый флангъ, къ сел. Гюлли, мингрельскій полкъ, а на лѣвый флангъ—остальные баталіоны тифлиссцевъ. Подоспѣвъ въ боевую линію, тифлиссцы отбили атаку 8-ми турецкихъ баталіоновъ и заставили ихъ снова отойти за сел. Ехилхани, возлѣ котораго не мало пострадала въ это время, отъ нашего ружейнаго огня, и турецкая кавалерія.

Между тѣмъ, войска непріятеля, расположенныя на его лѣвомъ флангѣ, получивъ подкрѣпленіе, снова перешли въ наступленіе противъ сел. Гюлли и, занявъ неровности оврага, находящагося передъ этимъ селеніемъ, утвердились тамъ.

Около 4-хъ часовъ пополудни, къ правому флангу непріятеля снова подошли подкрѣпленія изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты и, подъ защитою самаго частаго артилерійскаго огня, турки снова перешли въ наступленіе. Но, заблаговременно, направленный къ нашему лѣвому флангу мингрельскій полкъ, совокупно съ тифлисскимъ, отбилъ эту рѣшительную атаку, вдвое сильнѣйшаго непріятеля, и оттѣснилъ его совершенно за ущелье.

Вмѣстѣ съ движеніемъ мингрельскаго полка въ боевую линію, резервъ генерала фонъ-Шака совершенно истощился, почему туда и былъ направленъ одинъ баталіонъ грузинскаго полка изъ колонны генералъ-маіора Авинова. Такимъ образомъ, къ 5-ти часамъ пополудни, войска генерала фонъ-Шака занимали слѣдующую позицію: селеніе Гюлли и находящійся отъ него влѣво гребень ущелья, идущаго вплоть до начала крутыхъ скатовъ Паланъ-текена, причемъ частности этого расположенія были таковы: въ боевой линіи находились тифлисскій и мингрельскій полки, одна рота саперъ и одна батарея. Въ резервѣ за сел. Гюлли, стоялъ баталіонъ грузинцевъ. Въ такомъ видѣ войска поддерживали перестрѣлку до наступленія сумерекъ, ожидая окончательныхъ результатовъ на нашемъ правомъ флангѣ. На этомъ же послѣднемъ происходило въ это время слѣдующее:

Передъ началомъ атаки колонны князя Амираджиби, изъ резерва, въ которомъ находилась колонна генерала Броневскаго, были выдвинуты по одному баталіону крымцевъ и тамапцевъ, подъ начальствомъ полковника Юрковскаго, на лѣвый флангъ артилеріи

принадлежавшей колоннѣ генералъ-маіора Броневскаго. Цѣль этого передвиженія заключалась въ поддержкѣ войскъ полковника князя Амираджиби, предназначенныхъ для атаки Узунъ-Ахмата.

Съ самаго начала боя, артилерія нашего праваго фланга, почти безъ перерыва, обстрѣливала лѣвую часть возвышенности Узунъ-Ахматъ. Въ теченіи 9-ти часоваго дѣйствія изъ нашихъ орудій, на этой возвышенности было произведено четыре взрыва зарядныхъ ящиковъ, а сел. Узунъ-Ахматъ еще съ утра дымилось въ пламени и было оставлено турками. Для окончательной же подготовки успѣшной атаки, наша артилерія, съ 4-хъ часовъ пополудни, т. е. тотчасъ же по очищеніи непріятелемъ предгорьевъ Чобапъ-дага, открыла самый сильный и частый огонь картечными гранатами, по траншеямъ и по вершинѣ лѣвой оконечности Узунъ-Ахмата. Вслѣдъ за этимъ, полковникъ князь Амираджиби, уже обезпеченный съ тыла, началъ наступленіе, имѣя въ боевой линіи два баталіона (1-й и 2-й) кубинцевъ (*) и три баталіона елисаветпольскаго полка, а во второй линіи 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, два баталіона бакинскаго полка и одинъ елисаветпольскаго (**).

Быстро и настойчиво двигаясь впередъ, штурмовая колонна князя Амираджиби заняла холмы у подошвы Узунъ-Ахмата,

---

(*) Въ «дневникѣ соганлугскаго отряда», помѣщенномъ въ февральской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1878-й годъ, сказано, что изъ частей кубинскаго полка въ описываемомъ дѣлѣ участвовалъ только одинъ баталіонъ. Это—очевидная ошибка: изъ документовъ полка, а также изъ личныхъ показаній участниковъ сраженія видно, что не одинъ, а два баталіона, и именно 1-й и 2-й, кубинцевъ участвовали въ описываемомъ дѣлѣ.

Авт.

(**) Въ подлинномъ «журналѣ военныхъ дѣйствій соганлугскаго отряда, съ 19-го по 24-е октября 1877-го года» значится: вслѣдъ затѣмъ, около 4-хъ же часовъ вечера, полковникъ князь Амираджиби, обезпеченный уже съ своего тыла, открылъ наступленіе, имѣя въ боевой линіи: два баталіона кубинскаго полка и два баталіона елисаветпольскаго, а во второй линіи 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, два баталіона бакинскаго полка и одинъ елисаветпольскаго. (Офиціально).

Ред.

но на этой позиціи была встрѣчена страшнымъ перекрестнымъ огнемъ—ружейнымъ и крупповскихъ орудій, передъ которымъ могъ устоять только русскій солдатъ. Съ верховьевъ широкаго оврага, идущаго черезъ Деве-Бойну, со скалистаго края Чобанъ-дага и съ траншей Узунъ-Ахмата, расположенныхъ въ два яруса, въ насъ полетѣла такая масса пуль и артилерійскихъ снарядовъ, о которой трудно дать, даже приблизительное, понятіе. Вся линія турокъ скрывалась въ дыму, отъ ихъ ружейной и пушечной пальбы.

Неудержимо подвигаясь впередъ, кубинцы и елисаветпольцы, несмотря на осыпавшій ихъ со всѣхъ сторонъ градъ пуль, взобрались, наконецъ, до середины возвышенности Узунъ-Ахматъ. Здѣсь былъ данъ отдыхъ людямъ, двигавшимся все время перекатною цѣпью. Какъ только люди перевели духъ, боевая линія вновь стала подвигаться впередъ, съ прежнею настойчивостью, но крутизна подъема была настолько велика, что черезъ нѣсколько шаговъ спора пришлось положить людей. Вслѣдъ затѣмъ данъ былъ сигналъ для наступленія. Кубинцы, елисаветпольцы, перемѣшавшись съ людьми 3-го стрѣлковаго баталіона, собрались съ силами и, съ крикомъ «ура!», дружно кинулись впередъ по крутой покатости, подъ дождемъ свинца. Террас за террасою, и холмъ за холмомъ, стали переходить въ руки нашихъ войскъ, неудержимо взбиравшихся на крутизны. Наконецъ, обѣ линіи сражавшихся скрылись въ дымѣ и крики «ура» показали, что ни кияя траншея уже очищена штыками отъ турокъ, которые быстро бѣжали на верхнее плато возвышенности, оставивъ въ рукахъ кубинцевъ и елисаветпольцевъ два орудія, въ видѣ трофеевъ.

По занятіи этой траншеи, густая цѣпь нашихъ стрѣлковъ прилегла за ней, стараясь ружейнымъ огнемъ выбить съ вершины Узунъ-Ахмата турокъ, которые начали было уже отступать на правую половину плато. Часть войскъ князя Амираджиби, направленная въ обходъ лѣвой половины Узунъ-Ахмата, быстро подвигалась къ вершинѣ этой возвышенности и дружною атакою, наконецъ, заняла окраину верхняго плато. Оставшійся здѣсь непріятель въ страхѣ бѣжалъ съ поя на правую оконечность высоты, оставивъ намъ одно крѣпостное орудіе.

Не долго шла перестрѣлка между обѣими оконечностями верхняго плато Узунъ-Ахмата, раздѣленными небольшой лощиной. Турецкая цѣпь удержалась здѣсь только для того, чтобы прикрыть отступленіе своихъ баталіоновъ, въ безпорядкѣ толпившихся у единственной тропы, пролегавшей здѣсь между кампями скалистой окраины верхняго плато.

Такъ совершилось занятіе нами Узунъ-Ахмата—этого стратегическаго и тактическаго ключа укрѣпленной турецкой позиціи на высотахъ Деве-Бойну. Этимъ многознаменательнымъ актомъ описываемаго боя успѣхъ былъ окончательно упроченъ за нами, и войскамъ нашимъ оставалось только закончить столь блистательно и геройски исполненную ими задачу, въ памятный день 23-го октября.

Наконецъ, вся высота Узунъ-Ахмата была занята войсками колонны князя Амираджиби и полковника Юрковскаго, подъ начальствомъ котораго одинъ баталіонъ крымцевъ и одинъ баталіонъ таманцевъ, въ свою очередь, участвовали въ атакѣ Узунъ-Ахмата. Вслѣдъ за занятіемъ этой высоты, на нее ввезены были двѣ батареи, но крутизна покатости, по которой онѣ поднимались съ помощью людей и лошадей, была настолько велика, что орудія наши достигли вершины только къ сумеркамъ и не могли, своевременно, открыть стрѣльбы по бѣгущимъ туркамъ.

Такъ какъ въ колоннѣ полковника князя Амираджиби, направленной въ день 23-го октября на штурмъ Узунъ-Ахмата, участвовали, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше, кубинцы, то, въ виду того, что страницы настоящаго труда предназначены описанію участія этого полка въ минувшей кампаніи—здѣсь вполнѣ умѣстно будетъ остановиться на отдѣльныхъ эпизодахъ сраженія на высотахъ Деве-Бойну и по нимъ ознакомиться съ отдѣльными примѣрами того мужества и самопожертвованія, которыя проявили себя въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ чиновъ кубинскаго полка.

Когда колонна князя Амираджиби заняла холмы у подошвы Узунъ-Ахмата и здѣсь была встрѣчена страшнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ—въ рядахъ личнаго состава офицеровъ кубинскаго полка появились жертвы геройски исполненнаго долга,

краснорѣчиво засвидѣтельствовавъ собою то самоотверженіе, на какое бываютъ способны русскіе люди, когда затрогиваются интересы и честь ихъ родины.

Ни масса турецкаго свинца, ни смерть и разрушеніе, которыя приносила съ собою въ ряды наши каждая турецкая граната — ничто не смущало кубинцевъ, безостановочно шедшихъ впередъ, съ своими офицерами во главѣ. Подавая собою примѣръ, многіе изъ этихъ послѣднихъ запечатлѣли кровью преданность своему долгу (*).

(*) Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія объ этихъ офицерахъ:

Подпоручикъ князь Аваловъ.—Происходилъ изъ князей тифлисской губерніи. Онъ родился въ 1855-мъ году и воспитаніе получилъ сначала въ 1-ой петербургской военной гимназіи, а затѣмъ въ 1-мъ военномъ павловскомъ училищѣ, гдѣ и окончилъ курсъ наукъ по второму разряду.

Начавшаяся въ 1877-мъ году, война съ турками застала князя Авалова въ томъ возрастѣ, когда онъ только-что достигъ совершеннолѣтія. Обладая открытымъ характеромъ, доброю душою и отличаясь хорошими и честными правилами, этотъ въ высшей степени симпатичный юноша располагалъ къ себѣ каждаго, кто зналъ его. Вотъ почему, будучи назначенъ въ 1874-мъ году полковымъ адъютантомъ, онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ тому положенію, какое имѣетъ это званіе въ обществѣ полковыхъ офицеровъ. Въ самомъ началѣ войны, князь Аваловъ сдалъ должность адъютанта и сдѣлался младшимъ офицеромъ 1-й роты. Его мужественная и въ высшей степени честная натура жаждала такой дѣятельности, которая бы всецѣло соприкасалась непосредственнымъ образомъ съ той средой, изъ которой по преимуществу вышли герои прошедшей кампаніи. Вотъ почему на первый же призывъ желавшихъ поступить въ команду охотниковъ, сформированную подъ Карсомъ, въ періодъ лѣтняго бомбардированія этой крѣпости—князь Аваловъ откликнулся со всѣмъ пыломъ молодости, которая жаждала доказать на дѣлѣ свою готовность пожертвовать всѣмъ дорогимъ въ жизни для того, чтобы отстоять благоденствіе, безопасность, славу и честь своего отечества. И онъ оставался вѣренъ этому стремленію до конца своей безвременно угасшей жизни. Въ періодъ вышеупомянутаго бомбардированія кр. Карса, когда онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ траншей-маіору, должность котораго исправлялъ покойный графъ Граббе, затѣмъ въ дѣлѣ съ турками 15-го сентября на каравансарайскомъ перевалѣ и, наконецъ, въ сраженіи 23-го октября на высотахъ Деве-Бойну—князь Аваловъ вездѣ замѣтно выдѣлялся своею личною храбростью и беззавѣтною преданностью долгу честнаго воина. День 23-го октября былъ роковымъ для

Такъ палъ здѣсь молодой, едва достигшій совершеннолѣтія юноша, прапорщикъ Резухинъ. Пронзанный двумя пулями въ животъ и погу, онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, черезъ нѣсколь-

---

этого симпатичнаго юноши: онъ былъ убитъ наповалъ..... Миръ праху твоему, добрый товарищъ!...

Только на третій день боя, товарищи убитаго нашли его, среди груды тѣлъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ поля битвы. Дорогой трупъ былъ покрытъ, вмѣсто савана, первымъ снѣгомъ, выпавшимъ въ день сраженія. Спокойно, тихо и даже красиво было лицо убитаго. Только при болѣе внимательномъ взглядѣ можно было замѣтить, что здоровый, молодой организмъ долго боролся со смертью и, не пересиливъ ея, погасъ, съ выраженіемъ мучительныхъ вспышекъ жизни....

Князь Авалонъ похороненъ въ пасмской долинѣ, близъ города Гассанъ-Кала. Съ его одинокой могилы открывается превосходный видъ на Деве-Бойну...

Прапорщикъ Резухинъ.—Сынъ дьякона г. Вологды. Родился въ 1857-мъ году и воспитаніе получилъ въ вологодскомъ духовномъ училищѣ. Поступивъ на службу унтеръ-офицеромъ, съ выслугою трехъ мѣсяцевъ за рядоваго, въ 140-й зарайскій полкъ, въ 1873-мъ году, Резухинъ, вскорѣ затѣмъ (въ 1875-мъ году), поступилъ въ казанское юнкерское училище, откуда въ іюлѣ 1877-го года и переведенъ въ 155-й пѣхотный кубинскій полкъ, съ производствомъ въ прапорщики. Прибывъ къ полку, уже во время войны, двадцати-лѣтнимъ юношей, Резухинъ участвовалъ въ дѣлѣ 15-го сентября, честно выполняя скромную роль субалтернъ-офицера. Въ сраженіи съ турками 23-го октября на укрѣпленныхъ высотахъ Деве-Бойну, онъ былъ смертельно раненъ двумя пулями и умеръ 30-го октября 1877-го года въ подвижномъ лазаретѣ кавказской гренадерской дивизіи, расположенномъ въ г. Гассанъ-Кала, съ спокойною совѣстью и съ полнымъ сознаніемъ честно и самоотверженно исполненнаго долга... Догорѣла эта молодая жизнь также тихо и скромно, какъ скромно было и начало самостоятельнаго существованія покойнаго Резухина...

Капитанъ Наумовъ.—Сынъ священника воронежской губерніи. Воспитывался въ воронежской духовной семинаріи. Поступивъ на службу въ 1855-мъ году въ тобольскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича полкъ унтеръ-офицеромъ, Наумовъ вскорѣ былъ переведенъ на Кавказъ, въ тенгинскій пѣхотный полкъ. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ 1860-мъ году въ прапорщики съ переводомъ въ самурскій пѣхотный полкъ. Участвуя въ походахъ противъ горцевъ въ періодъ 1858-го—1859-го годовъ, въ мирное время онъ исправлялъ должность баталіоннаго адъютанта въ полку и, былъ командированъ, по распоряженію начальника 21-й пѣхотной дивизіи, въ составъ военно-судной коммиссіи,

ко дней послѣ битвы. Здѣсь же былъ убитъ наповалъ и другой такой же молодой офицеръ, подпоручикъ князь Аваловъ, въ то время, когда онъ, не взирая на явную опасность, заботливо подавалъ помощь раненому Резухину... Пуля, ударивъ въ правое плечо и пройдя сквозь сердце, остановилась между лѣвыми ребрами, лишивъ этого симпатичнаго юношу жизни, почти моментально.... Эти двѣ безвременно угасшія жизни—лучшая и самая чистая жертва, принесенная кубинцами на алтарь славы ихъ дорогаго отечества...

учрежденной въ 1866-мъ году, по поводу безпорядковъ въ ширванскомъ пѣхотномъ полку. Въ 1868-мъ году Наумовъ былъ переведенъ въ 155-й пѣхотный кубинскій полкъ.

Состоя на лицо въ полку съ самаго начала войны, капитанъ Наумовъ находился во время перваго періода бомбардированія Карса, участвовалъ въ сраженіяхъ 1-го августа, 8-го и 15-го сентября и, наконецъ, былъ смертельно раненъ, при штурмѣ укрѣпленной турецкой позиціи Деве-Бойну 23-го октября, исправляя въ это время обязанность баталіоннаго командира. Это былъ вполнѣ хорошій боевой офицеръ, честный человѣкъ и отличный товарищъ.—Наумовъ умеръ 29-го ноября, въ г. Гассанъ-Кала, гдѣ и похороненъ.

Прапорщикъ Александровъ.—Происходилъ изъ мѣщанъ оренбургской губерніи. Родился въ 1856-мъ году и образованіе получилъ въ оренбургской гражданской гимназіи. Поступивъ на службу въ 159-й пѣхотный гурійскій полкъ, на правахъ вольноопредѣляющагося 3-го разряда, въ 1873-мъ году, Александровъ, на слѣдующій годъ, поступаетъ въ казанское юнкерское училище, откуда и переводится въ 1877-мъ году, съ производствомъ въ прапорщики, въ кубинскій полкъ. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ 8-го и 15-го сентября противъ войскъ Измаилъ-паши, а 23-го октября, въ сраженіи на высотахъ Деве-Бойну, раненъ пулею въ плечо, при исполненіи обязанности баталіоннаго адъютанта.

Поручикъ Павловичъ.—Родился въ 1851-мъ году. Происходя изъ дворянъ ковенской губерніи, Павловичъ воспитывался сначала въ полоцкой военной гимназіи, а потомъ во 2-мъ военномъ константиновскомъ училищѣ, откуда, по окончаніи полнаго курса наукъ въ 1869-мъ году, и былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 155-й пѣхотный кубинскій полкъ.

Находясь на лицо въ полку во время всей кампаніи, Павловичъ участвовалъ въ первый періодъ бомбардированія кр. Карса, былъ въ дѣлахъ съ турками: 1-го августа у развалинъ г. Ани, 8-го сентября близъ сел. Халфалю, 15-го сентября на каравансарайской дорогѣ и, наконецъ, при штурмѣ укрѣпленной турецкой позиціи Деве-Бойну, раненъ въ ногу (легко).

Авт.

Въ этотъ же періодъ описываемаго боя, были ранены: капитанъ Наумовъ, умершій, также вскорѣ потомъ, отъ раны, прапорщикъ Александровъ, исполнявшій въ этотъ день должность баталіоннаго адъютанта, подъ которымъ сначала была убита лошадь, и, наконецъ, поручикъ Павловичъ (легко).

Когда верхнее плато Узунъ-Ахмата было, наконецъ, занято нами, и когда кубинцы, предводительствуемые храбрымъ полковникомъ Бѣляевымъ, очутились за послѣдними траншеями непріятеля—вотъ какая сцена розыгралась здѣсь, среди хаоса, о которомъ трудно дать, хотя приблизительное, понятіе. Въ избыткѣ радости, что грозныя траншеи Узунъ-Ахмата, наконецъ, геройски взяты нами, командовавшій въ то время 1-мъ баталіономъ кубинцевъ, капитанъ князь Магаловъ снялъ съ себя фуражку и подбросилъ ее вверхъ. Солдатъ 1-й роты Грабовенко подхватилъ эту фуражку и, ринувшись съ нею впередъ, повѣсилъ ее на одно изъ орудій покинутой непріятелемъ батареи, послѣ чего прехладнокровно взобрался на это орудіе верхомъ... Вскорѣ послѣ того, капитанъ князь Магаловъ былъ легко раненъ въ голову...

Одновременно съ занятіемъ верхняго плато Узунъ-Ахмата, кавалерія генерала Келбали-Хана-Нахичеванскаго была направлена по дну оврага, проходящаго черезъ Деве-Бойну. Пройдя полною рысью подъ ружейнымъ огнемъ со скалистаго края Чобанъ-дага, кавалерія эта должна была выѣхать на большую эрзерумскую дорогу и отрѣзать путь отступленія, бѣгущимъ къ Эрзеруму, туркамъ. Но, приблизившись къ верховьямъ упомянутаго оврага, кавалерія была встрѣчена такими частыми залпами турецкой пѣхоты, что вынуждена была пріостановить свое движеніе и укрыться за гребнемъ покатости Узунъ-Ахмата.

Вслѣдъ за движеніемъ кавалеріи генерала Келбали-Хана-Нахичеванскаго, лейбъ-эриванскій полкъ, стоявшій за центромъ нашего боеваго расположенія, былъ направленъ по прямой эрзерумской дорогѣ. Дойдя до широкаго ущелья рѣчки, текущей передъ селеніями Топалахъ и Неби-кей, названный выше полкъ принялъ направленіе вверхъ по теченію этой рѣчки, съ цѣлью совершенно отрѣзать путь отступленія правому флангу турокъ, и близъ сел.

Топалахъ, соединиться съ колонной генерала фонъ-Шака. Но, вслѣдствіе совершенной темноты, дальнѣйшее преслѣдованіе турокъ, благодаря пересѣченной мѣстности, становилось положительно невозможнымъ.

За эриванскимъ полкомъ двинута была впередъ, по эрзерумской дорогѣ, кавалерія генералъ-маіора князя Амплахвари. Кавалерія эта, обогнавъ эриванскій полкъ, рысью двинулась впередъ по дорогѣ, для преслѣдованія въ безпорядкѣ отступавшаго непріятеля. Поровнявшись съ высотою Узунъ-Ахматъ, наши кавалеристы были встрѣчены ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ турокъ, но не взирая на это, а также и на наступившую уже полную темноту, они всетаки продолжали свое преслѣдованіе, причемъ отняли съ боя 6-ть непріятельскихъ орудій (*).

Описываемый бой прекратился, наконецъ, около 6½ часовъ вечера и былъ рѣшенъ, по донесенію начальника отряда, генералъ-лейтенанта Геймана, обходомъ непріятельскаго лѣваго фланга и прорывомъ центра.

Если принять въ соображеніе сдѣланную выше оцѣнку Девебойнской укрѣпленной позиціи въ военномъ отношеніи и припомнить относительное значеніе ея различныхъ пунктовъ—то фактъ завладѣнія возвышенностью Узунъ-Ахматъ, въ дѣлѣ 23-го октября, пріобрѣтаетъ, по всей справедливости, первостепенное значеніе. Колонна полковника князя Амираджиби, въ составъ которой вошли и кубинцы, имѣла, какъ извѣстно, своимъ назначеніемъ атаковать этотъ важный пунктъ турецкой позиціи. Поэтому главная роль въ описываемомъ дѣлѣ должна быть неоспоримо признана, въ числѣ прочихъ частей, и за кубинцами.

Расположенныя на правомъ флангѣ турецкія войска, бросивъ свои орудія и лагерь, въ теченіи ночи рѣшились въ разсыпную пробраться къ Эрзеруму по склонамъ Палапъ-текена, такъ какъ всѣ остальные пути отступленія были имъ отрѣзаны. Вмѣстѣ съ этими войсками разбитаго непріятеля бѣжалъ и муширъ Измаилъ-

(*) Горско-моздокскій полкъ терскаго казачьяго войска. (Офиціально).
Ред.

паша, которому удалось, послѣ долгихъ скитаній по снѣгамъ Паланъ-текена, добраться до Эрзерума только на третій день.

Войска наши ночевали на своихъ позиціяхъ, начальникъ же отряда, генералъ Гейманъ, въ турецкомъ лагерѣ, въ покинутой палаткѣ Мухтаръ-паши.

Потеря паша въ этомъ славномъ дѣлѣ, судя по офиціальнымъ источникамъ, сравнительно далеко не значительна, а именно, мы потеряли: убитыми—штабъ и оберъ-офицеровъ—3, нижнихъ чиновъ—126; ранеными: штабъ и оберъ-офицеровъ—25, нижнихъ чиновъ—564. Контуженными: штабъ и оберъ-офицеровъ—13, нижнихъ чиновъ—92. Что же касается урона, понесеннаго спеціально двумя баталіонами кубинскаго полка, то онъ выражается слѣдующими цифрами: убито—оберъ-офицеръ—1, нижнихъ чиновъ—33; ранено: оберъ-офицеровъ—5, нижнихъ чиновъ—86 и безъ вѣсти пропавшихъ—2 нижнихъ чина (*).

Трофеями нашими въ этотъ день были: 43 орудія, въ числѣ которыхъ 8 крѣпостныхъ, 3 горныхъ, а остальныя полевыя, 6 зарядныхъ ящиковъ и множество зарядовъ и патроновъ, а также весь непріятельскій лагерь и болѣе 400 плѣнныхъ. Поле битвы было усѣяно непріятельскими тѣлами.

За дѣло 23-го октября, въ полкъ было прислано 63 знака отличія военнаго ордена 4-й степени (**).

Изъ личнаго состава офицеровъ полка, за названное дѣло, получили награды (***):

Маіоръ Трилицкій—орденъ св. Анны 2-й степени съ мечами, капитаны: Аргутинскій-Долгоруковъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, Микеладзе—тоже, поручикъ Черепахинъ-Иващенко—орденъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, подпоручики: Золотаревъ—слѣдующій чинъ, со старшинствомъ съ 23-го октября 1877-го года, Ахшарумовъ—орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“, прапорщики: Навозовъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ,

(*) Праказъ по кубинскому полку 1877-го года за № 258.

(**) Приказъ по кавказскому военному округу 1878-го года № 94.

(***) Приказъ по кавказскому военному округу 1878-го года № 222.

Крутиковъ—орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“, Александровъ—тоже, капитанъ Нейдингъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ (*), поручикъ Павловичъ—слѣдующій чинъ, подпоручики: Десницкій—орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“, Калитинскій—орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, прапорщики: Фавстрицкій—тоже и Боровскій—тоже.

Кромѣ только-что перечисленныхъ, обыкновенныхъ наградъ, сраженіе на высотахъ Деве-Бойну ознаменовалось для полка еще и тѣмъ, что въ средѣ личнаго состава его офицеровъ оказались люди, украшенные тѣмъ славнымъ орденомъ, при удостоеніи къ которому „ни высокій родъ, ни прежнія заслуги, ни полученныя въ сраженіяхъ раны не пріемлются въ уваженіе; удостоивается же онаго единственно тотъ, кто нетолько обязанность свою исполнялъ во всемъ по присягѣ, чести и долгу, но сверхъ сего ознаменовалъ себя, на пользу и славу россійскаго оружія, особымъ отличіемъ“ (**). Изъ офицеровъ кубинскаго полка за названное сраженіе удостоились получить въ награду орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени слѣдующія лица: полковникъ Бѣляевъ, маіоръ князь Магаловъ, капитанъ Микеладзе и штабсъ-капитанъ Бегіевъ.

Ниже, въ выноскѣ, мы приводимъ цѣликомъ реляціи, которыми сопровождалось представленіе къ наградѣ этимъ орденомъ каждаго изъ названныхъ лицъ (***).

(*) Приказъ по кавказскому военному округу 1878-го года № 50.

(**) Статутъ ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія (второе полное собраніе законовъ, т. VIII, 6611, ст. 8).

(***) Полковникъ Бѣлявъ. «Въ дѣлѣ съ турками 23-го октября 1877-го года, командуя временно 155-мъ пѣхотнымъ кубинскимъ полкомъ, получилъ приказаніе атаковать непріятеля, занимавшаго сильно укрѣпленныя позиціи на высотахъ Узунъ-Ахматъ и Деве-Бойну, и, воодушевивъ солдатъ, съ крикомъ «ура» бросился впередъ. Увлекаемые примѣромъ, солдаты устремились вслѣдъ за нимъ и штыками выбили изъ названныхъ укрѣпленій, далеко сильнѣйшаго непріятеля, причемъ, онъ, первымъ вскочилъ въ укрѣпленіе и захватилъ 4 орудія и много оружія, чѣмъ и способствовалъ общему успѣху дѣла и рѣшительному обороту сраженія въ нашу пользу».

За тѣмъ, 1-й и 2-й баталіоны кубинцевъ, столь блистательно и храбро выполнившіе трудную роль, которая имъ досталась въ сраженіи на высотахъ Деве-Бойну 23-го октября 1877-го года, удостоились получить слѣдующую высокую Монаршую награду: Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 13-ый день октября мѣсяца 1878-го года, баталіоны эти были Всемилостивѣйше пожалованы Государемъ Императоромъ георгіевскими серебряными трубами, съ надписями: „за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну, 23-го октября 1877-го года."

Участвуя въ только-что описанномъ сраженіи, кубинцы достигли апогея своей боевой славы и справедливо заслужили себѣ почетное имя, среди геройской семьи полковъ славной кавказской арміи. Ни до этого сраженія, ни послѣ его, кубинскому полку не приходилось такъ открыто и блестяще проявить свои превосходныя боевыя качества. Геройскій штурмъ Узунъ-Ахмата навсегда упрочилъ за нимъ репутацію боевой части; онъ создалъ для полка лучшую страницу въ его боевой лѣтописи и, цѣною многихъ геройскихъ жизней и самоотверженныхъ подвиговъ, увѣнчалъ имя ку-

---

Маіоръ князь Магаловъ. «Командуя баталіономъ въ дѣлѣ съ турками 23-го октября 1877-го года, онъ, во все время боя былъ примѣромъ мужества и храбрости для подчиненныхъ ему чиновъ, при штурмѣ же позиціи Деве-Бойну, выбилъ непріятеля изъ траншей и первый взошелъ на высоту, причемъ захватилъ четыре орудія».

Капитанъ Микеладзе. «Въ дѣлѣ съ турками 23-го октября 1877-го года, при штурмѣ укрѣпленной непріятельской позиціи Деве-Бойну, онъ, съ ввѣренною ему ротою, не обращая вниманія на сильный перекрестный огонь, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и образцовою распорядительностью, бросившись впередъ, опрокинулъ прикрытіе лѣвой турецкой батареи на Узунъ-Ахматѣ, взялъ съ боя одно орудіе и захватилъ при этомъ 11-ть человѣкъ плѣнныхъ. Затѣмъ, вступивъ во время самаго боя въ командованіе баталіономъ, по случаю выбытія, за ранами, изъ строя командира баталіона, нанесъ, вмѣстѣ съ другими, полное пораженіе перешедшимъ въ наступленіе непріятельскимъ баталіонамъ, которые и обратились въ безпорядочное бѣгство».

Штабсъ-капитанъ Бегіевъ.—«Командуя ротою при штурмѣ 23-го октября 1877-го года позиціи Деве-Бойну, онъ, выбилъ непріятеля изъ траншей, первымъ вбѣжалъ на высоту и захватилъ одно орудіе».

Авт.

бицевъ тѣми неувядаемыми лаврами, подъ сѣнью которыхъ созрѣваютъ истинно боевыя традиціи, во славу современниковъ и въ назиданіе будущаго военнаго поколѣнія....

Такъ блистательно занявъ укрѣпленную позицію Деве-Бойну— это предверіе къ Эрзеруму—слѣдовало, не мѣшкая, попытаться овладѣть и самимъ Эрзерумомъ. Нравственный упадокъ войскъ нашего непріятеля и паника жителей этого города говорили за возможность осуществленія подобнаго намѣренія, тогда какъ призрѣніе нашихъ многочисленныхъ раненыхъ и устройство продовольственной части, лишенной всякаго подвоза изъ Александрополя, благодаря позднему осеннему времени и плохимъ горнымъ дорогамъ, служило очень важнымъ препятствіемъ, для всякихъ активныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій съ нашей стороны.

Не смотря на все вышеизложенное, начальникъ соганлугскаго отряда, энергичный и храбрый генералъ Гейманъ, рѣшился произвести нападеніе на Эрзерумъ, въ ночь на 28-е число октября мѣсяца.

Здѣсь мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчательной личности генерала Геймана, заранѣе предупреждая читателя о томъ, что въ этомъ нашемъ намѣреніи нами болѣе руководитъ скромное желаніе остановить подолѣе вниманіе читателя на личности упомянутаго генерала, нежели попытка произвести какую либо оцѣнку.

По описанію корреспондентовъ, бывшихъ при дѣйствующемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ, въ минувшую войну съ турками, генералъ Гейманъ любилъ военное дѣло страстно. Въ описываемую кампанію, какъ и въ прошлую кавказскую войну, онъ былъ безупречно храбръ и, въ случаѣ нужды, наравнѣ съ солдатами, подвергалъ свою жизнь опасности. Говорилъ онъ мало, отрывисто, а подчасъ и рѣзко; въ выборѣ выраженій не стѣснялся, а если кого-нибудь ругалъ, то непремѣнно ввернетъ какое-нибудь нецензурное слово. Солдаты его любили и вѣрили въ него, а онъ, въ свою очередь вѣрилъ въ своихъ „гренадеръ“ и умѣлъ ихъ „подбадривать“ какимъ-либо шутливымъ словомъ, шутливой руганью или просто шуткой. Въ своихъ подчиненныхъ генералъ Гейманъ

больше всего цѣнилъ храбрость и того, кто заявилъ себя хоть разъ съ этой стороны, уже никогда не забывалъ. Кавказская война оставила ему на память Георгія 3-й степени, репутацію храбраго и смѣлаго генерала и три раны. Онъ былъ контуженъ въ ногу, имѣлъ одну руку прострѣленной и въ плечѣ тяжелую рану, которая нѣтъ-нѣтъ да открывалась. Раненую руку онъ носилъ на широкой черной повязкѣ.

Генералъ Гейманъ обладалъ способностью внушить почти всѣмъ убѣжденіе, что всякую опредѣленную диспозицію онъ выполнитъ прекрасно и умѣло. Ему обязана также пѣхота (преимущественно на Кавказѣ) нѣкоторыми нововведеніями въ строевомъ уставѣ, весьма важными въ стрѣлковомъ бою. Генералъ Гейманъ, кромѣ того, имѣлъ извѣстность нетолько какъ воинъ—его не менѣе знали, какъ прекраснаго товарища и замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ начальника, пользовавшагося искреннею любовью подчиненныхъ, сослуживцевъ и всѣхъ лицъ, знавшихъ его. Наружность генерала Геймана была также далеко не ординарна: черты лица его были тонки, правильны и красивы. Взглядъ рѣшительный и смѣлый. Онъ былъ довольно высокій, сухощавый человѣкъ. Ходилъ и ѣздилъ немного сгорбившись и, наклонивъ голову съ лицомъ обрамленнымъ сѣдыми бакенбардами.

Наканунѣ рѣшеннаго нападенія на Эрзерумъ, а именно 27-го октября, была составлена диспозиція и произведена рекогносцировка всѣми колонными начальниками и начальниками отдѣльныхъ частей. „Съ одной изъ высотъ—говоритъ дневникъ военныхъ дѣйствій соганлугскаго отряда—съ разстоянія, менѣе пушечнаго выстрѣла отъ города Эрзерума, отчетливо были видны всѣ пути, назначенные для движенія колоннъ, по диспозиціи; притомъ были такъ опредѣлительны и ясны рельефы всѣхъ путей и пунктовъ атаки, что невозможно было ошибиться въ самую темную ночь“ (*). И вотъ, въ ночь съ 27-го на 28-е октября, приступили къ исполненію смѣлаго плана ночной атаки на Эрзерумъ. Успѣхъ этого предпріятія былъ разсчитанъ, главнымъ образомъ, на неожиданность

(*) Военный сборникъ 1878-го года. № 6.

подобной атаки, на оплошность турокъ, ихъ слабую бдительность и небрежное отношеніе къ исполненію аванпостной службы.

Такъ какъ кубинцамъ пришлось въ описываемомъ дѣлѣ играть совершенно пассивную роль, находясь въ общемъ резервѣ подъ начальствомъ генерала Тергукасова, то мы и не будемъ здѣсь слѣдить за всѣми перипетіями этого смѣлаго ночнаго нападенія на передовые форты Эрзерума. Блестящіе подвиги, выпавшіе въ эту ночь преимущественно на долю храбрыхъ бакинцевъ, безъ сомнѣнія, найдутъ достойное перо въ средѣ самихъ участниковъ этого геройскаго дѣла и будутъ увѣковѣчены въ назиданіе будущему воинному поколѣнію. Мы же скажемъ о немъ здѣсь лишь въ общихъ чертахъ.

Наступленіе, согласно диспозиціи, было произведено тремя колоннами изъ коихъ одна, генерала Авинова, должна была обходнымъ путемъ со стороны Паланъ-текена, еще до свѣта, ворваться въ Эрзерумъ по водоочистительному каналу; другая—полковника Крузенштерна—предназначалась для овладѣнія небольшимъ фортомъ Ахали, расположеннымъ на совершенно ровномъ мѣстѣ, шагахъ въ 500-хъ влѣво отъ большой карской дороги, и, наконецъ, третья колонна—полковника князя Абираджиби—была направлена вправо и влѣво по монастырскому оврагу, имѣя назначеніемъ подняться къ правому и лѣвому фортамъ Азизіе, расположеннымъ на Топъ-дагѣ. За темнотою ночи, колонны, сверхъ всякаго ожиданія, сбились съ пути и не достигли назначенныхъ пунктовъ. Авангардъ же колонны полковника князя Амираджиби, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ бакинскаго полка, ворвался въ лѣвый фортъ Азизіе, овладѣлъ имъ, перекололъ гарнизонъ и захватилъ въ плѣнъ, 19 офицеровъ и 541 нижняго чина.

„На разсвѣтѣ—говоритъ дневникъ соганлугскаго отряда—была минута, когда не было ни одного турецкаго выстрѣла на всемъ Топъ-дагѣ, и будь малѣйшая поддержка бакинцамъ, всецѣло занятымъ гарнизономъ—главный фортъ Топъ-дага Меджидіе, безъ сомнѣнія, былъ бы занятъ, такъ какъ, повидимому, оттуда непріятель въ испугѣ бѣжалъ“ (*). Но этой поддержки не оказалось, и

(*) Военный сборникъ 1878-го года № 6.

непріятель, замѣтивъ на разсвѣтѣ малочисленность нашихъ войскъ на Азизіе, выдвинулъ нѣсколько свѣжихъ баталіоновъ изъ города и атаковалъ бакинцевъ. Несмотря на это, храбрые бакинцы съумѣли увести съ собою всѣхъ захваченныхъ ими плѣнниковъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, потери съ нашей стороны въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ были слѣдующія: убито—оберъ-офицеровъ—4, нижнихъ чиновъ—66; ранено: штабъ и оберъ-офицеровъ—12, нижнихъ чиновъ—457; контужено: штабъ и оберъ-офицеровъ—10, нижнихъ чиновъ—59; безъ вѣсти пропало: оберъ-офицеровъ—1, нижнихъ чиновъ—131-нъ.

Такимъ образомъ генералъ Гейманъ и Тергукасовъ соединенными отрядами стояли въ концѣ октября мѣсяца подъ самымъ Эрзерумомъ. Они предлагали Мухтаръ-пашѣ сдаться на капитуляцію, но муширъ анатолійской арміи отказался отъ сдачи.

ГЛАВА IX.

Перечисленіе полка изъ состава эриванскаго отряда въ соганлугскій.—Движеніе 3-го и 4-го баталіоновъ въ г. Гасанъ-Кала, черезъ города Александрополь и Карсъ.—Зимняя стоянка въ пасинской равнинѣ.—Начало блокады г. Эрзерума.

Вскорѣ послѣ славнаго дѣла на высотахъ Деве-Бойну, части 39-й пѣхотной дивизіи, находившіяся въ составѣ войскъ эриванскаго отряда, были перечислены въ соганлугскій отрядъ, такъ какъ первый изъ этихъ отрядовъ долженъ былъ снова вернуться обратно и занять свой прежній раіонъ въ алашкертской долинѣ. Это движеніе эриванскаго отряда было вызвано, съ одной стороны, положительною невозможностью продовольствовать мѣстными средствами два соединенныхъ отряда, разобщенныхъ со своею базою плохими дорогами, движеніе по которымъ, въ виду начавшагося зимняго времени, готово было прекратиться совершенно. Съ другой стороны, это отступленіе войскъ генерала Тергукасова было необ-

ходимо еще и потому, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, курды, пользуясь значительнымъ удаленіемъ эриванскаго отряда отъ своей базы, сдѣлали набѣгъ на Баязетъ и ограбили бывшее тамъ лазаретное имущество.

Вмѣстѣ съ этимъ присоединеніемъ всѣхъ частей 39-ой пѣхотной дивизіи и 39-ой артилерійской бригады къ соганлугскому отряду, въ составъ послѣдняго поступилъ и кубинскій полкъ (*). Части этого полка, какъ объ этомъ было уже говорено выше, въ это время не находились вмѣстѣ: 1-ый и 2-ой баталіоны полка, участвуя въ сраженіи 23-го октября были на лицо, а 3-й и 4-й, будучи оставлены, во время преслѣдованія Измаилъ-паши, въ мысунской долинѣ и въ сел. Кара-килисса, должны были теперь двинуться изъ мѣстъ своихъ стоянокъ на присоединеніе къ соганлугскому отряду, находившемуся въ то время частью на авангардной позиціи Узунъ-Ахматъ, частью на зимнихъ квартирахъ по селеніямъ въ равнинѣ Пасина.

Такъ какъ драмъ-дагскій перевалъ сдѣлался совершенно непроходимымъ, благодаря выпавшимъ въ началѣ ноября глубокимъ снѣгамъ, то и маршрутъ предстоявшаго движенія двухъ баталіоновъ кубинцевъ, остававшихся въ упомянутыхъ выше пунктахъ, долженъ былъ быть составленъ не по прямому пути—эрзерумо-баязетской транзитной дорогѣ—а кругомъ, черезъ нашъ

(*) Здѣсь мы приводимъ дословно приказъ, которымъ генералъ Тергукасовъ прощался съ тѣми частями своего отряда, которыя перечислялись въ составъ войскъ генерала Геймана:

«Приказъ по войскамъ эриванскаго отряда № 140, 1-го ноября 1877-го года. Бакинцы, дербентцы и кубинцы, 1-я, 2-я и 5-я батареи 39-й артилерійской бригады! Приказомъ по соганлугскому отряду, вы изъяты изъ состава ввѣреннаго мнѣ эриванскаго отряда. Бывъ столько времени свидѣтелемъ и цѣнителемъ вашихъ подвиговъ, я съ грустью разстаюсь съ вами и никогда не забуду вашихъ подвиговъ 13-го и 25-го августа, 6-го, 7-го, 8-го и 15-го сентября. Вамъ, какъ частямъ еще недавно сформированнымъ, принадлежитъ честь составить славу вашихъ полковъ, и я, бывшій вашъ начальникъ и боевой товарищъ, могу съ радостью сказать, что вы достойно воспользовались этою честью, руководимые опытными и достойными начальниками, изъ коихъ уже многіе запечатлѣли своею кровью славные подвиги своихъ подчиненныхъ, которымъ всегда служили примѣромъ».

александропольскій уѣздъ и городъ Александрополь на Карсъ, который былъ уже въ это время нашимъ. Днями выступленія, для 3-го и 4-го баталіоновъ изъ селеній Мысунъ и Кара-килиссa, были назначены 11-е и 12-е числа ноября мѣсяца.

Здѣсь будетъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о походно-боевой жизни и службѣ баталіоновъ, оставшихся болѣе мѣсяца внѣ нашего наблюденія.

Послѣ начавшагося преслѣдованія войскъ Измаилъ-паши, а именно 8-го октября, когда эриванскій отрядъ спустился съ Агрыдага въ мысунскую долину, 3-й баталіонъ кубинцевъ, по распоряженію начальника отряда, былъ, какъ извѣстно, оставленъ въ этой долинѣ. Сосѣдство курдовъ, вѣроломство которыхъ было намъ извѣстно изъ предшествующаго опыта, съ одной стороны, и близость Баязета, покинутаго турками, съ огромными складами разнаго рода оружія—съ другой—вызывали потребность въ наблюдательномъ отрядѣ нашемъ, расположенномъ именно въ мысунской долинѣ. Удовлетворить этой потребности и выпало на долю упомянутому выше баталіону кубинцевъ, совмѣстно съ двумя сотнями казаковъ. Общее начальство надъ этимъ отрядомъ было возложено на командира 3-го баталіона кубинскаго полка, подполковника Кобіева.

Расположившись близъ армянскаго селенія Мысунъ, кубинцы принялись устраивать землянки, такъ какъ недостатокъ въ палаткахъ и сырое осеннее время требовали этого. Условія жизни 3-го баталіона въ описываемое время были, говоря относительно, вполнѣ благопріятны: ни въ отношеніи продовольствія людей, ни въ отношеніи запасовъ фуража недостатка не было. Покинутыя жителями окрестности, во многихъ мѣстахъ, имѣли склады муки, ячменя и сѣна, конфискованные нами. Эти запасы и служили, обыкновенно, тѣми источниками, откуда безъ недостатка и удовлетворялись нужды нашихъ войскъ, расположенныхъ по близости.

Что же касается до службы, каковая выпала на долю мысунскому гарнизону, то она, конечно была далеко легче той, которую пришлось отбывать частямъ отряда, занятымъ преслѣдованіемъ непріятеля. Не имѣя въ виду особенной опасности отъ не-

чаянныхъ нападеній, людямъ не приходилось особенно изнурять себя тяжелою аванпостною службою, стоянка же на одномъ мѣстѣ болѣе мѣсяца, дала людямъ полную возможность отдохнуть отъ предшествующихъ трудовъ и исподоволь привести въ порядокъ, пришедшую почти въ негодность, одежду. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, солдатъ нашъ повеселѣлъ, поднялъ голову и, казалось, забылъ всѣ тѣ чрезмѣрные труды, которые только-что были пережиты имъ.

Вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ отступавшаго непріятеля, войска эриванскаго отряда, все болѣе и болѣе, удалялись отъ своей базы. Тылъ нашъ, такимъ образомъ, становился все менѣе и менѣе обезпеченнымъ, что и заставило оставить еще небольшую часть отряда въ армянскомъ селеніи Кара-килиссa, находящемся въ алашкертской долинѣ. По распоряженію начальника отряда генерала Тергукасова, 10-го октября въ сел. Кара-килиссa были оставлены 4-й баталіонъ кубинцевъ и по двѣ роты отъ крымскаго и таманскаго полковъ, а также сотня казаковъ. Общее начальство надъ этими частями было ввѣрено, командиру 4-го баталіона кубинцевъ, маіору Абелову.

Какъ въ мысупской долинѣ, такъ и здѣсь солдатъ находился среди далеко лучшихъ условій жизни и службы, нежели его товарищи, двигавшіеся форспированнымъ маршемъ за войсками Измаилъ-паши. Въ предметахъ продовольствія нужды онъ не терпѣлъ, могъ располагать вполнѣ достаточнымъ временемъ для отдыха и службу несъ только на аванпостахъ, потребность въ которыхъ была къ тому же весьма ограничена.

Впрочемъ, если судить о гигіеническихъ условіяхъ жизни въ сел. Кара-килиссa по числу больныхъ, находившихся въ открытомъ тамъ пріемномъ покоѣ, то выводъ получится далеко не благопріятный: больныхъ скопилась тутъ цѣлая масса, которая и находилась въ самомъ безпомощномъ состояніи, благодаря тому, что усилія единственнаго врача Пиколаенко (*), оказывались далеко недостаточными и что даже эти усилія парализовались, глав-

(*) Младшій врачъ кубинскаго полка.

нымъ образомъ, положительнымъ отсутствіемъ необходимыхъ медикаментовъ и другихъ врачебныхъ пособій (*).

А между тѣмъ пунктъ этотъ, составляя, такъ сказать, центральный этапъ на пути между войсками эриванскаго отряда и ихъ базою, былъ именно такимъ мѣстомъ, для котораго сколько нибудь устроенная медицинская помощь имѣла первостепенное значеніе.

Особенный приливъ больныхъ нижнихъ чиновъ въ кара-килисскій пріемный покой объяснялся главнымъ образомъ его вышеописаннымъ географическимъ положеніемъ, по отношенію къ дислокаціи войскъ генерала Тергукасова, въ періодъ второй половины октября мѣсяца 1877-го года. Здѣсь же, въ этомъ пріемномъ покоѣ, обнаружились и первые случаи заболѣванія тифомъ.

Въ Кара-килиссѣ, какъ и въ мысунской долинѣ особенное изобиліе было въ запасахъ муки, конфискованныхъ нами у непріятеля и находившихся въ ближайшихъ къ названному селенію окрестностяхъ. Эта мука расходовалась на провіантъ для войскъ, расположенныхъ въ с. Кара-килисса. Здѣсь были устроены печи, въ которыхъ и выпекался превосходный хлѣбъ. Время шло мирно, безъ особенныхъ тревогъ и опасностей, за исключеніемъ одного случая, свидѣтельствовавшаго о томъ, что кажущееся спокойствіе и безопасность были вынужденными и что окружавшее насъ населеніе, преобладающій элементъ котораго составляли курды, относились къ намъ далеко недружелюбно.

Вскорѣ послѣ того, какъ баталіонъ кубинцевъ, оставленный въ сел. Кара-килисса, мало-по-малу устроился для жизни среди предстоявшаго зимняго времени, въ средѣ его произошло слѣдующее загадочное происшествіе: казенный деньщикъ одного изъ офицеровъ (подпоручика Кузнецова 1-го) выѣхалъ изъ селенія, за покупкой сѣна, и съ тѣхъ поръ уже не возвращался обратно. Самые тщательные розыски пропавшаго ни къ чему не привели, и солдатъ такимъ образомъ исчезъ безъ всякаго слѣда. Имѣя въ виду только-что описанный случай, было строго запрещено выходить

(*) На первыхъ же порахъ цифра больныхъ, оставленныхъ и поступившихъ въ этотъ пріемный покой, достигла безъ малаго 300 человѣкъ.

поодиночкѣ и безъ оружія далеко за селеніе; что же касается до производства фуражировокъ и подвоза изъ складовъ муки, то таковые производились не иначе, какъ при конвоѣ приличной военной силы.

Между тѣмъ время шло. Событія войны, вслѣдъ за геройскимъ погромомъ на высотахъ Аладжа-дага, смѣнялись одно другимъ, съ какою-то лихорадочною быстротою. Въ сел. Кара-килисса было получено извѣстіе о томъ, что отряды генераловъ Геймана и Тергукасова, наконецъ, соединились въ лагерѣ близъ сел. Куруджукъ и находятся наканунѣ рѣшительнаго дѣла передъ грозною турецкою позиціею на высотахъ Деве-Бойну. Всѣ были охвачены однимъ общимъ чувствомъ напряженнаго ожиданія... Наконецъ, наступило 23-е октября, такое же мирное для кара-килисскаго гарнизона, какъ и предшествующіе дни, но за то роковое для тѣхъ, кто былъ въ это время у подошвы Деве-Бойну... Съ утра обширная равнина Алашкерта была наполнена явственнымъ гуломъ отдаленной орудійной канонады. Канонада эта почти не прерывалась цѣлый день; тяжелыми раскатами ложилась она на душу каждаго солдата и офицера, потому что каждый изъ нихъ очень хорошо объяснялъ себѣ ея происхожденіе и ея значеніе для своихъ товарищей, находящихся либо подъ Карсомъ, либо же передъ послѣднимъ оплотомъ Эрзерума—деве-бойнскимъ хребтомъ... Можно было ошибиться развѣ только въ точномъ опредѣленіи мѣста боя.

Вскорѣ, однако, причина только-что описанной отдаленной канонады, слышанной въ Кара-киліссѣ, вполнѣ объяснилась: въ этотъ день произошло то геройское сраженіе наше съ непріятелемъ, подробности котораго, по отношенію къ кубинцамъ, были только-что описаны нами въ предъидущей главѣ.

Какъ уже было замѣчено выше, вслѣдъ за взятіемъ Деве-Бойну и неудачной атакой Эрзерума, въ ночь на 28-е октября, войска эриванскаго отряда должны были снова возвратиться въ алашкертскую долину, выдѣливъ отъ себя въ составъ отряда генерала Геймана всѣ части 39-й пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею.

Такимъ образомъ 3-му и 4-му баталіонамъ кубинскаго полка,

о жизни и службѣ которыхъ только-что было говорено нами, предстоялъ длинный и трудный путь, среди холодовъ уже наступившаго зимняго времени.

Еще за два, или за три дня, до выступленія въ походъ изъ мѣстъ своихъ стоянокъ, названные баталіоны узнали радостную вѣсть о томъ, что твердыня турецкаго могущества въ Анатоліи Карсъ—пала.

Еще такъ недавно грозная крѣпость, вблизи которой кубинцамъ пришлось такъ много потрудиться въ періодъ перваго, лѣтняго, бомбардированія ея, когда съ верковъ этой твердыни излетали смерть и разрушеніе—теперь этотъ, казавшійся неприступнымъ, Карсъ превратился для насъ въ одинъ изъ мирныхъ этаповъ, пройти который намъ предстояло по маршруту во время нашего слѣдованія на присоединеніе къ согаплугскому отряду, расположенному въ пасинской равнинѣ... Это сопоставленіе былаго съ предстоящимъ, конечно, было многознаменательно для каждаго какъ офицера, такъ и солдата, потому что каждый сознавалъ великую роль, какая выпадаетъ на долю ихъ, простыхъ тружениковъ въ событіяхъ подобнаго рода, имѣющихъ для военнаго человѣка значеніе вопроса о жизни и смерти...

И такъ, утромъ 11-го ноября, вышеупомянутые баталіоны кубинцевъ выступили въ путь поэшелонно, слѣдуя другъ за другомъ на разстояніи одного перехода.

Главная трудность совершавшагося движенія заключалась въ томъ, что двѣ трети солдатъ, буквально не имѣли обуви; ноги ихъ были обернуты въ тряпье и обуты въ поршни, сдѣланные кое-какъ самими же солдатами изъ кожъ павшихъ лошадей, которыми былъ усѣянъ путь отступленія войскъ Измаилъ-паши. А между тѣмъ наступала уже настоящая зима. Рѣзкіе ночные холода смѣнялись днемъ густыми туманами и мокрымъ снѣгомъ, портившимъ въ конецъ путь, дѣлая его особенно тяжелымъ для солдатъ въ виду только-что описанной ихъ обуви. Но, превозмогая всѣ трудности, съ терпѣніемъ и выносливостью, достойной просто удивленія, солдатъ нашъ, изо дня въ день, двигался дальше, молча и глубоко сознавая лежавшій на немъ святой долгъ...

Такъ шло время похода.

24-го и 25-го числа ноября мѣсяца баталіоны прибыли въ г. Александрополь. Изъ этого пограничнаго нашего пункта имъ пришлось выступить на непріятельскую территорію вслѣдъ за объявленіемъ войны, изъ него же теперь снова предстояло имъ двинуться къ далекому Эрзеруму, подъ стѣнами котораго должны были разыграться дальнѣйшія событія походно-боевой жизни кубинскаго полка. Грозное будущее было задернуто таинственною завѣсою, и каждый снова, какъ и въ торжественный день 12-го апрѣля, невольно подумалъ: „придется ли вернуться еще разъ на родную землю?. . .“

Дальнѣйшій путь баталіоновъ лежалъ на Карсъ, куда они и выступили также поэшелонно, отдохнувъ два дня въ г. Александрополѣ. Снова былъ перейденъ Арпачай и снова солдатъ нашъ очутился среди памятной ему обстановки очень хорошо знакомыхъ равнинъ карскаго санджака. Тучный черноземъ шурагельскаго округа, растворенный выпавшимъ снѣгомъ, дѣлалъ движеніе войскъ крайне затруднительнымъ, благодаря просто невылазной грязи.

28-го ноября, по дорогѣ изъ Карса въ г. Александрополь изволилъ слѣдовать Главнокомандующій кавказскою арміей, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Путь Августѣйшаго Главнокомандующаго лежалъ какъ-разъ навстрѣчу двигавшимся баталіонамъ. Это обстоятельство замѣтно оживило однообразіе нашего пути; солдаты, несмотря на усталость, видимо пріободрились и, въ ожиданіи предстоявшей встрѣчи, весело шли, распѣвая пѣсни. Не далеко отъ сел. Кизилъ-Чахчахъ, шурагельскаго округа, Его Императорское Высочество изволилъ повстрѣчаться съ 4-мъ баталіономъ кубинцевъ. Поздоровавшись съ солдатами, Августѣйшій Главнокомандующій милостиво освѣдомился у баталіоннаго командира, маіора Абелова, о томъ, много ли больныхъ въ баталіонѣ и благополучно ли былъ совершенъ пройденный баталіономъ путь. Замѣтивъ при этомъ, что обувь солдатъ сильно поизносилась, Его Императорское Высочество изволилъ приказать немедленно же сдѣлать представленіе въ полевое

интендантство, объ истребованіи сапогъ для нижнихъ чиновъ полка.

29-го числа 3-й баталіонъ прибылъ въ Карсъ; туда же вступилъ на другой день и 4-й. Еще не доходя до этой крѣпости верстъ 15-ти, на послѣднемъ привалѣ 4-го баталіона кубинцевъ, въ сел. Халифъ-Оглы, къ намъ долетѣлъ отдаленный гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, раздававшихся съ верковъ названной крѣпости. Тяжелые раскаты этого гула поставили сначала всѣхъ въ недоумѣніе. Но недоумѣніе это вскорѣ разрѣшилось: ѣхавшій изъ Карса казакъ—оренбуржецъ сообщилъ намъ, что Плевна пала (*)...

Это радостное извѣстіе замѣтно оживило какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Подъ впечатлѣніемъ этого радостнаго настроенія баталіонъ, въ тотъ же день, вступилъ въ Карсъ. Здѣсь была назначена дневка, послѣ которой баталіоны, тоже поэшелонно, должны были выступить далѣе и слѣдовать на присоединеніе къ соганлугскому отряду по, такъ называемой, большой эрзерумской дорогѣ, ведущей, черезъ хребетъ Соганлугъ (перевалъ кизилъ-килисскій) и тѣснину Кепри-кей, въ предѣлы пасинской равнины. Такимъ образомъ, баталіонамъ этимъ предстояло въ это позднее зимнее время перейти соганлугскій хребетъ, поднявшись на 8077 футовъ абсолютной высоты у кизилъ-килисскаго перевала. Предстоявшій путь былъ труденъ и длиненъ.

Наконецъ, преодолѣвъ всѣ препятствія и труды зимняго похода по глубокимъ снѣгамъ, въ дырявыхъ сапогахъ и поршняхъ, переваливъ среди трескучихъ морозовъ черезъ Соганлугъ и перейдя

(*) 28-го ноября, въ 7½ часовъ утра, вся армія Османъ-паши, съ цѣлью прорваться, атаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимавшій линію обложенія на лѣвомъ берегу р. Вида. Атака была ведена съ отчаянною храбростью; часть турецкихъ войскъ врывалась даже въ наши траншеи и батареи, но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны. Послѣ пятичасоваго жаркаго боя турки были отброшены. Османъ-паша сдался со всею своею арміею. Нами было взято въ плѣнъ: 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2000 оберъ-офицеровъ, 40000 пѣхоты и артиллеріи и 1200 всадниковъ. Кромѣ того, намъ досталось 77-мь орудій и множество боевыхъ припасовъ. Потери непріятеля простирались до 6000 человѣкъ.

Авт.

около Хоросана р. Аракъ—баталіоны прибыли 6-го декабря въ сел. Дали-Баба, гдѣ былъ расположенъ въ это время штабъ кубинскаго полка. Оказалось, что войска соганлугскаго отряда были уже распущены на зимнія квартиры, имѣя только, на авангардной позиціи Узунъ-Ахмата, одну бригаду кавказской гренадерской дивизіи, которая и была расположена въ кибиткахъ.

Въ это время, дислокація собственно кубинскаго полка была слѣдующая: штабъ полка, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 7-я и 8-я роты—въ сел. Дали-Баба; 5-я и 6-я роты—въ сел. Тоды, находящемся въ пяти или шести верстахъ отъ Дали-Баба.

Между тѣмъ, составъ соганлугскаго отряда увеличился присоединеніемъ къ нему 40-й пѣхотной дивизіи, 4-го стрѣлковаго баталіона и 4-хъ полковъ 3-й кавалерійской дивизіи, съ одною конною батареею (*).

Съ прибытіемъ за Соганлугъ этихъ частей, составъ соганлугскаго отряда увеличился настолько, что явилась возможность блокировать Эрзерумъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено приступить къ разработкѣ дороги черезъ перевалъ Чобанъ-дагъ, что, въ свою очередь, вызвало необходимость перекинуть черезъ перевалъ хоть часть войскъ, расположеніемъ которыхъ въ ущельи Гюрджи-Богазъ обезпечивался бы успѣхъ работы пути черезъ перевалъ.

Въ результатѣ всего вышеизложеннаго, въ первыхъ числахъ декабря, послѣдовали соотвѣтственныя измѣненія въ дислокаціи частей отряда.

Кубинскому полку было предписано, оставивъ въ сел. Дали-Баба 3-й и 4-й баталіоны, выступить съ двумя остальными баталіонами (1-мъ и 2-мъ) въ г. Гасанъ-Кала. По прибытіи въ названный городъ 9-го декабря, послѣдовало слѣдующее распоряженіе: 1-й баталіонъ остается въ Гасанъ-Кала и занимаетъ въ немъ караулы, а штабъ полка и 2-й баталіонъ располагаются на квартирахъ въ сел. Альваръ, находящемся въ юго-западномъ направленіи отъ города, на разстояніи 15-ти верстъ.

(**) И еще 3-ей, 5-ой и 6-ой батареи 40-й артилерійской бригады, 6-й батареи 39-й артилерійской бригады и двухъ ротъ 3-го сапернаго баталіона. (Официально).

Ред.

Въ сел. Дали-Баба, вмѣстѣ съ 3-мъ и 4-мъ баталіонами, пришедшими изъ эриванскаго отряда, были оставлены и всѣ излишнія тяжести полка, а также и обозъ, требовавшій починки.

Походно-боевая жизнь и служба полка не представляла въ это время никакихъ выдающихся эпизодовъ. Послѣ предшествовавшихъ неимовѣрныхъ трудовъ, людямъ данъ былъ возможный отдыхъ, благодаря прекратившимся на нѣкоторое время активнымъ военнымъ дѣйствіямъ съ нашей стороны. Если что и нарушало относительный покой, такъ это частыя передвиженія съ мѣста на мѣсто, вызываемыя періодическими измѣненіями дислокаціи войскъ соганлугскаго отряда, готовившагося къ блокадѣ Эрзерума. Зима въ описываемое время полновластно вступила въ свои права, и мы были окружены со всѣхъ сторонъ сугробами глубокаго снѣга. Всякое движеніе поэтому сдѣлалось чразвычайно затруднительнымъ.

Въ день прихода кубинскихъ баталіоновъ въ г. Гасанъ-Кала, а именно 9-го декабря, дербентцы съ казачьими частями прибыли около 10-ти часовъ утра въ сел. верхній Туй и, отдохнувъ здѣсь нѣсколько, двинулись по чобанъ-дагскому подъему въ направленіи къ сел. Кечкъ. И хотя этотъ подъемъ, а въ особенности спускъ съ Чобанъ-дага, возвышающагося болѣе чѣмъ на 9000 футовъ, представляли неимовѣрныя затрудненія, но, привычные къ преодолѣнію всякаго рода препятствій, наши солдаты и казаки побороли всѣ преграды, и къ вечеру были уже у подошвы западнаго склона перевала, въ долинѣ Ефрата—Карасу.

Съ переходомъ названныхъ войскъ черезъ перевалъ Чобанъ-дага и съ занятіемъ ими селеній Тафта, Гинсъ и Туванчъ, т. е. съ перваго же шага ихъ въ эрзерумскую равнину, нами было занято значительное пространство съ сѣверо-восточной стороны Эрзерума, въ разстояніи отъ 15-ти до 20-ти верстъ отъ города.

Но это энергическое и рѣшительное движеніе было невполнѣ безпрепятственно: 10-го числа, близъ с. Туванчъ, появилась турецкая кавалерія и завязала съ нашими казачьими сотнями оживленную перестрѣлку. Казаковъ, посланныхъ на рекогносцировку къ названному селенію, было мало, вслѣдствіи чего турки, ободренные ихъ нерѣшительными дѣйствіями, попытались перейти въ насту-

леніе. Но въ это время подоспѣли дербентцы, подъ командою генералъ-маіора Цытовича и послѣ двухъ съ половиной часоваго боя, заставили турокъ очистить сел. Туванчъ, которое и было занято нами.

Пока происходило все вышеизложенное, 1-й и 2-й баталіоны кубинцевъ расположились въ Гасанъ-Кала и сел. Альварѣ. Въ ночь съ 10-го на 11-е декабря завѣдывавшій полкомъ, подполковникъ Бѣляевъ, находившійся въ сел. Альваръ, получилъ отъ начальника штаба соганлугскаго отряда записку слѣдующаго содержанія:

„2-й баталіонъ долженъ форсированнымъ маршемъ идти въ сел. Кечкъ и дальше—въ сел. Гинсъ. Тамъ идетъ бой. Для этого вы обязываетесь немедленно исполнить слѣдующее: 1) сію минуту выслать въ Гасанъ-Кала пріемщиковъ съ фургонами за провіантомъ, который долженъ быть полученъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы баталіонъ имѣлъ съ собою провіанту на восемь дней, съ завтрашняго дня; 2) кухни сейчасъ же выслать въ дер. нижній Туй, гдѣ, къ 2-мъ часамъ завтрашняго дня, долженъ быть готовъ обѣдъ,— съ кухнями должны быть проводники, взятые изъ Альвара; 3) до разсвѣта завтрашняго дня выступайте съ баталіономъ и придите въ с. нижній Туй, къ 2-мъ часамъ пополудни, обѣдайте тамъ, дайте отдыхъ людямъ до 5-ти или 6-ти часовъ вечера и потомъ слѣдуйте въ Кечкъ, куда прибудьте къ 12-ти часамъ ночи; 4) одновременно съ вами приходятъ въ нижній Туй два бакинскихъ баталіона. Вы, какъ старшій принимаете команду надъ всѣми тремя баталіонами и идете дальше; и 5) по прибытіи въ нижній Туй, люди должны имѣть на рукахъ 5-ти дневный запасъ провіанта; остальные сухари должны быть оставлены въ нижнемъ Туѣ подъ присмотромъ. Ротныя кухни слѣдуютъ за баталіонами".

Во исполненіе только-что изложенной записки, баталіонъ выступилъ изъ сел. Альваръ еще задолго до разсвѣта. Обозъ же, получивъ провіантъ въ Гасанъ-Кала, тронулся изъ этого города по дорогѣ въ нижній Туй только въ 6-ть часовъ вечера и слѣдовалъ безостановочно до часу ночи, когда и прибылъ въ названное селеніе.

Преодолѣвая непомѣрные труды, представляемые форсирован-

нымъ движеніемъ, по запесеннымъ глубокимъ снѣгомъ равнинамъ Пасина, донимаемые чувствительнымъ холодомъ, почти безъ обуви—солдаты наши выполнили безостановочно свой трудный походъ и, къ полудню 11-го декабря, были уже въ нижнемъ Туѣ, гдѣ ихъ ждалъ обѣдъ.

Уже въ то время, когда отрядъ готовъ былъ двинуться дальше и слѣдовать въ с. Кечкъ—получено было приказаніе воротиться въ мѣста своего расположенія. Во вниманіе къ усталости, рѣшено было переночевать въ сел. нижній Туй. Но ночлегъ этотъ не далъ желаннаго отдыха: селеніе было совершенно покинуто жителями, а дома его представляли одни развалины. Морозная ночь, такимъ образомъ, застала насъ внѣ всякаго крова, а полное отсутствіе теплой одежды сдѣлало, изъ этого времени покоя и сна, одну продолжительную пытку.

12-го числа кубинцы снова возвратились въ с. Альваръ.

Съ этого времени, вплоть до 27-го декабря, полкъ уже не былъ больше тревожимъ и находился въ полнѣйшемъ покоѣ, размѣстившись на зимнія квартиры частью (3-й и 4-й баталіоны) въ сел. Дали-Баба, частью же (штабъ полка, 1-й и 2-й баталіоны) въ сел. Альваръ.

Наступила глубокая зима. Окрестности нашихъ зимнихъ стоянокъ покрылись снѣгомъ. Всѣ военныя дѣйствія, казалось, должны были совершенно прекратиться. Обыденная походно-боевая жизнь полка протекала въ описываемое время крайне однообразно: днемъ отдѣльные пикеты, выставляемые въ различныхъ пунктахъ занимаемыхъ селеній, а ночью рѣдкая аванпостная цѣпь вокругъ ихъ, вотъ и все, что входило въ кругъ нашей служебной дѣятельности въ этотъ періодъ. Свободное же отъ службы время было посвящено главнымъ образомъ отдыху и кое какимъ исправленіямъ, какъ пришедшей почти въ негодность одежды солдатъ, такъ и приведенію въ порядокъ полковаго и ротнаго обозовъ, состояніе которыхъ было далеко неисправно.

Пользуясь близостью г. Гасанъ-Кала, тѣ баталіоны полка, которые были расположены въ с. Альваръ, не пропускали случая побывать въ баняхъ названнаго города, устроенныхъ надъ горя-

чимъ и теплымъ сѣрными источниками, наибольшая температура которыхъ достигаетъ 41° Цельзія. Измученному и загрязнившемуся тѣлу походнаго человѣка, бани эти были просто находкою.

Наконецъ наступили рождественскіе праздники, которые и были проведены нами, съ относительнымъ удобствомъ, на мѣстѣ. Къ этому времени въ сел. Альваръ прибыли 3-й и 4-й баталіоны изъ Дали-Баба. Первый изъ нихъ расположился въ Альварѣ, а второй перешелъ въ сел. Былгасимъ. Среди занесенныхъ глубокимъ снѣгомъ селеній пасинской равнины, въ виду неизвѣстнаго и грознаго будущаго, святочное время невольно переносило насъ мысленно въ далекую родину. . . Но и тамъ, какъ и здѣсь на чужбинѣ, эти радостные праздники не могли, конечно, отличаться всею полнотою веселья, въ виду переживаемаго Россіею тяжелаго военнаго времени.

Между тѣмъ, разработка пути черезъ перевалъ Чобанъ-дагъ производилась весьма успѣшно. Команды, назначенныя для расчистки пути отъ снѣга, были помѣщены на вершинѣ перевала въ кибиткахъ. Люди мерзли, но смотрѣли молодцами.

Въ ущелья Гюрджи-Богазъ, стали все болѣе и болѣе прибывать наши войска и постепенно занимать сѣверо-восточную часть эрзерумской долины. Это обстоятельство произвело страшный переполохъ въ Эрзерумѣ. Быстрота вторженія нашихъ войскъ въ долину заставила турецкаго главнокомандующаго держать свои войска, на позиціяхъ, цѣлыя ночи подъ ружьемъ. Бодрость духа турокъ сильно пала; солдаты громко высказывали свое неудовольствіе. Наконецъ, Мухтаръ-паша, боясь быть окруженнымъ, въ ночь съ 14-го на 15-е декабря, выѣхалъ изъ Эрзерума въ Байбурть.

„Все изложенное, въ связи съ получившимися свѣдѣніями о лишеніяхъ которыя претерпѣваетъ гарнизонъ крѣпости, и распространяющейся посему въ рядахъ турокъ деморализаціи, а также и въ виду необходимости наиноспѣшнѣе лишить гарнизонъ возможности пользоваться подвозомъ въ крѣпость, уже собранныхъ по деревнямъ, провіантскихъ запасовъ, побудило приступить къ разширенію нашего квартирнаго раіона, дабы, съ одной стороны, угрожать главнымъ сообщеніямъ города, а съ другой—предоста-

вить своимъ войскамъ возможность болѣе широкаго размѣщенія въ селеніяхъ еще нетронутыхъ, и потому обильныхъ всякаго рода довольствіемъ, гдѣ гигіеническія условія быта солдатъ представлялись наиболѣе благопріятными“ (*). Вслѣдствіе этого, кромѣ 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи, занимавшей уже сѣверо-западную часть эрзерумской равнины, съ половины декабря были направлены туда же изъ долины Пасина и полки 40-й пѣхотной дивизіи, съ артилерійскими и казачьими частями. Всѣ эти части должны были прибыть на назначенныя для нихъ мѣста къ 22-му декабрю и, распространяясь по мѣрѣ прибытія къ западу, занять всѣ селенія по правой сторонѣ р. Карасу, до сел. Озны и Кара-Арзы включительно.

Но, перекинутыя такимъ образомъ въ долину Ефратъ-Карасу, войска наши лишены были, однако, возможности наносить противнику существенный вредъ, такъ какъ главная его артерія—трапезондское шоссе—оставалась для него свободнымъ путемъ, по которому онъ продолжалъ пользоваться всякаго рода подвозами. Поэтому представлялась настоятельная необходимость занять сел. Илиджа, расположенное на трапезондскомъ шоссе, которое только при такомъ условіи переставало существовать для турокъ.

Убѣдившись въ этомъ лично, въ бытность свою 21-го декабря въ с. Гипсъ, начальникъ отряда, генералъ Гейманъ, сдѣлалъ распоряженіе, по которому полки 2-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями 39-й артилерійской бригады должны были, пополнить немедленно восьмидневный сухарный запасъ и быть готовыми къ движенію въ эрзерумскую долину, по первому востребованію.

Съ 21-го декабря, наша кавалерія начала почти безпрепятственно занимать селенія—Киринчъ, Типникъ, а затѣмъ Озны. Вскорѣ послѣ этого, нашими разъѣздами было замѣчено особенное скопленіе непріятеля въ сел. Кара-Арзы, находящемся верстахъ въ 6-ти отъ сел. Озны. Это обстоятельство побудило ускорить прибытіе туда частей бакинскаго полка, съ помощью которыхъ Кара-Арзы и было занято, послѣ незначительной перестрѣлки. Вслѣдъ же

(*) «Дѣйствія соганлугскаго отряда». Военный Сборникъ № 8, 1878-го года.

за занятіемъ названнаго селенія, войска наши совершенно безпрепятственно вступили въ сел. Илиджа, съ занятіемъ котораго Эрзерумъ оказался фактически разобщеннымъ съ Трапезондомъ; шоссе перестало для него существовать.

„Съ занятіемъ Илиджи—говоритъ „Военный Сборникъ"—расположеніе нашихъ войскъ на правомъ флангѣ оказалось нѣсколько жидкимъ и по растянутости не обезпечивало сосредоточенія силъ на любомъ изъ пунктовъ, которому бы могла угрожать опасность, а потому, признавъ необходимымъ притянуть въ эрзерумскую долину 2-ю бригаду 39-й пѣхотной дивизіи, съ 1-ю и 2-ю батареями 39-й артилерійской бригады, немедленно сдѣланы были надлежащія по сему распоряженія, во исполненіе которыхъ части бригады должны были начать выступленіе изъ своихъ квартиръ поэшелонно" (*). Но такъ какъ, съ одной стороны, въ ожиданіи прибытія этихъ частей, казалось рискованнымъ оставлять въ Илиджѣ слабый отрядъ, а съ другой, главная цѣль занятія этого селенія невполнѣ достигалась въ виду невозможности преградить для Эрзерума сношенія съ западными областями, а слѣдовательно и съ Трапезондомъ, то и было рѣшено передвинуть части 1-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи, послѣдовательно, съ праваго берега Карасу на лѣвый, для занятія всѣхъ деревень вплоть до Паланъ-текена, чѣмъ и достигалось полное и тѣсное обложеніе Эрзерума, со всѣхъ сторонъ. Осуществить же только-что упомянутое передвиженіе давало намъ право то обстоятельство, что фронтъ нашихъ войскъ, запимавшихъ деревни по правую сторону р. Карасу былъ доступенъ лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ, гдѣ непріятель легко могъ быть задержанъ сравнительно незначительными силами. Кромѣ того, части 2-й бригады 39-й пѣхотной дивизіи, направленныя также въ составъ войскъ блокадной линіи, ожидались здѣсь со дня на день.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго въ сел. Альваръ былъ полученъ маршрутъ, согласно котораго кубинскій полкъ долженъ былъ слѣдовать черезъ чобанъ-дагскій перевалъ въ долину р. Карасу, для присоединенія къ войскамъ блокадной линіи. Днемъ вы-

(*) № 8, 1878-го года. «Дѣйствія соганлугскаго отряда».

ступленія частей полка изъ занимаемыхъ ими квартиръ было назначено 27-е декабря. Конечными пунктами слѣдованія для баталіоновъ полка были селенія: Каяпа—для 1-го баталіона, Кара-Арзы—для 2-го, Озны—для 3-го и Бадышенъ—для 4-го. Штабъ полка долженъ былъ размѣститься, вмѣстѣ съ 2-мъ баталіономъ, въ сел. Кара-Арзы. Среднее протяженіе пути для всѣхъ частей полка равнялось 80-ти верстамъ; переходовъ было назначено четыре.

Переходъ въ это позднее зимнее время черезъ чобанъ-дагскій перевалъ, хотя уже и разработанный нами, былъ чрезвычайно труденъ. Приходилось, чуть ли не три четверти пути, вытаскивать людьми какъ слѣдовавшую съ нами артилерію, такъ и тяжести полковаго обоза. Солдатъ нашъ зябъ, изнемогалъ, но всетаки не падалъ духомъ. Въ рядахъ его были слышны, подъ часъ, шутки и веселый говоръ. Только поздно вечеромъ, часу въ десятомъ, мы, наконецъ спустились въ сел. Кечкъ, совершенно раззоренное и покинутое жителями. Холодныя и пустыя сакли его были далеко негостепріимны и мы, измученные и прозябшіе, не нашли въ нихъ желаннаго покоя и отдыха.

Трудность описываемаго перехода была настолько велика, что солдаты отставали массами. Казалось, сплы этихъ безвѣстныхъ героевъ надломились наконецъ, подъ тяжестью лишеній и трудовъ походно-боевой жизни. Лазаретныя линейки не вмѣщали всѣхъ заболѣвшихъ и ослабѣвшихъ; приходилось сажать ихъ на полковые фургоны. Многіе изъ этихъ доблестныхъ и скромныхъ тружениковъ сдѣлались впослѣдствіи жертвами тифозной эпидеміи, всѣ ужасы которой намъ пришлось испытать во время блокады Эрзерума.

Въ самый канунъ новаго года, баталіоны, наконецъ, достигли назначенныхъ имъ мѣстъ... Нерадостно и тихо перешагнули мы этотъ рубежъ, отдѣлившій столь трудно пережитое прошлое, отъ грознаго и невѣдомаго будущаго... Минута, переживаемая нами, была многознаменательна; было надъ чѣмъ, дѣйствительно, сосредоточиться каждому и глубоко призадуматься....

Такъ началась для кубинцевъ блокада г. Эрзерума.

Состояніе провіантскаго и приварочнаго довольствія въ полку, въ описываемый періодъ времени, было удовлетворительно. Сухар-

пая дача разнообразилась отпускомъ свѣжаго хлѣба, выпекаемаго въ г. Гасанъ-Кала.

Что же касается до солдатскаго приварка, то достоинства его, зависящія главнымъ образомъ отъ качества мяса, поставляемаго подрядчиками—заставляли желать очень многаго. Захудалый и истощенный скотъ, убивавшійся этими промышленниками, не давалъ, конечно, солдатской пищѣ должной питательности, а отсутствіе всякихъ другихъ продуктовъ, необходимыхъ для приготовленія солдатскаго борща, заставляло приготовлять, изо-дня въ день, безвкусные и жиденькіе супы, далеко неспособные возстановить истощенныя силы солдатскаго организма.

Заболѣвшихъ, въ теченіи декабря мѣсяца, въ полку было 311 человѣкъ. Цифра же всѣхъ больныхъ, находившихся въ госпиталяхъ, больницахъ и лазаретахъ, равнявшаяся въ январѣ 1877-го года 62 человѣкамъ, къ 1-му январю 1878-го года достигла 666 человѣкъ. Наличная боевая сила полка, въ это время, была 2494 штыка (*).

ГЛАВА X.

Блокада г. Эрзерума.—Сильное развитіе эпидеміи тифа среди войскъ, составлявшихъ блокадную линію.—Санитарное состояніе.—Затруднительность провіантскаго и приварочнаго довольствія войскъ.—Медицинскія средства.—Затруднительность эвакуаціи больныхъ въ пункты расположенія подвижныхъ лазаретовъ и госпиталей.—Смертность въ полку.—Очищеніе турками г. Эрзерума.—Вступленіе полка въ Эрзерумъ.

Къ концу декабря 1877-го года тѣсная блокада кр. Эрзерума была окончательно установлена. А такъ какъ условія неблагопріятнаго времени не позволяли приступить къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то вся дѣятельность нашихъ войскъ должна была ограничиться поддержаніемъ надлежащей бдительности блокады и упроченія нашего вліянія въ занятомъ краѣ.

(*) Мѣсячные отчеты полка за январь и декабрь мѣсяцы 1877-го года.

Суровость наступившей зимы была чрезвычайная; ея мятели и вьюги загромоздили всѣ пути сообщенія страшными снѣжными заносами, которымъ удивлялись даже мѣстные жители. Всякое сообщеніе между частями войскъ почти совершенно прекратилось, и только съ великимъ трудомъ, по едва пробивавшимся тропамъ, могли слѣдовать вьючные транспорты. При этомъ, всякое малѣйшее уклоненіе въ сторону отъ тропы влекло за собою неминуемую гибель животныхъ, которыя, безъ преувеличенія, утопали въ снѣгу. Казалось, сама природа способствовала полнѣйшей изолированности блокированнаго города, для котораго остались одинъ лишь нѣшеходныя тропы, служившія для сообщенія съ тѣми изъ ближайшихъ къ нему селеній, которыя еще не были заняты нашими войсками.

„Такимъ образомъ—говоритъ „Военный Сборникъ"—при невозможности развертыванія войскъ за глубиною снѣга, превышавшаго мѣстами ростъ человѣка, никакихъ наступательныхъ противъ крѣпости дѣйствій предпринимать было нельзя, да къ тому же въ такого рода дѣйствіяхъ не предстояло и особенной надобности, такъ какъ и безъ того положеніе крѣпости было вполнѣ критическое: гарнизонъ испытывалъ тяжкія лишенія отъ холода и недостатка хлѣба, мяса и другихъ продовольственныхъ продуктовъ. Имѣвшіеся запасы зерна не успѣвали перемалывать за малочисленностью мельницъ; порціонный скотъ, пріобрѣтавшійся изъ окрестностей, съ завершеніемъ блокады, не могъ уже быть доставляемъ въ городъ извнѣ, вслѣдствіе чего у жителей отнимались для войскъ ихъ насущные съѣстные припасы, что, при многолюдности города, долго продолжаться не могло. Для отопленія, за неимѣніемъ горючихъ матеріаловъ, вырубались почти всѣ имѣвшіеся въ городѣ деревья и, за недостаткомъ ихъ, разбирались дома жителей. Вслѣдствіе всего этого, болѣзненность въ рядахъ гарнизона приняла грандіозные размѣры и къ прекращенію этого бѣдствія—какъ чистосердечно признался, пріѣзжавшій въ половинѣ января парламентеръ, полковникъ Гусейнъ-Авни-паша—турки не имѣли никакихъ средствъ" (*).

(*) Дѣйствія соганлугскаго отряда. Военный Сборникъ 1878-го года № 11.

Таково было положеніе Эрзерума въ началѣ января 1878-го года. Войска наши, не предпринимая ничего рѣшительнаго, могли вполнѣ разсчитывать что неизбѣжность паденія этой крѣпости составляла лишь вопросъ времени. Между тѣмъ, непріятель нашъ, сознавая, въ свою очередь, всю незавидность своего положенія, попытался было образовать внѣшнюю армію около Эрзингана. Но эта попытка оказалась вполнѣ неудачною; посланные изъ Эрзерума по лѣтней дорогѣ черезъ Паланъ-текепъ отборные офицеры и солдаты, въ числѣ до 1000 человѣкъ, для образованія кадра будущей арміи, большею частью замерзли и только въ незначительномъ числѣ, съ отмороженными членами, возвратились обратно въ Эрзерумъ. Оставалось такимъ образомъ только одно средство—попробовать пробиться сквозь нашу блокадную линію.

Въ ожиданіи таковой попытки со стороны турокъ, дѣйствія наши, въ описываемый періодъ времени, заключались въ соблюденіи возможной бдительности блокады, подробности выполненія которой по отношенію къ кубинскому полку и приводятся ниже.

Благодаря необыкновенной глубинѣ снѣговъ, покрывавшихъ эрзерумскую равнину, баталіонамъ полка, расположеннымъ по селеніямъ правой стороны р. Карасу, не представлялось надобности содержать цѣпь аванпостовъ, а достаточно было имѣть только наблюдательные посты у выходовъ изъ селеній. Это послѣднее обстоятельство, конечно, немало облегчило тяжесть нашей службы этого времени. Сообразно только-что указаннымъ условіямъ, служба кубинцевъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ полку, заключалась въ слѣдующемъ: днемъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, занимаемыхъ баталіонами или ротами селеній, ставились часовые, которые и наблюдали за непріятелемъ, кромѣ того, такіе же часовые находились у выходовъ селеній; часовые обязаны были наблюдать затѣмъ, чтобы никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ ни выйти изъ селенія, ни войти въ него безъ билета (*). Въ ночное же время для содержанія наблюдательныхъ постовъ, число которыхъ

(*) Донесенія командировъ: 1-го баталіона отъ 8-го іюня 1878-го года, № 101, 2-го—отъ 7-го іюня того же года за № 37, 3-го—отъ 8-го іюня того же года за № 82 и 4-го—отъ 7-го іюня того же года за № 104.

увеличивалось сравнительно съ дневнымъ—назначалась, обыкновенно, рота, одна часть ея была разставляема на пикеты, а другая составляла резервъ, который находился постоянно въ полной готовности.

Однако, несмотря на видимую необременительность описанной службы, она была далеко нелегка. Изнеможенный предшествующими походами, плохо питаемый и почти неодѣтый, солдатъ видимо напрягалъ свои послѣднія усилія. Морозныя ночи съ пронзительными мятелями заставали его подъ открытымъ небомъ безъ всякой возможности чѣмъ-нибудь защитить себя отъ леденящаго холода. Въ потертой шинели, въ изношенномъ мундирѣ, въ плохихъ самодѣльныхъ лаптяхъ, съ ногами кое-какъ обмотанными тряпками—терпѣливо выносилъ этотъ безвѣстный труженикъ такую массу непосильнаго труда, о которой невозможно дать точное понятіе... Здѣсь кстати будетъ остановиться подробнѣе на крайне печальномъ состояніи обуви нашихъ солдатъ, въ описываемое суровое время года. Выше было замѣчено, что Его Императорское Высочество, Главнокомандующій кавказскою арміей, еще при встрѣчѣ своей въ концѣ ноября 1877-го года съ 3-мъ и 4-мъ баталіонами кубинскаго полка, слѣдовавшими изъ эриванскаго отряда въ соганлугскій, изволилъ обратить вниманіе на крайнюю нужду солдатъ въ обуви, и приказалъ немедленно же выдать изъ корпуснаго интендантства, невзачетъ срочной потребности, въ полкъ по одной парѣ сапогъ на наличное состояніе людей (*). Но событія военнаго времени, постоянныя передвиженія и трудность перевозки, затормозили своевременность удовлетворенія этой важной потребности въ снаряженіи солдата, и полкъ, такимъ образомъ, принужденъ былъ терпѣть вопіющую нужду въ этомъ отношеніи еще и въ январѣ 1878-го года, когда строгость блокадной службы, безукоризненно выполняемая нашими войсками, среди холодовъ чрезвычайно суровой и снѣжной зимы, вызывала невольное удивленіе, даже въ рядахъ турокъ!... И только уже къ началу февраля, давно ожидаемые сапоги прибыли въ полкъ въ

(*) Отзывъ корпуснаго интенданта къ командиру 155-го пѣхотнаго кубинскаго полка, отъ 27-го ноября 1877-го года № 7515.

количествѣ 3000 паръ. Такимъ образомъ, цѣль этого отпуска сапоговъ невзачетъ срочной потребности, вызванная условіями походно-боевой жизни солдата, была достигнута лишь на половину; самый трудный періодъ—періодъ походныхъ движеній по глубокимъ снѣгамъ и ночныхъ усиленныхъ аванпостовъ—былъ пережитъ; наступило перемиріе, облегчившее сразу всѣ трудности военныхъ операцій—и только тогда, повторяемъ, солдатъ нашъ получилъ отпущенную ему обувь.

Среди описанной выше дѣятельности полка по отправленію блокадной службы, неоднократно происходили передвиженія нѣкоторыхъ ротъ изъ одного пункта въ другой; передвиженія эти вызывались главнымъ образомъ санитарными условіями, а подчасъ и соображеніями чисто военнаго характера. Такъ, двѣ роты 1-го баталіона, въ виду тѣсноты помѣщеній, были переведены 16-го января изъ сел. Каяпа въ сел. Кушчи, а 2-й баталіонъ, расположенный въ сел. Кара-Арза, былъ внезапно направленъ 23-го января въ сел. Агаверъ, находящееся на трапезондской дорогѣ, куда, въ видѣ резерва, былъ и прежде выдвинутъ одинъ баталіонъ дербентскаго полка. Слѣдуя къ новому мѣсту назначенія, баталіонъ кубинцевъ былъ, однако, возвращенъ обратно съ дороги въ прежнее мѣсто расположенія. 3-й и 4-й баталіоны полка, размѣщенные въ сел. Озны, никакихъ передвиженій въ теченіи января не совершали.

Такъ шло время до 23-го января. Въ этотъ день мы узнали о заключеннomъ 19-го числа того же мѣсяца перемиріи въ Адріанополѣ, вслѣдствіе чего и послѣдовало распоряженіе командующаго дѣйствующимъ корпусомъ о прекращеніи всѣхъ военныхъ дѣйствій, хотя блокада города все еще должна была продолжаться.

Достигнувъ, съ самаго начала блокады Эрзерума, вполнѣ выгоднаго положенія по отношенію къ непріятелю, запершемуся въ крѣпости и терпѣвшему всевозможныя лишенія—войска наши, въ свою очередь, очутились въ весьма неудовлетворительномъ санитарномъ состояніи. Болѣзненность развивалась среди нихъ съ ужасающею быстротою и, въ половинѣ января, превратилась въ сильнѣйшую тифозную эпидемію, противъ которой были безсильны какъ

самоотверженная заботливость начальниковъ частей, такъ и всѣ принимавшіяся ими самыя энергическія мѣры.

Къ описанію этого тяжелаго времени, впродолженіи котораго ожесточенно свирѣпствовала тифозная эпидемія среди войскъ блокаднаго отряда, мы теперь и приступимъ.

Отдѣльные случаи заболѣваемости тифомъ въ войскахъ дѣйствующаго корпуса стали появляться еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1877-го года. Выше, говоря о пріемномъ покоѣ, устроенномъ въ сел. Кара-килисса, находящемся въ алашкертской долинѣ, нами было замѣчено, что въ средѣ больныхъ названнаго покоя былъ тифозный случай. Но эти отдѣльные факты заболѣваемости тифомъ не имѣли эпидемическаго характера. Послѣднее значеніе названная болѣзнь получила лишь въ концѣ декабря 1877-го года и достигла наибольшаго напряженія и ожесточенія въ теченіи января, февраля и апрѣля мѣсяцевъ 1878-го года. Преобладающею формою заболѣванія въ это время былъ возвратный тифъ.

Причины, вызвавшія необыкновенное развитіе названной болѣзни, въ частяхъ блокаднаго отряда въ особенности, безъ сомнѣнія, скрывались въ его крайне неудовлетворительномъ санитарномъ состояніи. Съ одной стороны, чрезмѣрно усиленные труды форсированныхъ движеній за отступавшими арміями Мухтара и Измаилъ-пашей, среди крайне невыгодныхъ условій поздняго осенняго времени, а съ другой—скудность питанія нашего солдата, который принужденъ былъ растягивать сухарную дачу иногда до невозможной степени, при усиленной затратѣ физическихъ силъ своихъ, не могли не отразиться самымъ разрушительнымъ образомъ на организмахъ отдѣльныхъ единицъ, въ совокупности составлявшихъ нашу армію и, тѣмъ самымъ подготовили почву для развитія тифозной эпидеміи. Кромѣ того, скопленіе въ насипской равнинѣ соединенныхъ отрядовъ—эриванскаго и соганлугскаго—въ концѣ октября и началѣ ноября мѣсяцевъ 1877-го года, встрѣтило, какъ извѣстно, сильное затрудненіе въ пріобрѣтеніи нужнаго количества продуктовъ продовольствія. Мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, какъ объ этомъ уже упомянулось выше, было крайне недостаточно а возможность подвоза изъ нашихъ складовъ, въ виду крайне ило-

хаго состоянія дорогъ, была совершенно парализована. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что добываемая солдатами пшеница въ зернѣ, за неимѣніемъ ничего лучшаго, слегка варилась и въ такомъ видѣ, вслѣдствіе необходимости, употреблялась въ пищу.

При такихъ невыгодныхъ гигіеническихъ условіяхъ, части эриванскаго отряда принуждены были отступить снова въ алашкертскую равнину, а войска соганлугскаго отряда, въ составѣ которыхъ числился и кубинскій полкъ, расположиться на зимовыя квартиры въ равнинѣ Пасина.

Замѣтное повышеніе цифры больныхъ въ полку въ описываемое время, приведенное нами въ концѣ предшествующей главы, краснорѣчиво указывало на неудовлетворительность санитарнаго состоянія полка и невольно предрасполагала къ тревожнымъ ожиданіямъ того страшнаго бича, въ формѣ тифозной эпидеміи, который и проявился съ особенною силою въ полку, вмѣстѣ съ началомъ блокады г. Эрзерума. А если къ этому прибавить еще и то, что солдатъ нашъ не имѣлъ сколько-нибудь теплой одежды и порядочной обуви, во время суровыхъ холодовъ наступившей зимы, то наличность всѣхъ условій для развитія сильной заболѣваемости, перешедшей въ эпидемію, будетъ внѣ всякаго сомнѣнія.

И вотъ, съ зародышемъ для развитія названной эпидеміи, полкъ спустился въ эрзерумскую равнину и поступилъ въ составъ блокаднаго отряда.

Видимый непріятель нашъ—турки, какъ извѣстно, мало безпокоилъ насъ въ это время; военныя дѣйствія прекратились, гулъ выстрѣловъ умолкъ, и славная смерть героевъ на поляхъ сраженій осталась лишь въ воспоминаніяхъ... Но за то другой врагъ, невидимый и болѣе злостный, вдругъ, вмѣсто желаемаго затишья, подкрался къ намъ и сталъ сѣять вокругъ себя смерть и разрушеніе... Не въ честномъ открытомъ бою онъ поражалъ массы людей, подкашивая ихъ молодыя силы и здоровье—нѣтъ, врагъ этотъ, казалось, проникъ всю обстановку нашу. Въ свѣтлые морозные дни, разгуливая среди глубокихъ снѣговъ долины Карасу, онъ свободно проникалъ въ плохія сакли и собиралъ обильную дань въ средѣ находившихся тамъ солдатъ и офицеровъ, ночью же

онъ встрѣчалъ этихъ тружениковъ на аванпостахъ, обдавалъ ихъ снѣжною пылью, пронизывалъ леденящимъ холодомъ ихъ плохую износившуюся одежду и массами валилъ ихъ съ ногъ... Солдатъ нашъ потерялся; онъ инстинктивно сознавалъ всю непреоборимость страшнаго недуга, и, молча, безропотно, умиралъ на далекой чужбинѣ въ то время, когда радостная надежда остаться цѣлымъ и невредимымъ отъ вражьей пули готова была охватить все его измученное существо.... Чувство, переполнившее всѣхъ насъ, было крайне мрачное и тяжелое.

Лишенные подвоза продовольственныхъ средствъ изъ нашихъ складовъ, терпя въ нихъ крайній недостатокъ на мѣстѣ, мы очутились въ положеніи людей, близкихъ къ голоду. Вслѣдствіе этого, желая организовать дѣло продовольствія мѣстными средствами возможно лучше, къ войскамъ блокаднаго отряда, въ концѣ января мѣсяца, былъ командированъ генералъ Шелковниковъ, предназначавшійся на должность губернатора Эрзерума, но помочь этому важному дѣлу все-таки не удалось. Мусульманское населеніе, составлявшее большинство окрестныхъ жителей, ревниво хранило свои запасы и крайне недружелюбно относилось къ намъ. Приходилось почти силою собирать муку и пшеницу въ зернѣ, чуть ли не по горстямъ и, этимъ скуднымъ сборомъ продовольствовать войска. Вслѣдствіе крайняго недостатка въ такомъ насущномъ предметѣ какъ хлѣбъ—болѣзненность еще болѣе усилилась (*). Околодки буквально переполнились больными и смертность достигла своей высшей степени въ февралѣ мѣсяцѣ. Число больныхъ въ каждой ротѣ было на половину; да и тѣ люди, которые числились здоровыми, походили скорѣе на какія то тѣни, нежели на живыя существа. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что некому было даже рыть могилы для умершихъ и хоронить послѣднихъ. Эта печальная обязанность возлагалась, обыкновенно, на мѣстныхъ жителей изъ армянъ. И вотъ, ежедневно по вечерамъ, выносились изъ

(*) По официальнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ канцеляріи полка, число дней, въ которые роты полка не получали совершенно провіанта, было слѣдующее: въ 1-мъ баталіонѣ—28 дней; во 2-мъ—24, въ 3-мъ—20 и въ 4-мъ—18 дней.

баталіонныхъ околодковъ среднимъ числомъ 10—12 покойниковъ, безъ гробовъ, на простыхъ носилкахъ, молча препровождались на кладбища, и никѣмъ неоплаканные, зарывались въ землю безъ церковнаго пѣнія, безъ ладона, безъ всего чѣмъ, въ глазахъ русскаго человѣка, бываетъ могила крѣпка.

Вскорѣ, къ страшнымъ минутамъ, которыя пришлось переживать намъ во время блокады, присоединилось новое горе. Весь запасъ необходимѣйшихъ медикаментовъ почти вышелъ, доставка же ихъ изъ Гасанъ-Кала черезъ чобанъ-дагскій перевалъ, за страшнымъ снѣгомъ и вьюгами, сдѣлалась совершенно невозможною. Врачей было крайне мало, да и тѣ, заболѣвъ почти всѣ тифомъ, были поставлены въ невозможность приносить пользу больнымъ (*). Наступили наконецъ минуты, полнѣйшей безпомощности, посреди которой нельзя было не растеряться даже самому энергическому человѣку. А между тѣмъ, число больныхъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось; баталіонные околодки переполнились до того, что въ нихъ трудно было повернуться. Больныхъ клали прямо въ повалку на земляномъ полу сакель, съ большимъ трудомъ доставая для нихъ самую скудную подстилку. Уходъ за ними былъ крайне плохъ, потому что ухаживать было буквально некому: всѣ фельдшера и вся больничная прислуга или переболѣла и слегла, или же ходила какъ пьяная, выбившись положительно изъ силъ. А новый притокъ больныхъ все продолжался. Люди терпѣливо страдали, безропотно относились къ своей участи и молча умирали гдѣ либо въ темномъ углу негостепріимнаго сарая, до котораго зачастую не могла достигнуть никакая медицинская помощь—ни въ образѣ врача, ни даже въ лицѣ простаго фельдшера. Формы, въ которыхъ проявлялся тифъ въ описываемое время, были ужасны. Было очень много случаевъ, когда болѣзнь эта сопровождалась гангреною нижнихъ конечностей. По объясненію врачей, послѣднее явленіе обусловливалось тѣмъ, что нѣкоторые изъ больныхъ субъектовъ были истощены настолько, что такія отдаленныя конечности ихъ ослабѣвшаго организма, какъ ступни ногъ, были

(*) Сначала заболѣли врачи полка—Николаенко и Дорошкевичъ, а затѣмъ слегъ въ постель и старшій врачъ Минкевичъ.

даже лишены правильнаго кровообращенія. Отсюда омертвеніе пальцевъ ноги и отпаденіе ихъ, еще заживо, у нѣкоторыхъ больныхъ солдатъ.

Въ это-то тяжелое время, когда столь нужная врачебная помощь достигла своего minimum'а, благодаря крайнему недостатку въ медикахъ, на помощь къ страждущему солдату пришелъ, со всѣмъ пыломъ самаго безкорыстнаго и самоотверженнаго чувства, его ближайшій начальникъ—ротный командиръ. Почтенная дѣятельность этихъ лицъ, въ описываемое время, вполнѣ достойна того, чтобы страницы настоящаго „Описанія" съ уваженіемъ упомянули объ ней. Запасшись, наконецъ, съ трудомъ доставленной въ полкъ изъ г. Гасанъ-Кала хиною, ротные командиры, руководствуясь составленной врачами инструкціею, являлись утромъ и вечеромъ къ больнымъ своей роты и лично подавали необходимую помощь; кромѣ того, они дѣлились съ больными солдатами чаемъ и сахаромъ, удѣляя эти предметы потребленія изъ своихъ личныхъ средствъ.

Благодаря тому обстоятельству, что сообщеніе, съ тыломъ дѣйствующаго корпуса и ближайшими къ эрзерумской равнинѣ пунктами расположенія подвижныхъ лазаретовъ и госпиталей, было крайне затруднительно, вслѣдствіе отсутствія сколько нибудь удобныхъ путей—эвакуація больныхъ, вплоть до сдачи Эрзерума, была положительно невозможна. Вслѣдствіе этого скопленіе послѣднихъ въ мѣстахъ расположенія частей полка было чрезмѣрное. Полкъ буквально не зналъ, что съ ними дѣлать и куда ихъ дѣвать—а это, въ свою очередь, немало вліяло на распространеніе эпидеміи въ полку.

За отсутствіемъ въ канцеляріи полка какихъ либо цифровыхъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о числѣ заболѣвавшихъ и умершихъ въ полку ежедневно, въ періодъ января и февраля мѣсяцевъ, мы ограничимся здѣсь, по необходимости, одними общими цифрами, указывающими, сколько было случаевъ заболѣванія и смерти въ теченіи каждаго изъ вышеназванныхъ мѣсяцевъ отдѣльно (*): въ январѣ заболѣло—591, умерло—283; въ

(*) Лазаретная книга 155-го пѣхотнаго кубинскаго полка, за 1878-й годъ.

февралѣ заболѣло—733, умерло—258 (*).

Вслѣдъ за заключеніемъ перемирія, явилась возможность тотчасъ же приступить къ измѣненію дислокаціи частей блокаднаго отряда, съ цѣлью повозможности улучшить гигіеническія условія стоянки войскъ. Послѣднее обстоятельство вызывалось существенною необходимостью, такъ какъ, благодаря только-что прекратившимся военнымъ дѣйствіямъ, части отряда были размѣщены крайне тѣсно и неудобно. Вслѣдствіе этого въ кубинскомъ полку, въ періодѣ января и февраля мѣсяцевъ, произошли слѣдующія перемѣщенія: 1-й баталіонъ 30-го января былъ передвинутъ изъ сел. Каяпа въ сел. Титгиръ, а 5-го февраля—опять обратно въ сел. Каяпа и Кушчи; 15-го февраля двѣ роты названнаго баталіона (1-ая и 2-ая) перешли въ сел Цитавокъ, 3-я рота—въ сел. Туванчъ и 4-я—въ сел. Димаркумъ. 2-й баталіонъ перешелъ 26-го января въ сел. Плиджа, откуда 6-го февраля снова былъ передвинутъ въ сел. Базгарычъ (5-я и 6-я роты) и въ сел. Комкъ (7-я и 8-я роты); 3-й баталіонъ никакихъ передвиженій не совершалъ. Что же касается до 4-го баталіона, то роты его были перемѣщены изъ сел. Озны слѣдующимъ образомъ: 23-го февраля 16-я рота перешла въ сел. Мюркъ, а вслѣдъ за нею, 1-го марта, были передвинуты въ сел. Бадышенъ 14-я и 15-я роты.

19-го февраля, въ годовщину возшествія на престолъ Государя Императора, отъ частей блокаднаго отряда былъ парадъ въ г. Эрзерумѣ. Вскорѣ мы узнали о заключеніи мира съ турками, совершившемся въ Сапъ-Стефано (**).

(*) Отсутствіе всякихъ медико-статистическихъ данныхъ, къ сожалѣнію лишаетъ насъ возможности сдѣлать наглядный выводъ объ относительномъ санитарномъ состояніи всѣхъ частей полка, изъ котораго бы можно было видѣть, какіе собственно баталіоны полка, по условіямъ своей предшествующей походно-боевой жизни, а также и гигіенической обстановкѣ своей блокадной стоянки, дали наибольшее число больныхъ во время эпидеміи. Кромѣ того, изъ имѣющихся въ полку данныхъ, трудно опредѣлить также, сколько, въ вышеуказанномъ числѣ больныхъ и умершихъ, принадлежало собственно къ категоріи одержимыхъ тифомъ. Вообще можно сказать одно только, что большая часть изъ нихъ были жертвами тифа.

Авт.

(**) Приводимъ цѣликомъ тотъ приказъ по дѣйствующему корпусу, кото-

Такимъ образомъ, военныя дѣйствія были окончательно пріостановлены; внѣшній врагъ нашъ былъ побѣжденъ, и чувство гор-

---

рымъ сообщалась войскамъ радостная вѣсть о заключеніи мира съ турками:

«Приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ, № 105, февраля 28-го дня 1878-го года. Въ г. Эрзерумѣ.

По волѣ Великаго нашего Государя, война съ Турціею окончена, и 19-го сего февраля заключенъ миръ.

Боевые сподвижники мои!

Съ 12-го апрѣля прошлаго года, много оказано вами отличій, много вынесено неимовѣрныхъ трудовъ, но зато вы достигли сердца малой Азіи и почти вся съ бою взятая вами земля присоединена къ Россійской державѣ.

Поздравляю васъ съ окончаніемъ славной войны и съ блестящимъ миромъ!

Вы честно и геройски выполнили слова, съ которыми я обратился къ вамъ въ день открытія военныхъ дѣйствій: подъ знаменами вашихъ отцевъ и дѣдовъ вы снова закрѣпили громкую славу вашихъ частей, доказавъ Россіи и всему міру, что въ вашихъ жилахъ течетъ та самая богатырская кровь, которая неразъ являла чудеса храбрости. До 500 взятыхъ вами орудій и десятки тысячъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ служатъ тому доказательствомъ.

Овладѣніе штурмомъ крѣпости Ардагана, дѣйствіе эриванскаго отряда и 23-хъ дневная оборона осажденнаго Баязета, разгромъ анатолійской арміи на Аладжѣ, штурмъ неприступной крѣпости Карса, разбитіе соединенныхъ силъ Мухтара и Измаила пашей на Деве-Бойну и, наконецъ, безпримѣрная по громаднымъ, изумившимъ даже непріятеля, трудностямъ, среди жестокой зимы, безлѣсной мѣстности и на высотѣ семи тысячъ футовъ, строгая блокада г. Эрзерума и другіе ваши подвиги будутъ записаны золотыми буквами въ лѣтописи военной исторіи.

Не мнѣ быть цѣнителемъ вашихъ заслугъ и доблестей: за десять мѣсяцевъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій, неразъ заслужили вы дорогое царское «спасибо», благодарность нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго и благословеніе всѣхъ русскихъ людей.

Относясь съ высокимъ и незгладимымъ въ памяти моей уваженіемъ къ вашимъ боевымъ достоинствамъ и понесеннымъ трудамъ, я отъ глубины души благодарю провидѣніе за ниспосланное мнѣ счастіе, съ начала и до конца войны, быть во главѣ дѣйствующаго корпуса—достойнаго преемника старыхъ кавказскихъ бойцовъ.

Помянемъ вмѣстѣ, товарищи, вѣчною памятью тѣхъ братьевъ нашихъ, коимъ Господь не судилъ дожить до минуты славнаго мира—воздадимъ дань благоговѣйнаго уваженія семьямъ, осиротѣвшимъ послѣ войны; а когда судьба вернетъ насъ къ родному очагу, будемъ наставлять дѣтей нашихъ и внуковъ, чтобы и они, когда до нихъ дойдетъ чередъ, по первому слову Царя, шли

дости каждаго изъ насъ, какъ военнаго человѣка, было вполнѣ удовлетворено. Всѣ мы вообще, и каждый въ отдѣльности, глубоко торжествовали новую славу, покрывшую доблестное оружіе русскаго воинства, и безконечно были рады за честь и достоинство нашего дорогаго отечества, которое, цѣною крови лучшихъ своихъ сыновъ, достигло такихъ блестящихъ результатовъ. Въ этотъ торжественный моментъ были забыты нами всѣ труды, лишенія и испытанія только-что пережитаго военнаго времени; это недавнее прошлое со всѣми его кровавыми ужасами, казалось, вдругъ исчезло для насъ безслѣдно и мы всецѣло отдались теперь свѣтлому и отрадному будущему, которое привѣтливо сулило намъ, столь давно ожидаемые миръ и спокойствіе.

Между тѣмъ, эпидемія, свирѣпствовавшая среди войскъ блокаднаго отряда, не прекращалась. Ни болѣе удобное размѣщеніе, явившееся результатомъ вышеупомянутаго измѣненія дислокаціи, ни уменьшеніе служебныхъ тяжелыхъ трудовъ, ни возможное улучшеніе, продовольствія солдата—ничто не могло парализовать дальнѣйшаго развитія тифа. Болѣзнь эта продолжала полновластно царить, унося ежедневно массу геройскихъ жизней въ то время, когда сама судьба, казалось, ревниво щадила ихъ среди полей битвъ. И какъ тяжела и обидна была такая смерть!

Согласно предварительныхъ условій мира, предложенныхъ нами Турціи, въ числѣ тѣхъ крѣпостей, которыя турки должны были очистить, находилась, какъ извѣстно, и столица Арменіи—Эрзерумъ. Съ 6-го числа февраля мѣсяца, гарнизонъ Эрзерума сталъ выходить поэшелонно изъ этого города, направляясь къ Байбурту. Турецкія войска двигались по эрзерумо-трапезондскому шоссе черезъ сел. Илиджа, занятое частями бакинскаго полка. Считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь на описаніи того вида, который имѣлъ въ это время нашъ непріятель. Первый эшелонъ его, въ со-

---

умирать за отечество съ такою же беззавѣтною готовностью, какою были преисполнены во все время войны всѣ чины ввѣреннаго мнѣ корпуса, отъ перваго до послѣдняго.

Приказъ этотъ прочитать во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ. Командующій корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ».

ставѣ 10-ти таборовъ, при 6-ти батареяхъ, въ которыхъ находились 18-ть полевыхъ и 12-ть горныхъ орудій, прослѣдовалъ черезъ Илиджу, какъ было упомянуто выше, 6-го февраля.

Далеко неизнеможенныхъ голодомъ и болѣзнями людей пришлось намъ увидать, въ лицѣ проходившихъ передъ нами турокъ. Напротивъ, рослый, красивый, дышащій какою-то суровою энергіею и дикою силою народъ мы встрѣтили въ рядахъ оттоманскаго войска. Несмотря на страшный слишкомъ 20° морозъ, бывшій въ это время, турки были одѣты по лѣтнему, зачастую даже имѣя шинели свернутыми за ранцами, въ однѣхъ своихъ курткахъ изъ синяго сукна. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, бывшаго холода, турецкіе солдаты шли быстро. Несмотря на быстро мелькавшія передъ нами фигуры покрытыхъ плѣномъ воиновъ высокой Порты, мы всетаки имѣли возможность разсмотрѣть ихъ хорошо. Что за красивый народъ попадался между ними! Высокій, стройный ростъ, атлетическое тѣлосложеніе, наконецъ ихъ движенія, дышащія какою-то отвагою, все это, вмѣстѣ взятое, заставляло насъ невольно впадать въ иллюзію и представлять себѣ совершавшійся передъ нами маршъ, скорѣе при торжественной обстановкѣ, нежели въ его настоящемъ печальномъ значеніи... И это шли люди, которые были снабжены, какъ оказалось впослѣдствіи, провіантомъ въ такомъ размѣрѣ, что въ день на человѣка приходилось только по двѣ небольшихъ галеты! Да, поистинѣ справедливы были отзывы иностранныхъ корреспондентовъ, утверждавшихъ, что турецкій солдатъ далеко неплохой солдатъ. Передъ нами прошла также турецкая артилерія. Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстны достоинства ихъ артилерійскаго вооруженія въ минувшую кампанію; всѣ также очень хорошо знаютъ, что вооруженіе это составляло самый усовершенствованный плодъ современной крупповской фабрикаціи. Объ этомъ, слѣдовательно, много распространяться и нечего. Если что и требуетъ здѣсь нѣкотораго описанія, такъ это, такъ сказать, внѣшній видъ, который имѣли двигавшіяся передъ нами турецкія полевыя батареи. Вмѣсто малорослыхъ коней, которыми характеризуется здѣшняя порода этихъ животныхъ, мы встрѣтили превосходныхъ, сильныхъ и чрезвычайно высокихъ упряжныхъ орудійныхъ

лошадей. Лошади эти также не носили слѣдовъ безкормицы, хотя и находились въ блокированномъ городѣ. Но что дѣйствительно бросалось въ глаза, что напрашивалось невольно на сравненіе и что могло быть вполнѣ цѣлесообразнымъ для насъ заимствованіемъ, такъ это вся ихъ упряжная сбруя. Легкіе англійскіе хомуты и превосходные толстые машинные ремни, вызывая въ воображеніи наши доморощенные, невольно оставляли впечатлѣніе контраста, далеко невыгоднаго для послѣднихъ.

Самъ муширъ Измаилъ-Гакки-паша выѣхалъ изъ города въ полдень 9-го числа. 10-го числа онъ прослѣдовалъ черезъ сел. Илиджа, направляясь вслѣдъ за своими войсками. Въ силу приказаній командующаго дѣйствующимъ корпусомъ, для турецкаго военно-начальника въ сел. Илиджа была приготовлена почетная встрѣча отъ нашихъ войскъ, съ генераломъ Цытовичемъ во главѣ. Ровно въ 11½ часовъ утра Измаилъ-паша, въ сопровожденіи своего начальника штаба и бывшаго русскаго генерала Муссы-Кундухова, прибылъ на саняхъ въ сел. Илиджа. Подъѣхавъ къ почетному караулу и принявъ рапортъ, муширъ отправился въ ближайшій домъ, гдѣ былъ приготовленъ для него завтракъ. Какъ при встрѣчѣ турецкаго генерала, такъ и во время закуски игралъ хоръ нашей музыки. Турецкій главнокомандующій велъ себя впродолженіи этой церемоніи съ большимъ достоинствомъ и важностью. Вотъ его портретъ въ общихъ чертахъ: онъ очень симпатичный старикъ, высокаго роста и не по лѣтамъ статенъ, темный цвѣтъ лица, довольно большой носъ и черные глаза, не потерявшіе еще блеска краснорѣчиво говорили за его курдское происхожденіе. Онъ очень худощавъ и худощавость эта есть результатъ его аскетическаго образа жизни, его мистическаго и созерцательнаго времяпрепровожденія, о которыхъ неоднократно свидѣтельствовали иностранные корреспонденты.

Вслѣдъ за выѣздомъ Измаилъ-Гакки-паши изъ Эрзерума, 9-го же числа, около 3-хъ часовъ пополудни, распущенныя знамена эриванскаго и грузинскаго гренадерскихъ полковъ были водружены на главнѣйшихъ фортахъ эрзерумской крѣпости—Меджидіе и Азизіе. Городское населеніе было покойно. Спустя часъ, было объяв-

лено жителямъ, черезъ меджлисъ, о снятіи со слѣдующаго утра блокады города, которая, такимъ образомъ, и прекратилась съ 9-ти часовъ утра 10-го февраля.

Вскорѣ послѣ очищенія турками города Эрзерума и занятія его нашими войсками, дислокація частей блокаднаго отряда снова подверглась измѣненію. Эта послѣдняя мѣра была вызвана чисто гигіеническими соображеніями: покинутыя турками ближайшія къ Эрзеруму селенія становились свободными, и мы имѣли возможность, такимъ образомъ, увеличивъ раіонъ своего расположенія, размѣститься просторнѣе. Для удовлетворенія этой необходимости частямъ кубинскаго полка пришлось перемѣнить мѣста своего расположенія къ 12-му марту и занять слѣдующія пункты: 1-й баталіонъ и штабъ полка—сел. Чифтликъ, 2-й и 3-й баталіоны—сел. Кянъ, 4-й баталіонъ—с.с. Шехъ и Саукъ-Чермукъ (*). Вышеназванныя занятыя нами селенія составляли самыя ближайшія окрестности эрзерумской крѣпости и почти всѣ находились въ сферѣ орудійныхъ выстрѣловъ съ ея верковъ.

Покидая мѣста своихъ стоянокъ, расположенныхъ по правую сторону р. Карасу, личный составъ офицеровъ полка понесъ утрату, въ лицѣ двухъ своихъ товарищей—штабсъ-капитана Павленко и прапорщика Косарева, сдѣлавшихся жертвами тифа. Похоронивъ ихъ, среди простыхъ солдатскихъ могилъ, почти наканунѣ самаго передвиженія, мы тронулись на новыя мѣста, забравъ съ собою всѣхъ своихъ больныхъ, перевозку которыхъ сильно затрудняло, начавшееся въ это время таяніе снѣговъ въ низменной долинѣ р. Карасу, вышедшей изъ береговъ и затопившей огромное пространство. Но несмотря на все это, больные были всетаки перевезены и кое-какъ размѣщены въ свободныхъ сакляхъ, безъ самаго даже необходимаго, впрочемъ, удобства; и тогда, какъ и прежде, здѣсь не доставало ни падлежащаго простора, ни нужной чистоты.

Несмотря на то, что продовольственныя средства въ это время замѣтно улучшились и обезпеченіе солдатъ падлежащимъ количе-

(*) Предписаніе командующаго 39-ю пѣхотною дивизіею, 10-го марта № 1143.

ствомъ хлѣба не зависпло теперь уже отъ простой случайности, какъ во время блокады Эрзерума—заболѣваемость въ средѣ полка, однако, не уменьшалась. И тогда, какъ и прежде, ежедневно передъ заходомъ солнца, можно было видѣть слѣдующую печальную картину: по дорогѣ, ведущей за околицу селенія, гдѣ находилось уже нѣсколько свѣже-насыпанныхъ могилъ, какъ-то торопливо и молча пробирается печальная процессія съ 10-тью—12-тью носилками,—это несутъ солдатъ, умершихъ отъ тифа, въ теченіи одного или двухъ дней. Безъ гробовъ, прикрытые потертыми шинелями, изъ-подъ которыхъ выглядывали окоченѣвшія руки и ноги, мертвецы эти, носимые своими товарищами, тоже наполовину больными, невольно оставляли въ душѣ каждаго изъ насъ самое гнетущее впечатлѣніе.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца было получено распоряженіе о томъ, чтобы полкъ приготовился къ переходу въ городъ Эрзерумъ, по первому же приказанію, для чего заблаговременно озаботился бы перевозкою туда своихъ больныхъ (*).

Вскорѣ послѣ этого, получено было приказаніе и о самомъ переходѣ въ городъ, вслѣдствіе чего полкъ вступилъ туда 2-го апрѣля и расположился спачала въ кибиткахъ за городскою чертою, недалеко отъ карскихъ воротъ.

Число больныхъ и умершихъ въ періодѣ марта и апрѣля мѣсяцевъ было слѣдующее: въ мартѣ заболѣло—390, умерло 90; въ апрѣлѣ заболѣло—357, умерло 85 (**).

Такимъ образомъ, всѣхъ больныхъ въ полку съ января по май мѣсяцъ было—2071 человѣкъ, а умершихъ—714. Эта послѣдняя цифра, однако, не сходится съ тою, каковая значится въ метрической книгѣ полковой церкви за 1878-й годъ; въ этой послѣдней число умершихъ, за тотъ же періодъ времени, равняется 680-ти человѣкамъ.

Во вниманіе къ трудамъ, понесеннымъ въ тяжелое время блокады, нижніе чины полка удостоились получить денежную на-

(*) Отзывъ начальника штаба соганлугскаго отряда къ командиру кубинскаго полка, отъ 28-го марта аа № 1481.

(**) Лазаретная книга 155-го пѣхотнаго кубинскаго полка, за 1878-й г.

граду по два рубля на человѣка(*). Изъ личнаго же состава офицеровъ, находившихся на лицо во время блокады, Высочайше награждены слѣдующія лица: капитаны: Пшеничный, князь Аргутинскій-Долгоруковъ, штабсъ-капитаны: Ассѣевъ, Перехвальскій, Дружиловскій, поручики: Скуратовъ, Жуковъ, Черепахинъ-Иващенко, подпоручики: Ахшарумовъ, Гончаровъ, Пѣшковъ, прапорщики: Жуковъ и Фавстрицкій—слѣдующими чинами(**); полковникъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ—бриллiантовымъ перстнемъ съ вензелемъ Высочайшаго имени; маіоръ Трлицкій—орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ; полковникъ Бѣляевъ—орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами; капитаны: Чумипъ, Меликовъ, штабсъ-капитанъ Бегіевъ, поручики: Дробязгинъ, Лешковъ, Золотаревъ, Кузнецовъ 1-й, подпоручикъ Десницкій, прапорщики: Кругловъ, Навозовъ—орденами св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ; подпоручикъ Каликинскій—орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“; капитанъ Векиловъ—орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами, для нехристіанъ установленнымъ; маіоры: Абеловъ, Фовицкій, капитаны: Нейдингъ, Давыдовъ, Бакрадзе, Микеладзе, князь Аргутинскій-Долгоруковъ, Кореневъ, штабсъ-капитанъ Проценко, подпоручики: Кузнецовъ, князь Аргутинскій-Долгоруковъ—орденами св. Станислава 2-й степени съ мечами, штабсъ-капитаны: Сехпозовъ, Поземковскій, поручики: Портянкинъ 1-й, Мокрицкій, подпоручики: Каргановъ, Снѣжковъ, Портянкинъ 2-й, Соколовскій, прапорщики: Боровскій, Горицкій, Ягодкинъ и Лебедевъ—орденами св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ; дѣлопроизводитель по хозяйственной части, губернскій секретарь Зубцовъ—орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами; оружейный мастеръ Мериновъ—золотою медалью съ надписью „за храбрость“, для ношенія въ петлицѣ на георгіевской лентѣ (***); врачи: коллежскій совѣтникъ Минкевичъ—орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами и коллежскій ассе-

(*) Отзывъ штаба 39-й пѣхотной дивизіи, 1879-го года № 3899-й.

(**) Приказъ по кавказской арміи, 1879-го года № 253.

(***) Приказъ по кавказской арміи, 1879-го года № 273.

соръ Николаенко—орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ (*).

ГЛАВА XI.

Пребываніе полка въ городѣ Эрзерумѣ.—Продолженіе тифозной эпидеміи и наши больные.—Караульная служба въ городѣ и лагерныя занятія.—Выступленіе полка изъ Эрзерума во вновь назначенную штабъ-квартиру, городъ Карсъ.—Заключеніе.

Несмотря на очень раннее весеннее время и на то, что какъ въ самомъ Эрзерумѣ, такъ и въ его окрестностяхъ лежалъ еще снѣгъ, полкъ, по прибытіи своемъ въ названный городъ, былъ, какъ объ этомъ уже упоминалось въ предшествующей главѣ, расположенъ не по квартирамъ, а въ кибиткахъ. Послѣднее обстоятельство было вызвано главнымъ образомъ чисто гигіеническими соображеніями. Всѣ сколько-нибудь свободныя помѣщенія города могли безошибочно считаться зараженными тифозной міазмой, такъ какъ въ большинствѣ этихъ же самыхъ зданій помѣщались турецкіе больные. Всѣ дезинфекціонныя средства были здѣсь безсильны, и занятый нами городъ съ его повсемѣстной нечистотой, и съ огромными, плохо устроенными кладбищами, расположенными посреди̇ѣ жилыхъ кварталовъ—представлялъ собою очень удобную почву, для процвѣтанія всевозможныхъ эпидемическихъ болѣзней.

Чтобы повозможности изолировать людей отъ заразы и дать имъ относительныя гигіеническія удобства, было признано за лучшее—размѣстить полкъ такъ, какъ объ этомъ было говорено выше.

Несмотря, однако, на все это, болѣзненность въ полку не уменьшалась. Полковой лазаретъ нашъ, принявъ къ себѣ въ это время и оставленныхъ въ городѣ больныхъ гурійскаго полка, былъ переполненъ до крайности. Ни размѣры помѣщеній, занимаемыхъ имъ, ни медицинскія средства, ни возможность сколько-нибудь

(*) Приказъ по кавказской арміи, 1879-го года № 348.

правильнаго ухода за массою больныхъ, находящихся въ немъ— ничто не могло считаться, даже приблизительно, удовлетворительнымъ и сколько-нибудь отвѣчающимъ той важности, какую пріобрѣлъ въ это тяжелое время вопросъ о содержаніи многочисленныхъ больныхъ въ полку. Такъ что замѣтнаго улучшенія въ содержаніи послѣднихъ вообще, за описываемое время, по сравненіи съ тѣми условіями, каковыя окружали ихъ въ періодъ стоянки полка по окрестнымъ деревнямъ—признать было невозможно. Если что измѣнилось и приняло благовидную форму въ нашемъ больничномъ мірѣ, вмѣстѣ съ переходомъ полка въ городъ Эрзерумъ, такъ это похороны умиравшихъ солдатъ. Въ предшествующей главѣ настоящаго труда, мы нарисовали мрачную картину этихъ похоронъ, будучи побуждаемы исключительно только однимъ желаніемъ—характеризуя пережитыя полкомъ трудныя минуты, остаться вѣрными дѣйствительности и исторической правдѣ. Лишенія, случайности и неудобства военнаго времени, бываютъ подчасъ настолько велики и неотразимы, что правдивое описаніе ихъ, которому мы старались повозможности придерживаться всегда и вездѣ, должно оградить насъ отъ подозрѣній въ тенденціозномъ сгущеніи красокъ, нѣкоторыхъ частностей этого описанія.

Личное вниманіе начальника согаплугскаго отряда, было обращено въ это время на то, чтобы умиравшіе солдаты непремѣнно хоронились въ гробахъ. И вотъ, скромныя погребальныя процессіи, ежедневно двигавшіяся по улицамъ Эрзерума, приняли теперь нестоль мрачный и гнетущій видъ: простые сосновые гроба усопшихъ тружениковъ, сопровождаемые священникомъ и церковнымъ пѣніемъ, не возбуждали уже болѣе въ душѣ того тяжелаго чувства, которое невольно вызывалось при видѣ похоронъ, о которыхъ было говорено выше. Религіозное чувство русскаго человѣка, принужденнаго умирать на далекой чужбинѣ, успокоилось: онъ былъ увѣренъ, наконецъ, что послѣднее убѣжище его въ земной жизни будетъ обставлено такъ, какъ того требовалъ обрядъ христіанскаго погребенія.

14-го апрѣля въ Эрзерумъ пришло извѣстіе, что генералъ Гейманъ, находившійся въ то время въ городѣ Карсѣ, того же

числа умеръ отъ тифа. Эта роковая вѣсть быстро облетѣла нашъ лагерь. Въ греческомъ соборѣ города была немедленно же назначена панихида по усопшемъ, на которую и собрались всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры войскъ, расположенныхъ въ Эрзерумѣ. Подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія неожиданной кончины одного изъ видныхъ героевъ только-что окончившейся войны, собравшіеся въ храмѣ горячо молились. Смерть, уносившая ежедневно множество безвѣстныхъ жизней, казалось, не щадила никого.

Въ серединѣ апрѣля мѣсяца, полкъ, стоявшій въ кибиткахъ за чертою города близъ карскихъ воротъ, перешелъ на новое мѣсто и расположился въ палаткахъ у подошвы Паланъ-текенъдага, возвышающагося съ сѣверо-восточной стороны города.

Къ этому времени, весна установилась совершенно. Окрестности Эрзерума зазеленѣли, и только на окружающихъ возвышенностяхъ лежалъ еще снѣгъ. Послѣ долгаго оцѣпенѣнія, въ природѣ сразу повѣяло живительнымъ тепломъ, подъ вліяніемъ котораго все живое поднимаетъ голову. Подняли ее и наши многочисленные больные, число которыхъ съ каждымъ днемъ стало замѣтно уменьшаться (*).

Вмѣстѣ съ первыми днями наступившей весны, открылись и наши пути сообщенія съ тыломъ, загроможденные до того времени глубокимъ снѣгомъ. Благодаря этому обстоятельству, явилась возможность приступить къ необходимой эвакуаціи больныхъ изъ нашихъ переполненныхъ лазаретовъ; эвакуація эта и была производима въ это время въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Съ этого цѣлью были употреблены всѣ, имѣвшіяся подъ рукою, перевозочныя средства, нанятые молоканскіе фургоны, транспорты лошадей и караваны верблюдовъ. Такимъ образомъ, къ пятому маю, намъ (**) удалось отправить почти всѣхъ нашихъ больныхъ изъ Эрзерума

(*) Число заболѣвшихъ въ это время равнялось: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ — 170, въ маѣ — 54 человѣкамъ. Мѣсячные отчеты за апрѣль и май мѣсяцы 1878-го года.

(**) Изъ частей 39-й пѣхотной дивизіи, въ Эрзерумѣ въ это время находились полки: бакинскій, дербентскій и кубинскій. Въ іюнѣ мѣсяцѣ къ нимъ присоединился и елисаветпольскій полкъ.

въ тыльные госпиталя, а полковые лазареты, бывшіе до этихъ поръ въ городѣ, закрыть (*).

Служебная дѣятельность полка, въ описываемый періодъ времени, заключалась главнымъ образомъ въ содержаніи городовыхъ карауловъ и въ лагерныхъ занятіяхъ, которыя начались у насъ очень рано и велись все это время въ строгой послѣдовательности. Здѣсь считаемъ нужнымъ привести дословно одинъ офиціальный документъ, изъ котораго будетъ видно, какимъ милостивымъ вниманіемъ своего Августѣйшаго Главнокомандующаго были осчастливлены кубинцы, вмѣстѣ съ прочими полками 39-й пѣхотной дивизіи, съ одной стороны, а съ другой—каково было ихъ положеніе и чѣмъ они занимались въ описываемое время.

Безупречная походно-боевая дѣятельность полковъ 39-й пѣхотной дивизіи и тѣ труды и лишенія, которые выпали имъ на долю въ періодъ блокады Эрзерума, были удостоены высокимъ вниманіемъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдмаршала, Главнокомандующаго кавказскою арміею, которое и выразилось въ слѣдующей телеграммѣ Его Императорскаго Высочества, адресованной отъ 23-го іюня 1878-го года въ городъ Эрзерумъ, на имя командующаго 39-ю пѣхотною дивизіею, генерала Цытовича.

„Что дѣлается въ вашей славной дивизіи: обшились ли, чѣмъ занимаются, прибыло ли все укомплектованіе? Какъ ваше здоровье?“ (**)

На приведенную выше телеграмму Августѣйшаго Главнокомандующаго командовавшій 39-й пѣхотною дивизіею, генералъ-маіоръ Цытовичъ, имѣлъ счастіе отвѣчать, по телеграфу же, слѣдующее:

„Боржомъ. Его Императорскому Высочеству генералъ-фельдмаршалу, Главнокомандующему кавказскою арміею.

„Полки только-что мною отъинспектированы. Обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе, бѣлье, обувь и обозы приведены въ воз-

(*) Приказъ по 39-й пѣхотной дивизіи, 15-го мая 1878-го г. № 109-й.

(**) Приказъ по 39-й пѣхотной дивизіи, 1878-го года № 184-й.

можную исправность; срочное обмундированіе еще не доставлено, ждемъ въ половинѣ іюля.

„Съ началомъ весны занимались, одиночными и шереножными ученьями, прикладкой, прицѣливаніемъ и гимнастикой; затѣмъ пристрѣляли ружья и теперь проходимъ курсъ стрѣльбы въ сокращенномъ размѣрѣ, по двѣ пули на дистанцію.

„Съ 1-го іюля предположены ученья въ разсыпномъ строю поротно и побаталіонно съ примѣненіемъ къ мѣстности, а также полевыя занятія съ офицерами. Санитарное состояніе наличныхъ войскъ весьма удовлетворительно, болѣзненность самая незначительная и смертность ничтожная. Къ сожалѣнію, больные изъ дальнихъ госпиталей возвращаются туго.

„Апрѣльское укомплектованіе прибыло въ полки все, майское еще не дошло. Молодые солдаты оказались порядочно подготовленными и поставлены въ общій ранжиръ.

„Въ лагерѣ соблюдается строгій учебный порядокъ, а въ городѣ караульная служба исполняется безъ малѣйшаго отступленія отъ устава. Вообще войска ведутъ себя отлично и занимаются усердно, видимо, ожидая случая сдѣлаться достойными милостиваго вниманія, оказываемаго Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ.

„Здоровье мое совершенно возстановилось, хотя послѣдствія тифа даютъ еще себя чувствовать. Генералъ Цытовичъ“.

Такъ какъ въ городѣ Эрзерумѣ была погребена масса нашихъ солдатъ и немалое количество офицеровъ, умершихъ во время тифозной эпидеміи, то, въ виду предстоявшаго выступленія нашего изъ Эрзерума и сдачи этого города туркамъ, явилась мысль воздвигнуть часовню въ память усопшихъ. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала, кажется, штабу эрзерумскаго отряда, во главѣ котораго находился въ то время свиты Его Величества генералъ-маіоръ Шереметевъ. Средства на это предпріятіе рѣшено было пріобрѣсти черезъ подписку, къ которой были приглашены и войска названнаго выше отряда. Участіе послѣднихъ въ подпискѣ не могло быть обременительно для нихъ, потому что ротныя суммы полковъ достигли въ то время, благодаря усиленнымъ отпус-

камъ по военному положенію, довольно солидной цифры. Роты собственно кубинскаго полка, какъ это видно изъ офиціальныхъ документовъ, имѣющихся въ канцеляріи полка, пожертвовали на дѣло устройства вышеназванной часовни—каждая по 25-ти р. с.

Между тѣмъ, время близилось къ нашему выступленію изъ Эрзерума, которое должно было совершиться тотчасъ же послѣ очищенія турками Батума, переходившаго къ намъ, на основаніи прелиминарнаго сапъ-стефанскаго договора. Извѣстно, что актъ передачи Батума сильно затянулся, а съ нимъ было отсрочено и наше выступленіе изъ Эрзерума. Но послѣднее обстоятельство, однако, нисколько не мѣшало распоряженіямъ, полученнымъ въ частяхъ нашего эрзерумскаго отряда, которыя были направлены къ тому, чтобы ожидаемое выступленіе наше, въ недалекомъ будущемъ, было совершено безъ всякой задержки. Съ этою цѣлью всѣ излишнія тяжести въ полкахъ были исподоволь отправлены, заблаговременно, въ различные пункты нашего тыловаго расположенія, находящіеся уже на вновь пріобрѣтенной нами территоріи. Такимъ образомъ, мы снова очутились какъ бы на бивуакѣ, ожидая, со дня на день, давно желаннаго возвращенія восвояси. И хотя полкамъ 39-й пѣхотной дивизіи въ перспективѣ не предстояло возвратиться на прежнія свои мѣста, такъ какъ новыми штабъ-квартирами ихъ были назначены: Александрополь (бакинскій полкъ), Карсъ (кубинскій полкъ), Кагызманъ (дербентскій полкъ) и Сарыкамышъ (елисаветпольскій полкъ), но все-таки одно сознаніе болѣе прочнаго и постояннаго водворенія на одномъ мѣстѣ, послѣ слишкомъ годичной походно-боевой жизни, было для насъ очень пріятно.

Такъ шло время пребыванія нашего въ Эрзерумѣ. Среди однообразія, царившаго въ нашемъ лагерѣ, наступилъ мусульманскій праздникъ Байрамъ (*). На насъ онъ отразился тѣмъ, что потребовалъ усиленной караульной службы, такъ какъ это праздничное время, въ городѣ, среди фанатическаго мусульманскаго населенія, вызвало съ нашей стороны потребность въ усиленныхъ карауллахъ и почныхъ патруляхъ. Впрочемъ, никакихъ проявленій вражды къ намъ со стороны турокъ въ описываемое время не про-

(*) Начало его совпало съ 6-мъ числомъ августа мѣсяца.

изошло, за исключеніемъ того, что одинъ солдатъ кубинскаго полка (*), находившійся на часахъ у пороховаго погреба, близъ карскихъ воротъ, сдѣлался жертвою неизвѣстныхъ злоумышленниковъ: по немъ былъ сдѣланъ, часовъ въ 11-ть ночи, выстрѣлъ, которымъ онъ и былъ раненъ въ ногу.

Еще ранѣе этого праздника, а именно въ серединѣ іюля мѣсяца, въ Эрзерумъ прибылъ вновь назначенный начальникомъ войскъ, въ карской и эрзерумской областяхъ расположенныхъ, генералъ-лейтенантъ Лазаревъ. Осмотрѣвъ лагерное расположеніе частей эрзерумскаго отряда, генералъ прожилъ нѣсколько дней въ этомъ городѣ.

Во время пребыванія генерала Лазарева въ Эрзерумѣ, тамъ были открыты засѣданія полеваго суда, дѣятельность котораго была вызвана двумя случаями, происшедшихъ въ окрестностяхъ города, разбойническихъ нападеній, съ цѣлью грабежа. Обвиняемыми въ обоихъ случаяхъ явились турки, а жертвами были: сначала одно армянское семейство, проживавшее въ сел. Чифтликъ, гасанъ-кальскаго округа, а затѣмъ казакъ оренбургскаго войска, который былъ убитъ на дорогѣ между сел. Занзакъ и постомъ Кара-Чуха (**), куда онъ везъ эстафету; злоумышленники въ обоихъ случаяхъ были пойманы и преданы Его Императорскимъ Высочествомъ, Главнокомандующимъ кавказскою арміею, полевому суду, безъ права аппелляціи.

Судъ по первому изъ вышеназванныхъ дѣлъ, въ своей резолюціи, приговорилъ троихъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а по второму оправдалъ подсудимаго за недостаткомъ уликъ. Эти приговоры суда были утверждены генераломъ Лазаревымъ, и смертная казнь надъ приговоренными по первому дѣлу, была совершена въ 7-мь часовъ утра 15-го іюля, на отрогахъ высоты увѣнчанной фортомъ малый Кереметли.

Между тѣмъ, переговоры о сдачѣ намъ Батума окончились и въ концѣ августа, а именно 25-го числа, русскія войска должны были вступить въ вышеназванный городъ. Сообразно этому обстоя-

(*) Рядовой 9-й роты Яковъ Нѣжинскій.

(**) Пункты эти находятся также въ предѣлахъ гасанъ-кальскаго округа.

тельству, войскамъ эрзерумскаго отряда приказано было приготовиться къ выступленію изъ г. Эрзерума. Днемъ выступленія кубинскаго полка было назначено 3-е сентября (*). Полку предстояло двигаться во вновь назначенную ему штабъ-квартиру, кр. Карсъ, по, такъ называемой, большой эрзерумской дорогѣ, идущей на Гасанъ-Кала, селенія Зивинъ и Сарыкамышъ.

Еще за нѣсколько дней до выступленія, всѣмъ войскамъ эрзерумскаго отряда, расположеннымъ въ городѣ, былъ произведенъ парадъ на довольно обширномъ полѣ, лежащемъ между карскими воротами и фортомъ Ахали. На парадъ этотъ прибылъ весь наличный генералитетъ нашъ, а также были приглашены представители турецкой власти въ г. Эрзерумѣ и иностранные консула. Къ этому времени, въ части нашего отряда успѣло прибыть уже срочное обмундированіе, почему люди и были выведены на парадъ въ блестящемъ видѣ. Особенно эффектенъ былъ церемоніальный маршъ: стройные ряды пѣхоты, рослыя лошади нашихъ драгунъ и нашей артилеріи произвели видимое впечатлѣніе на окружающихъ зрителей; что же касается до нашей казачьей батареи, то она снявшись съ передковъ на всемъ карьерѣ передъ изумленною толпою, была выше всякихъ похвалъ.

Наконецъ наступило третье сентября. Часовъ въ 7-мь утра, въ лагерѣ кубинцевъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ, послѣ котораго полкъ двинулся въ походъ.

Несмотря на осеннее время, день былъ очень жаркій, что немало затрудняло наше походное движеніе. Путь нашъ шелъ все въ гору, до самаго хребта Деве-Бойну, отроги котораго упираются въ равнину Пасина. Въ этой равнинѣ, послѣ перехода верстъ въ 20-ть, былъ назначенъ намъ первый ночлегъ, въ сел. Чифтликъ.

5-го Сентября, въ г. Гасанъ-Кала полкъ сдѣлалъ дневку. Въ этотъ день было рѣшено отправиться на могилы похороненныхъ здѣсь офицеровъ кубинскаго полка: капитана Наумова, подпоручика кн. Авалова и прапорщика Резухина и отслужить, по этимъ, „во брани животъ свой положившимъ“ товарищамъ нашимъ, заупокойную литію. Съ этою цѣлью весь полкъ, со своимъ бригад-

(*) Приказъ по 39-й пѣхотной дивизіи, 1878 года № 272-й.

нымъ командиромъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ графомъ Борхомъ во главѣ, отправился на небольшое кладбище, въ землѣ котораго покоились кости многихъ героевъ, павшихъ славною смертью, при штурмѣ укрѣпленной турецкой позиціи Деве-Бойну. Когда мы достигли наконецъ этого кладбища и съ очень большимъ трудомъ отыскали дорогія намъ могилы, заваленныя камнемъ и осѣненныя кое-какъ уцѣлѣвшими простыми деревянными крестами—грустное чувство, щемящею болью, отозвалось въ душѣ каждаго. Далеко на чужбинѣ, въ виду грозной турецкой позиціи, опоясанной въ нѣсколько рядовъ траншеями, упокоились, безвременно, дорогіе намъ люди въ своихъ безвѣстныхъ могилахъ, пожертвовавъ лучшимъ своимъ достояніемъ—жизнію, во имя благаго дѣла освобожденія братьевъ.

Лишенный возможности своевременно отдать послѣднюю честь павшимъ героямъ, полкъ, въ полномъ своемъ составѣ, пришелъ теперь исполнить этотъ послѣдній долгъ передъ тѣми, подвиги и смерть которыхъ должны украсить страницы его боевой лѣтописи. Подъ впечатлѣніемъ охватившаго насъ чувства, мы горячо молились, а провозглашеніе священникомъ вѣчной памяти вызвало у многихъ неподдѣльныя слезы.

18-го сентября полкъ прибылъ, въ назначенную для него штабъ-квартиру, кр. Карсъ. Здѣсь мы узнали, что въ концѣ мѣсяца долженъ былъ прибыть въ кр. Карсъ Его Императорское Высочество, генералъ-фельдмаршалъ, Главнокомандующій кавказскою арміею. Минута предстоявшаго смотра была для насъ торжественна. Августѣйшій Главнокомандующій, безъ сомнѣнія, будетъ благодарить полкъ за его боевую службу—думалось каждому изъ насъ. Расположившись лагеремъ, мы принялись готовиться къ пріѣзду Его Императорскаго Высочества. Съ этою же цѣлію въ Карсъ былъ вызванъ и дербентскій полкъ изъ своей штабъ-квартиры, гор. Кагызмана.

1-го октября изволилъ прибыть въ Карсъ Августѣйшій Главнокомандующій кавказскою арміею а 2-го числа того же мѣсяца, наканунѣ годовщины славнаго погрома арміи Мухтаръ-паши на аладжинскихъ высотахъ, былъ назначенъ смотръ. Въ этотъ день

дербентскій и кубинскій полки были выстроены передъ своимъ лагеремъ, находившимся съ юго-восточной стороны города, на пространствѣ между фортами Хафизъ-паша и Каплы. Ровно въ 10-ть часовъ Его Императорское Высочество изволилъ прибыть къ полкамъ. Поздоровавшись съ ними, Великій Князь изволилъ милостиво благодарить полки за походно-боевую службу и поздравилъ ихъ съ георгіевскими знаменами, Всемилостивѣйшее пожалованіе коими, полковъ 39-й пѣхотной дивизіи, ожидалось со дня на день (*). Вслѣдъ затѣмъ вызвавъ впередъ тѣхъ офицеровъ, которые были награждены орденомъ св. Георгія 4-й степени, Его Высочество благодарилъ и осчастливилъ, каждаго изъ нихъ, поданіемъ руки. Кромѣ того, въ этотъ же день, въ кубинскомъ полку лично было розданы Августѣйшимъ Главнокомандующимъ: 18-ть знаковъ отличія военнаго ордена 4-й ст., одинъ 3-й ст. и одинъ 2-й ст. (**).

Такъ закончилась походно-боевая жизнь кубинскаго полка въ періодъ минувшей войны нашей съ турками 1877—1878 годовъ. Войдя, въ началѣ кампаніи, въ составъ войскъ дѣйствующаго корпуса еще молодымъ полкомъ, безъ боевыхъ традицій и безъ славнаго имени, кубинцы теперь безупречно пріобрѣли и то и другое. Не число дѣлъ, въ которыхъ пришлось участвовать полку и не громкое значеніе этихъ послѣднихъ составитъ лучшія страницы его боевой лѣтописи; составитъ ихъ, безъ сомнѣнія, та добросовѣстность и безупречное мужество, съ которыми весь полкъ,

---

(*) Его Императорское Величество Государь Императоръ, во время своего пребыванія въ Ливадіи, въ 13-й день октября мѣсяца 1878 года, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ:

„Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія и въ награду за подвиги, мужество и храбрость, оказанные, впродолженіи минувшей войны 1877 и 1878 годовъ, войсками, дѣйствовавшими въ азіатской Турціи, Государь Императоръ Всемилостивѣйше жалуетъ имъ:

„Георгіевскія знамена съ надписями: „за отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ".

Въ числѣ прочихъ: 1-му, 2-му, 3-му и 4-му баталіонамъ 155-го пѣхотнаго кубинскаго полка.

(**) Приказъ по кубинскому полку, 1878 г. № 274.

начиная съ полковаго командира и кончая солдатомъ, всегда дѣйствовалъ—и на поляхъ битвъ и среди той массы труда и лишеній, которыя выпадали на его долю. Пусть теперь же въ этомъ скромномъ сознаніи честно выполненнаго долга, цѣною многихъ геройскихъ жизней и беззавѣтно пролитой крови, кубинскій полкъ обрѣтетъ для себя залогъ дальнѣйшаго развитія въ немъ тѣхъ доблестныхъ качествъ, которыя всегда и вездѣ были присущи храброму русскому воинству!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Составъ офицеровъ и классныхъ чиновниковъ полка, принимавшихъ участіе въ компаніи 1877—1878-го годовъ (*). Полковники: князь Аргутинскій-Долгоруковъ (командиръ полка), Бѣляевъ; подполковники: Кобіевъ, Мдивани, Абеловъ; маіоры: Фовицкій, князь Магаловъ, Пшеничный, князь Аргутинскій-Долгоруковъ; капитаны: Давыдовъ, Кореневъ, Нейдингъ, Чуминъ, Меликовъ, Векиловъ, князь Аргутинскій-Долгоруковъ, Бакрадзе, Ассѣевъ, Микеладзе, Стефановичъ, Перехвальскій, Дружиловскій; штабсъ-капитаны: Сехпозовъ, Бегіевъ, Марченко, Проценко, Павловичъ, Повемковскій, Скуратовъ, Жуковъ, Черепахинъ-Иващенко; поручики: Реймерсъ, Мокрицкій, Ананьевъ, Портянкинъ 1-й, Лешковъ, Кузнецовъ 1-й, Пѣшковъ, Золотаревъ, Ахшарумовъ, Гончаровъ, князь Аргутинскій-Долгоруковъ, Дробязгинъ, Яблоновскій; подпоручики: Гангебловъ, Меркушовъ, Каданцевъ, Каргаповъ, Поповъ, Кузнецовъ 2-й, Силаевъ, Старцевъ, Портянкинъ 2-й, Соколовскій, Щигловскій, Давыдовъ, Гусейновъ, Снѣжковъ, Лисичкинъ, Фавстрицкій, Десницкій, Жуковъ 2-й, Каликинскій; прапорщики: Тихоновъ, Навозовъ, Лебедевъ, Боровскій, Горицкій, Крутиковъ, Кругловъ, Ягодкинъ, Александровъ, Эристовъ. Классные чиновники: исправляющій должность дѣлопроизводителя по хозяйственной части, губернскій секретарь Зубцовъ; врачи: старшій, коллежскій совѣтникъ Минкевичъ; младшіе: коллежскіе ассесора Перевозниковъ, Николаенко; священникъ Преображенскій; прикомандированные: лейбъ-гвардіи павловскаго полка поручики: Мамаевъ, Филипьевъ, Шерстневскій, Бутовскій (**); 153-го пѣхотнаго бакинскаго Его Высочества Сергія Михаиловича полка поручикъ Дружиловскій, 154-го пѣхотнаго дербентскаго полка подпоручикъ Сахаровъ; младшій врачъ военно-временнаго № 2-го госпиталя, Циркуленко; младшій

(*) Чины и старшинство службы лицъ этого списка показаны тѣ, въ которыхъ они состояли къ 1-му январю 1880-го года.

(**) О чинахъ въ которыхъ состояли къ 1-му января 1880-го года названныя лица въ полку свѣдѣній не имѣется.

врачъ 19-й пѣхотной дивизіи, Дорошкевичъ; младшій врачъ кавказскаго военно-временнаго № 57-го госпиталя, Богословскій; младшій врачъ 159-го пѣхотнаго гурійскаго полка, Филипченко. Кавалеры св. Георгія 4-й степени: полковникъ Бѣляевъ, маіоръ князь Магаловъ, капитанъ Мекеладзе, штабсъ-капитанъ Бегіевъ. Офицеры убитые въ дѣлахъ съ непріятелемъ: подпоручикъ князь Аваловъ; умерли отъ ранъ полковникъ Кабенинъ, капитанъ Наумовъ, прапорщикъ Резухинъ; раненые: штабсъ-капитанъ Павловичъ, подпоручики: Гусейновъ, Старцевъ; прапорщикъ Александровъ; умерли вовремя тифозной эпидеміи: штабс-капитаны: Павленко, Пономаревъ; подпоручикъ Силуановъ, прапорщикъ Косаревъ.

2007231730